

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

5.5. Политология,
5.6. Исторические науки,
5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 20.03.2023 года):

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки),
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фомин-Нилов Денис Валерьевич, канд. ист. наук, и.о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Власов Евгений Евгеньевич, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Волынчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дудин Павел Николаевич, доктор ист. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исаковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Инь Жуюй, канд. полит. наук, заместитель директора Исследовательского института по развитию и сотрудничеству Китая и России на Дальнем Востоке Ляонинского университета, г. Шэньян, Китай.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Притчин Станислав Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва, Россия.

Пустойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). <https://doi.org/prefix>: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>. Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

5.5. Political science,
5.6. Historical sciences,
5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of March 20, 2023):

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
5.5.4. International relations (political sciences),
5.6.1. Domestic history (historical sciences),
5.6.2. General history (historical sciences),
5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences),
5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences),
5.9.6. Languages of the peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages) (philological sciences),
5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Denis V. Fomin-Nilov, Candidate of Historical Sciences, Acting Rector of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Evgeny E. Vlasov, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Director of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Pavel N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Yin Ruyu, Candidate of Political Sciences, Deputy Director of the Research Institute for Development and Cooperation between China and Russia in the Far East, Liaoning University (Shenyang, China).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor).

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Stanislav A. Pritchinn, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Central Asia Sector, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgeny V. Pustovoit, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei S. Sevastyanov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 2 (62) • 2024

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил
под названием "Известия
Восточного института
Дальневосточного
государственного
университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2>

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР

Сунь Чжуанчжи, Карпович О.Г., Власов Е.Е., Сидорова Л.Н., Козюлин В.Б., Ли Юнхуэй, Добровольский В.Н., Оуян Сян'ин, Дмитриева М.О., Гришанов А.А., Нью Ичэнь, Мартынова Д.О., Цян Сяюнь, Лукин А.Л., Дон Сянжон, Козинец А.И., Ван Сяньцзюй, Козлов Л.Е., Шан Юэ. Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства 11

ТЕОРИЯ И МЕТОД

Демьяненко А.Н., Киреев А.А. Спорные вопросы теории и методологии исследований регионов: диалог географа с политологом 34

ИСТОРИЯ

Ковальчук М.К. К вопросу о приоритетах государственного развития Японии в начальный период эпохи Мэйдзи. Кидо Такаёси (1833–1877) о силе государства и его ответственности 44

Ширапов А.А. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии: финансовый аспект (1912–1914 гг.) 56

Ли Янь. Русская культура и образование в Тяньцзине 64

ПОЛИТИКА

Баранникова А.О. Ядерная стратегия КНДР и готовность к применению ядерного оружия 71

Корниук М.В. Развитие ядерной энергетики в Северо-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы 85

Борисов Д.А., Карманова Л.А. Периодизация внешней политики КНР в отношении Центральнo-Азиатского региона (1990–2024 гг.) .. 97

Ван Жуй. Китай и Камбоджа: модель международного сотрудничества в рамках инициативы "Пояс и Путь" 109

Тарантул Р.В., Лукин А.Л. Институциональная структура пограничной политики в северо-восточном Китае 120

Санина К.Г., Алексеев В.И., Начманский М.Е. Особенности взаимного влияния "мягкой силы" США и Японии 141

ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА

РЕЦЕНЗИИ

Иконникова Е.А., Добрычева А.А. "Что тянется,
как длинный хвост фазана": о рецепциях в
переводах японской поэзии 151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Миягава Осаму. Сиро Хасэгава и фильм "Дерсу
Узала" 155

Подписку на журнал можно осуществить через электронный каталог агентства "Урал-Пресс"
(<https://www.ural-press.ru/catalog/>).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2024

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 2 (62) • 2024

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2>

CONTENTS

SCIENTIFIC SEMINAR

- Sun Zhuangzhi, Karpovich O.G., Vlasov E.E., Sidorova L.N., Kozyulin V.B., Li Yonghui, Dobrovolskiy V.N., Ouyang Xiangying, Dmitrieva M.O., Grishanov A.A., Niu Yichen, Martynova D.O., Qiang Xiaoyun, Lukin A.L., Dong Xiangrong, Kozinets A.I., Wang Xianju, Kozlov L.E., Shang Yue. East Asia and the Asia-Pacific: actors and tasks of the regional architecture of the world order 12

THEORY AND METHOD

- Demyanenko A.N., Kireev A.A. Controversial issues in the theory and methodology of regional studies: dialogue between a geographer and a political scientist 34

HISTORY

- Kovalchuk K.N. The issue of state development strategy in the beginning of the Meiji period. Kido Takayoshi (1833–1877) on the power and responsibility of the state 44
- Shirapov A.A. The activities of Russian military instructors in Mongolia: financial aspect (1912–1914) 56
- Li Yan. Russian culture and education in Tianjin 64

POLITICS

- Barannikova A.O. Nuclear strategy of the DPRK and readiness to the NW use 71
- Korniyuk M.V. Nuclear energy development in Northeast Asia: history, trends, prospects 85
- Borisov D.A., Karmanova L.A. Periodization of China's foreign policy towards the Central Asian region (1990–2024) 97
- Wang Rui. China-Cambodia: a model for international cooperation under the Belt and Road Initiative 109
- Tarantul R.V., Lukin A.L. The institutional structure of border policy in China's Northeast 120
- Sanina K.G., Alekseev V.I., Nachmanskii M.E. Peculiarities of USA and Japan mutual "soft power" influence 141

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

REVIEWS

Ikonnikova E.A., Dobrycheva A.A. "What stretches like the long tail of a pheasant": about receptions in translations of Japanese poetry 151

SCIENTIFIC LIFE

Miyagawa Osamu. Shiro Hasegawa and movie of "Dersu Uzala" 155

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.

The journal's subscription index is 42398.

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 265-24-24 (2942).

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2024

Научный семинар
УДК 908(571.6).
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства

Чжуанчи СУНЬ

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Олег Геннадьевич КАРПОВИЧ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, ogk@dipacademy.ru

Евгений Евгеньевич ВЛАСОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vlasov.ee@dvfu.ru

Лидия Николаевна СИДОРОВА

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, lid.nik.sidorova@gmail.com

Вадим Борисович КОЗЮЛИН

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, v.kozyulin@dipacademy.ru

Юнхуэй ЛИ

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Василий Николаевич ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, annadobcom@yahoo.com

Сян'ин ОУЯН

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dmitrieva.mo@dvfu.ru

Антон Александрович ГРИШАНОВ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, a.grishanov@dipacademy.ru

Ичэнь НЮ

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Дарья Олеговна МАРТЫНОВА

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, daria.mosolova@gmail.com

Сяюнь ЦЯН

Шанхайская академия международных исследований, Шанхай, Китай, external@siis.org.cn

Артем Леонидович ЛУКИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, lukin.al@dvfu.ru

Сянжон ДОН

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Андрей Игоревич КОЗИНЕЦ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozinetc.ai@dvfu.ru

Сяньцзюй ВАН

Центр исследования России Народного университета Китая–Санкт-Петербургского государственного университета, Пекин, Китай, international@ruc.edu.cn

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozlov.le@dvfu.ru

Юэ ШАН

Китайская академия современных международных отношений, Пекин, Китай, yuhao@cicir.ac.cn

Аннотация. В публикации представлены материалы российско-китайского круглого стола Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства, состоявшейся 30 января 2024 г. В мероприятии приняли участие ученые-международники Дальневосточного федерального университета, Дипломатической академии Министерства иностранных дел (МИД) России и Китайской академии общественных наук (КАОН). В ходе круглого стола эксперты рассмотрели специфику региональной архитектуры в АТР и обсудили особенности концептуальных взглядов РФ и Китая на международные отношения в Азии.

Ключевые слова: АТР, РФ, КНР, Корейский полуостров, региональная безопасность, мировой порядок

Для цитирования: Сунь Чжуанчи, Карпович О.Г., Власов Е.Е., Сидорова Л.Н., Козюлин В.Б., Ли Юнхуэй, Добровольский В.Н., Оуян Сян'ин, Дмитриева М.О., Гришанов А.А., Ню Ичэнь, Мартынова Д.О., Цян Сяюнь, Лукин А.Л., Дон Сянжон, Козинец А.И., Ван Сяньцзюй, Козлов Л.Е., Шан Юэ. Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 11–33. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

© Сунь Чжуанчи, Карпович О.Г., Власов Е.Е., Сидорова Л.Н., Козюлин В.Б., Ли Юнхуэй, Добровольский В.Н., Оуян Сян'ин, Дмитриева М.О., Гришанов А.А., Ню Ичэнь, Мартынова Д.О., Цян Сяюнь, Лукин А.Л., Дон Сянжон, Козинец А.И., Ван Сяньцзюй, Козлов Л.Е., Шан Юэ, 2024

Scientific seminar
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

East Asia and the Asia-Pacific: actors and tasks of the regional architecture of the world order

Zhuangzhi SUN

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Oleg G. KARPOVICH

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, ogk@dipacademy.ru

Evgeny E. VLASOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vlasov.ee@dvvu.ru

Lydia N. SIDOROVA

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, lid.nik.sidorova@gmail.com

Vadim B. KOZYULIN

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, v.kozyulin@dipacademy.ru

Yunhui LI

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Vasily N. DOBROVOLSKY

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, annadobcom@yahoo.com

Xiangying OUYANG

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Marina O. DMITRIEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dmitrieva.mo@dvvu.ru

Anton A. GRISHANOV

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, a.grishanov@dipacademy.ru

Yichen NIU

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Daria O. MARTYNOVA

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, daria.mosolova@gmail.com

Xiaoyun QIANG

Shanghai Academy of International Studies, Shanghai, China, external@siis.org.cn

Artyom L. LUKIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, lukin.al@dvvu.ru

Xiangzhong DONG

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Andrey I. KOZINETS

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozinets.ai@dvvu.ru

Xianju WANG

Center for Russian Studies of the People's University of China–St. Petersburg State University, Beijing, China, international@ruc.edu.cn

Leonid E. KOZLOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozlov.le@dvvu.ru

Yue SHANG

Chinese Academy of Modern International Relations, Beijing, China, yuhao@cicir.ac.cn

Abstract. The publication presents materials from the Russian-Chinese round table East Asia and the Asia-Pacific: actors and tasks of the regional architecture of the world order, held on January 30, 2024. The event was attended by international relations scholars from the Far Eastern Federal University, the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Russia and Chinese Academy of Social Sciences (CAOS). During the round table, experts examined the specifics of regional architecture in the Asia-Pacific region and discussed the features of the conceptual views of the Russian Federation and China on international relations in Asia.

Keywords: Asia-Pacific region, Russian Federation, China, Korean Peninsula, regional security, world order

For citation: Sun Zhuangzhi, Karpovich O.G., Vlasov E.E., Sidorova L.N., Kozyulin V.B., Li Yunhui, Dobrovolskij V.N., Ouyang Xiangying, Dmitrieva M.O., Grishanov A.A., Niu Yichen, Martynova D.O., Qiang Xiaoyun, Lukin A.L., Dong Xiangrong, Kozinets A.I., Wang Xianju, Kozlov L.E., Shang Yue. East Asia and the Asia-Pacific: actors and tasks of the regional architecture of the world order // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 11–33. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

Вступительные слова

Модератор – Ли Юнхуэй

Сунь Чжуанчжи: Добрый день, уважаемые коллеги! В настоящее время мы наблюдаем, как набирает оборот эскалация блоков в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны сталкиваются с вызовами, которые требуют от них проведения реформ

и преобразований. Санкции, направленные Западом против России, заставляют Москву проводить корректировки как на национальном уровне, так и на уровне двусторонних отношений и международных институтов.

Мы стали свидетелями меняющейся ситуации на мировом уровне. Наша эпоха – это эпоха больших перемен. Наши научные институты с этой точки зрения должны сыграть свою роль в выработке конкретных ответных мер на противостояние и адаптацию к меняющейся обстановке в регионе и в мире. На фоне обостряющейся конфронтации в АТР дружественным странам необходимо поддерживать взаимное доверие. Осознавая свою связность, Россия и Китай могут через двусторонние отношения расширить меры доверия на весь регион. Это сообщество единой судьбы на региональном уровне.

Поддержка бизнеса, экономическое и культурное взаимодействие должны служить драйвером для подъема сотрудничества на других уровнях. В этой связи перекрестное проведение годов культуры России и Китая и подобные мероприятия являются хорошей основой укрепления сотрудничества. Надеюсь, наше мероприятие тоже будет способствовать этой цели.

Карпович О.Г.: Уважаемые коллеги! Я не совсем соглашусь с Конфуцием, который говорил: "Не дай бог жить в эпоху перемен". Считаю, что, если перемены в положительную сторону, они должны быть реализованы. Мы стали свидетелями тектонических сдвигов, создаются новые центры силы, эпоха однополярности подходит к концу.

Новая концепция внешней политики РФ уделяет АТР и Китаю большое внимание. Это очень важно. Англо-саксонский мир в концепции находится на последнем месте, что указывает на приоритеты во внешней политике Российской Федерации.

В АТР происходят серьезные изменения. США пытаются втащить всех в новое НАТО. Мы внимательно наблюдаем за Тайванем, и некоторые признаки того, что происходило на Украине, мы можем отследить и здесь.

К сожалению, американцы совершают все действия в мире по одному сценарию. И нам нужно делать выводы и предпринимать определенные меры противодействия. У РФ есть ряд проектов, среди них – Большое евразийское партнерство. Мы были бы признательны, если бы китайские партнеры уделили этому проекту повышенное внимание.

Глобальный Юг, глобальный Восток, мировое большинство – новые термины, которые получил научный мир и которые требуют своего осмысления. В международных отношениях появился запрос на справедливость. Большинство – более 7 млрд. человек. Они не хотят строить международные отношения по старым правилам. И современность требует баланса интересов, взаимного уважения между государствами и учета интересов всех участников международного общения. Нам есть о чем подумать и какие выводы сделать.

Мао Цзэдун сказал: "Меньшинство должно подчиниться большинству". Я надеюсь, что скоро мы станем свидетелями нового справедливого мирового порядка.

Власов Е.Е.: Хотел бы поблагодарить сотрудников Дипломатической академии МИД России за инициативу проведения этого мероприятия и пользоваться случаем, поздравить с юбилеем вашу организацию. В 1934 г. был создан Институт по подготовке дипломатических и консульских работников, и вот на протяжении уже 90 лет Академия готовит высокопрофессиональных дипломатов, работающих во всех уголках мира на благо России.

Этот год также является юбилейным и для нас. 125 лет назад был создан Восточный институт, из которого вырос университет. В настоящее время Восточный институт-Школа региональных и международных исследований ДВФУ – это один из ведущих в России образовательных и научных центров по изучению Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Безусловно, нам есть что обсудить друг с другом, поскольку Россия и Китай – азиатско-тихоокеанские державы и восточноазиатские соседи. Сейчас мы достигли небывалого уровня доверия в стратегическом партнерстве, и вполне возможно, что именно эти отношения, которые строятся на дружеских и культурных

связях, станут базисом для нового миропорядка. Наша конференция становится еще одним примером партнерства не только между нашими организациями, но и между двумя странами.

Уверен, что сегодняшний семинар, организованный такими известными научными центрами, пройдет на высоком уровне, результаты будут полезны всем участникам, а предложенные рекомендации найдут свое применение в дальнейшей практической деятельности.

Ситуация в регионе

Модератор – Сидорова Л.Н.

Козюлин В.Б. (доклад "Военная ситуация на Тихом океане и в АТР"): Здравствуйте, коллеги! Сегодня мы говорим о стратегическом регионе, где сходятся три наиболее важных пролива в мире: Малаккский, Зондский и Ломбокский – и три прибрежных государства: Индонезия, Малайзия и Сингапур, – способных контролировать большую часть мирового торгового пути. И, конечно, Соединенные Штаты хотят контролировать эти пути (торговые, энергетические, логистические). Президент Обама даже назвал себя "первым тихоокеанским президентом".

В то же время аналитики отдают предпочтение военной мощи Китая в сравнении с Соединенными Штатами, правда без учёта ядерного оружия. В трёх показателях из четырёх Китай лидирует: по численности армии, по количеству сухопутных вооружений и по количеству кораблей. При этом Соединённые Штаты имеют серьёзное преимущество в воздухе: по военным самолётам более чем в 3 раза, по самолётам-заправщикам в 38 раз, по вертолётам в 3 раза. Но и ощутимый перевес в количестве эсминцев, авианосцев и вертолётоносцев. Военные расходы Соединённых Штатов почти в три раза выше, чем у Китая, но эффективность расходования средств (военных расходов) у Китая тоже выше раза в три. Так что, наверное, здесь мы можем говорить о примерном паритете.

По оценкам американских учёных Китай обладает примерно 500 ядерными боеголовками. В Пентагоне считают, что к 2030 г. Китай будет иметь 1000 ядерных боеголовок, т.е. всё равно в пять раз меньше, чем Соединённые Штаты сегодня. Соответственно, они разворачивают противоракетную оборону, и в 2019 г. признали в своём докладе "Обзор противоракетной обороны США", что система противоракетной обороны призвана противостоять не только Северной Корее, но и рассчитана на сдерживание Китая и России.

Соединенные Штаты разворачивают глобальную систему противоракетной обороны. Речь идёт о строительстве интегрированной многоуровневой архитектуры противоракетной обороны, причём в западной части Тихого океана, на второй цепи островов, также строится вторая линия противоракетной обороны. Ну и конечно, Соединённые Штаты стремятся окружить Китай системой военных баз, политических и квазиполитических военных союзов, таких как AUKUS, QUAD и др.

Прочитирую начальника Генерального штаба ВС РФ Валерия Герасимова, который сказал, что создание в АТР подобных НАТО военных блоков, как AUKUS (Австралия, Великобритания, США), тройственный союз США – Япония – Республика Корея и других квазиальянсов военной направленности, "привносит в регион вызовы и угрозы, аналогичные тем, с которыми сегодня столкнулась Европа".

Мы наблюдаем, как Вашингтон втягивает европейские государства в противостояние с Китаем, очевидно, против их воли. То есть, с одной стороны, будучи частью запада, Евросоюз демонстрирует свою поддержку Америке, с другой стороны, будучи важнейшим экономическим партнёром Китая, Евросоюз отказывается пока рассматривать Китай как экзистенциальную угрозу своей безопасности.

Подобную двойственную позицию мы можем видеть в стратегических документах ведущих европейских стран (Франции, Германии, Нидерландов), но отдельным выделяется британский документ, опубликованный в 2021 г., который характеризуется враждебным отношением к Китаю. То есть, Великобритания враждебно настроена против Китая.

НАТО демонстрирует агрессивные планы не только на море, но и в космосе. В феврале прошлого года 16 стран НАТО подписали соглашение о создании объединённой группировки национальных и коммерческих космических спутников под названием "Аквила", т.е. они объединяют свои космические ресурсы с тем, чтобы совместно использовать их в военных целях.

В заключении хочу сказать, что, вероятно, мы можем предвидеть два сценария: либо новую "холодную войну" в регионе, где участников разделяют социальные, идеологические различия и где они борются за геополитическое преобладание в разных сферах, либо возможен второй оптимистический сценарий, где соперничество принимает форму соревнования в экономике и в технологиях, а не конкуренции в сфере безопасности и обороны, что, наверное, менее вероятно, но возможно.

Модератор: Благодарим Вадима Борисовича за такой чёткий и точный обзор ситуации на суше, море, воздухе и даже в космосе, сравнительный анализ военных потенциалов и планов стран.

Ли Юнхуэй (доклад "Особенности геополитической ситуации в Северо-Восточной Азии"): Сейчас, когда мир вступил в новый период потрясений и перемен, восточноазиатский регион, в котором расположены Китай и Россия, также претерпевает глубокие изменения. Нынешнее стратегическое противостояние с Соединёнными Штатами не может быть сравнено с эпохой "холодной войны". Оно не означает всеобъемлющего стратегического соперничества: китайско-американское противостояние отлично от антагонистической борьбы между США и СССР во времена "холодной войны". В то время Советский Союз стремился одержать победу над Соединёнными Штатами и западными странами. Китай, в свою очередь, имеет другие цели и не стремится к развязыванию новой войны, но для государства это, бесспорно, серьёзный вызов.

С целью общего развития мира Китай представил концепцию "сообщества единой судьбы человечества", глобальную инициативу развития и обеспечения мировой безопасности. Основная цель заключается в продвижении инклюзивного, справедливого и основанного на сотрудничестве мира, построенного совместно западными странами, включая Соединённые Штаты.

Важно поддерживать устойчивые российско-китайские отношения, которые, однако, во многих отраслях сталкиваются со всё большим количеством ограничений. На фоне развёртывания стратегического противостояния между Китаем и Соединёнными Штатами необходимо правильно позиционировать российско-китайские отношения, сопрягать их с глобальными инициативами в области безопасности, продвигаемыми Китаем, поддерживать мир во всём мире, а также обеспечивать интересы развития Китая и достижение великой цели национального возрождения. Эти задачи требуют нашего углубленного исследования.

Модератор: Для изложения российского взгляда на геополитическую динамику в регионе мы предоставляем слово **Василию Николаевичу Добровольскому**, чрезвычайному и полномочному посланнику 1 класса, советнику Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Добровольский В.Н. (доклад "Особенности геополитической динамики в субрегионе Восточной Азии и АТР"):

Спасибо большое! Уже говорилось, что Азиатско-Тихоокеанский регион претерпевает изменение международного политического ландшафта, но геополитические трансформации протекают без таких острых конфликтных разломов, которые мы видим в Европе. На это влияет несколько факторов:

Во-первых, Азия географически удалена от основных театров противостояния сегодня.

Во-вторых, в Азии традиционно велика роль социальных и экономических факторов. Без их решения (социальных и экономических проблем развития) невозможно решать проблемы военной безопасности. Военными мерами доверия здесь не обойдётся.

В-третьих, международные институты Азии, такие как ШОС или ЕврАзЭС, несмотря на пандемию, несмотря на политические стрессы, оказались (и это хоро-

шо) не подвержены тем разрушающим факторам, которые действуют в Европе. Может быть, эти институты в Азии были и сейчас менее структурированы, чем европейские бывшие аналоги, но они оказались более устойчивые и жизнеспособные.

В-четвертых, принципиально важно, чтобы в Азии укоренилась своя традиция решения задач безопасности – искать развязки на принципах инклюзивности, консенсуса, учёта интереса всех. Это уже культурный код Азии, который нарушить практически невозможно.

И представляется, что эта совокупность факторов и особенности специфики Азиатско-Тихоокеанского региона выделяют его среди других в качестве перспективной площадки перехода к многополярной архитектуре мироустройства, которая была бы адекватна с изменившимися реалиями мира. Но не все так хорошо, и геополитическая картина региона не столь спокойна, не столь благодушна, как хотелось бы. Есть попытки разрушить стабильное течение событий в Восточной Азии. Главный вызов здесь – это неоколониальный курс США и НАТО на удержание монополии в регионе. Этот курс Вашингтона активизировал условия перемен международных отношений, включая украинский кризис.

Можно также констатировать, что в мировоззренческом плане применительно к АТР разумно, как мне кажется, говорить не о противостоянии каких-то отдельных сил или стран, а о противостоянии двух тенденций: с одной стороны, архаичной однополярности, которую представляют США и коллективный Запад, и, с другой стороны, движение к многополярности, которое представляет мировое большинство.

И вот тут Россия и Китай: они не обременены колониалистским прошлым в отличие от Запада, поэтому как бы выглядит, что они выступают вместе, как условное единое целое на пути к объединению с большинством региона на тех же основах, присущих Азии: открытости, инклюзивности и равноправия.

Очень тезисно о том, как мешает ситуации деструктивный курс США и НАТО:

1) Нарастание их силового потенциала и продвижение своих военных мероприятий в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии, но при Байдене с усиленной опорой на азиатских союзников (Япония, Австралия, Южная Корея и Новая Зеландия).

2) Перенос в регион в разной форме элементов НАТОвской инфраструктуры. Тут можно долго рассказывать, но речь идёт, с одной стороны, о втягивании азиатских партнеров в работу НАТО, а с другой стороны, стандартизации работы с ними всё большего числа НАТОвских стран уже на театре АТР. В двух направлениях идёт данное "подтягивание".

3) Развитие сети так называемых "блоковых кластеров", которые противопостоят российско-китайскому партнерству, асеаноцентризму и центрам притяжения, таким как ШОС, БРИКС и др., т.е. институтам, которые не носят в своей основе блокового характера. Блоковость пытаются противопоставить внеблоковости (путём QUAD, QUAD+, AUKUS и т.д.).

Уже, к сожалению, регион начал обрастать новой блоковой составляющей, но она встречается большинством азиатских стран с настороженностью и неприятием. Она противоречит базовым традициям Азии. Важно, что они эти усилия пробуксовывают. На лицо осторожность азиатских стран, которые не хотят вовлекаться в противоборство с кем бы то ни было. Как известно, антикитайскую коалицию или антироссийскую коалицию единомышленников создать не удалось.

Изначально США и НАТО пытались объединить вокруг себя силы против Китая. С обострением украинского кризиса они стали говорить о противодействии не только Китаю, но и России и российско-китайскому стратегическому партнёрству, которые якобы несут угрозы западным ценностям и интересам. Но и эта задача пока только в сфере риторики: за исключением союзников США азиатские страны уходят от таких конфронтационных тезисов, равно как и уходят от присоединения к санкционной политике.

Таким образом, можно предположить на будущее, что блоковый напор на Азию будет сбрасывать обороты перед лицом объективной реальности. Кроме того, в Азии достаточно сил, для которых навязывание формул порядка, ведущего к расколу региональной жизни, неприемлемо. Более того, один из возможных и желательных сценариев на будущее – это здоровая консолидация этих сил, в частности, в континентальной части Азии.

Как двигать к этому? Думается, что всё-таки есть условия для такого объединительного движения к новому полицентричному миропорядку на основе содействия тем тенденциям, которые уже показали свою устойчивость. Это может помочь развитию китайских инициатив, в том числе инициативы "Пояса и пути" и концепции "Сообщества единой судьбы человечества", равно как реализации российской стратегической идеи Большого евразийского партнерства в их взаимовыгодном сопряжении.

Можно было бы начать агрегацию наиболее важных многосторонних институтов путём выявления перекрёстных зон и общих активностей. На этой основе мы могли бы прийти к выработке единых концептуальных рамок, геополитические очертания которых соответствовали бы реалиям региона. Важно, чтобы это движение агрегации шло от жизни: на основе реальных достижений, а не путём подчинения каким-то искусственным схемам, которые могут оказаться нереалистичными. Таким образом, есть что изучать и есть над чем работать.

Модератор: Спасибо, Василий Николаевич, за этот выход из геополитических реалий на уровень культурных мировоззренческих обобщений.

Оуян Сян'ин (доклад "О китайском взгляде на многополярность мира и экономическую глобализацию"): Дорогие друзья из России, коллеги, позвольте еще раз приветствовать вас на сегодняшнем семинаре. Мне особенно приятно выступать вместе с Василием Николаевичем, выдающимся специалистом по Азиатско-Тихоокеанскому региону и, в частности, Китаю. Более того, я бы хотела отметить, что мои взгляды и видения схожи с его позицией.

В настоящее время Азиатско-Тихоокеанский регион играет ключевую роль в быстро меняющемся мировом порядке, особенно учитывая кризис в тайваньском проливе и расширение НАТО на Восток Азии, что делает данный регион потенциальным местом конфликтов. Китай, несомненно, является важной силой в АТР. Его действия оказывают значительное влияние на процессы развития региона и всего мира.

Я сфокусирую внимание только на рассмотрении следующего вопроса: является ли Китай разрушителем или защитником международного порядка?

В конце прошлого года Китай провел Центральное рабочее совещание по вопросам иностранных дел. На встрече было подчеркнуто, что в ответ на крупные экономические проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современный мир, необходимо стремиться к многополярности и инклюзивной экономической глобализации. Иными словами, Китай не является деструктивным государством ныне действующего миропорядка, однако он не в полной мере признает его. Китай стремится установить более справедливый и равноправный международный порядок путем мирных усовершенствований. Все государства, которые будут задействованы в этом процессе, будут бенефициарами, включая страны-гегемоны. Почему?

Во-первых, китайская концепция о глобальном управлении строится на принципах совместного обсуждения, создания (строительства) и использования с целью активного продвижения демократизации международных правил управления.

Демократизация означает, что все страны, независимо от их размера, экономического развития и военной мощи, должны участвовать в международных делах на равноправной основе, обеспечивая равные возможности для всех стран в международном экономическом сотрудничестве. Я считаю, что данная концепция находит широкую поддержку со стороны многих стран в мире.

Во-вторых, на первый взгляд может показаться, что страны-гегемоны могут понести от равноправного сотрудничества потери и ущерб своих интересов, что возможно в краткосрочной перспективе, но не верно в долгосрочной.

Почему мы должны помогать развивающимся странам, особенно бедным регионам? Здесь имеет место быть чувство гуманизма, но это также соответствует законам экономики. Жадность может показаться хорошей идеей, однако на самом деле это игра с нулевой суммой. Только общее процветание мира может принести процветание каждой стране.

Суть конфуцианства заключается в том, что необходимо поступать по отношению к другим так, как вы бы хотели, чтобы относились к вам. Необходимо помогать другим ради собственного благополучия. То есть, если вы хотите выжить, вы должны позволить другим выжить в первую очередь. Если вы хотите развиваться, вы должны позволить другим развиваться тоже. По-моему, это не просто эгоистические выгоды, а также забота о партнёрах и взаимовыгодное сотрудничество.

Кто-то может спросить: "Равноправие и взаимная выгода звучат прекрасно, однако как их достичь? Это же пустые слова".

Нет, мы считаем, что это возможно. Экономика определяет политическую надстройку. В международной политике ключ к равенству лежит в отражении новой реальности мировой экономики: в глобальном управлении, в увеличении представительства и голосов развивающихся стран и стран БРИКС в международных организациях и в разных повестках дня, в формировании справедливого и эффективного глобального финансового управления, открытого и прозрачного глобального торгового и инвестиционного управления, зеленого и низкоуглеродного глобального энергетического управления и инклюзивного и связанного глобального управления развитием.

Мы против того, чтобы США манипулировали SWIFT и захватывали МВФ для изъятия налогов по всему миру. Мы также считаем, что Всемирный банк и Международный валютный фонд с самого начала были под контролем западных держав, которые продвигали общие западные интересы. Поэтому мы полагаемся на ШОС и группу стран БРИКС для создания многоуровневой структуры глобального финансового управления. Этот подход не носит подрывного, поворотного характера, а является новым форматом сотрудничества Юг-Юг, который оптимизирует существующую международную финансовую систему.

Мы знаем, что в существующей международной системе широко распространено неравенство, но мы надеемся достичь постепенного улучшения международного порядка через собственное развитие и укрепление, а также развивающихся стран и стран БРИКС. Это будет выгодно большинству стран мира. Надеюсь, что наши друзья поймут это.

Однако многополярность означает децентрализацию, и в случае, если мы поспешим с данным процессом, это может привести к критической ситуации. Вместе с Россией мы подчеркиваем авторитетное положение и роль Организации Объединенных Наций и международного права.

На сегодняшний момент Россия добивается многополярности региональным противостоянием. Я понимаю эти действия. Китай также выступает за многополярность, однако считает его достижение долгосрочным процессом, на пути которого лежит много сложностей. Как многополярность, так и однополярность напрямую определяются расстановкой сил мировых держав или их коалиций на мировой арене. Однако в данном вопросе мы всегда подчёркиваем необходимость демократического развития. Страны равны независимо от их размера и силы, и это способствует созданию "сообщества единой судьбы человечества". Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо большое, уважаемая госпожа Оуян Сян'ин. Интересно, что близость российско-китайских взглядов фиксируется не только в отношении многополярности, но и в терминологии, которую используют наши гости и участники сегодняшнего круглого стола.

Проблемы в регионе

Модератор – Дмитриева М.О.

Гришанов А.А. (доклад "О месте АТР в американской политике при нынешней и будущей администрациях"): Большое спасибо, уважаемые коллеги. Рад всех приветствовать. Я постараюсь обратить внимание на некоторые ключевые моменты, с моей точки зрения, которые стоило бы упомянуть в этом контексте.

Уважаемые коллеги, проблема американской политики в отношении Азиатско-Тихоокеанского или, как говорят в Вашингтоне, Индо-Тихоокеанского региона носит, с одной стороны, комплексный характер, с другой стороны, в значительной степени обусловлена динамикой и внутривнутриполитическими событиями в самих Соединенных Штатах Америки.

Безусловно, в момент окончания "холодной войны" для США в плане менталитета и общего видения международной ситуации крайне важно не допустить появления хоть какой-то полноценной конкуренции в геополитическом плане со стороны любой выходящий на первый план региональной или мировой державы, будь то Россия или Китай. И именно этим в значительной степени обусловлены американские действия в Азиатском регионе. Тем не менее, как все мы с вами видим, в американских подходах отсутствуют последовательность и в значительной степени логика.

Несмотря на то, что в ходе официальных мероприятий, включая, например, прошедшую на прошлой неделе встречу Джейка Салливана и министра Ван И, в США говорят о необходимости нормальной здоровой конкуренции с Китаем, то, что они делают, в значительной степени не соответствует декларируемым целям и задачам политики Вашингтона. Поворот в сторону Азии (Pivot to Asia), который США собираются совершить уже много лет, они не могут совершить в том числе в связи с тем, что толком нет четкого понимания, как совершить этот разворот, при этом сохранив концентрацию и контроль над другими регионами мира, от Европы до Ближнего Востока, а с другой стороны, в связи с отсутствием ярко выраженного видения сути политики в Индо-Тихоокеанском (как они говорят) или Азиатско-Тихоокеанском (как говорим мы с вами) регионе.

Если мы посмотрим на Стратегию американской политики в Индо-Тихоокеанском регионе, опубликованную два года назад, мы увидим скорее набор общих слов, нежели конкретное описание того, как Вашингтон планирует строить деятельность в этом направлении. По сути, Вашингтон на этом направлении работает ситуативно, отталкиваясь и от тех или иных событий, тревожащих американский истеблишмент, и в целом от внутривнутриполитического настроения в США, где для значительной части элит, да и населения тоже, нужен образ внешнего врага. Именно поэтому, как я уже говорил, мы должны рассматривать американский курс в отношении Китая и в целом всего региона исходя из внутривнутриполитической динамики, предвыборной динамики Соединенных Штатов.

К сожалению, в настоящий момент обе партии: республиканцы и демократы – оказались во многом зациклены на восприятии Китая как угрозы, как страны, с которой в будущем неизбежна та или иная форма конфронтации вплоть до военной, и настраивают своих избирателей, как и весь вашингтонский истеблишмент, на необходимость длительного противостояния КНР и перестраивания всей политики в русле данной идеи.

Конечно же, это не соответствует реальной ситуации, реальной обстановке в регионе. И мы наблюдаем отсутствие у значительной части американских политиков, так называемых "десижн-мейкеров" (decision-makers), некоего конкретного и объективного восприятия комплекса проектов, включая "Пояс и Путь", "Большое Евразийское партнерство", включая и соглашения о сотрудничестве России и Китая, которые подменяют мифологемами, внедряемыми в массовое сознание.

В значительной мере это может быть и обусловлено тем фактом, что в США среди лиц, принимающих ключевые решения, не так много фигур, хорошо понимающих специфику в развитии ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Именно

поэтому, по сути, единственным авторитетным экспертом такого рода в администрации Байдена считается Курт Кэмпбелл, номинированный на должность первого заместителя госсекретаря. Да и то, некоторые компетентные эксперты по Азии в той же команде Трампа, как, например, Мэтт Поттингер, подстраивались под идеологическую потребность и предвыборные ожидания правящей партии и его начальства.

Конечно, среди дипломатов среднего уровня, послов, специалистов немало людей, которые понимают, что реальная ситуация в Азии отличается от того крайне упрощённого образа, который возобладал в умах американских политиков. Но им не дают возможности проявить себя, тем более что в дело вступили лоббистские группы. И буквально в конце прошлого года мы наблюдали, как комиссия при Конгрессе США, в которой тоже заседали лоббисты военно-промышленного комплекса, опубликовала огромный доклад, обосновывающий неизбежность военно-столкновения США с Россией и с Китаем и необходимость перестройки всей американской военно-политической системы на подготовку к этому будущему противостоянию, что подразумевает выделение миллиардов долларов.

К сожалению, команда Байдена, от которой ожидали больших компетенций и профессионализма, чем от команды Трампа, не оправдала этих ожиданий. И те лица, которые задают тон в окружении президента, продолжают, по сути, позиционировать себя и свою политику в русле тех же подходов, которые в целом были характерны для администрации Трампа и, возможно, будут характерны для следующей администрации Трампа, где уже сегодня, как очевидно, в случае его победы на выборах ключевую роль будут играть как раз противники сближения с Китаем, такие как, например, Питер Наварро, его советник по экономике и торговле.

Заканчивая, я бы хотел сказать, что при том, что администрация Байдена действует в русле устоявшихся с момента прихода к власти Трампа подходов, проводит якобы комплексный курс по созданию системы военно-политических блоков в регионе, пытается сдерживать развитие Китая и навязать Китаю, вопреки китайским подходам, миролюбивым и конструктивным, навязать им геополитическое соревнование в стиле "холодной войны". Несмотря на это, у команды Байдена, как, кстати, и у команды Трампа, нет четкого видения дальнейших перспектив этого противостояния и позиции США на ситуации, сложившиеся в последние годы вокруг других кризисов в Европе, сейчас на Ближнем Востоке.

Мы можем прийти к четкому пониманию, что в целом и у партнеров США, и у глобального Юга, глобального Востока нет понимания того, куда США собираются двигаться, и нет желания подыгрывать США в рамках внутривнутриполитической борьбы различных группировок, в которой подчинена американская внешняя политика. Хочется последовательности и хочется конструктивного мирного взаимодействия, что не соответствует американской политике и американским проектам в Азиатском регионе.

Именно поэтому – это мой последний тезис – даже те страны, которые вовлечены в американские проекты в регионе, в американские блоки (например, Индия), они всё-таки не заинтересованы в том, чтобы напряженность в Азии переросла в тот кризис, о котором нередко говорят американцы. И они будут предпринимать совместно с другими игроками, включая Россию, максимум усилий для того, чтобы разрядить ситуацию и вокруг Тайваня, и вокруг других спорных вопросов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, способствовать ее мирному решению. По факту, единственным деструктивным игроком сегодня являются США. И, к сожалению, эта тенденция сохранится вследствие особенностей американской внешнеполитической и внутривнутриполитической системы.

Остается лишь радоваться, что влияние США в значительной степени снижается и многие акторы в большей степени ориентируются на свой интерес, нежели на инструкции и указания из Вашингтона. Это тот позитивный момент, на котором мы можем и должны сосредоточиться. Большое спасибо за внимание.

Ню Ичэнь (доклад "Негативное влияние американского мышления "конкуренция великих держав" на Восточную Азию и АТР"): Выражаю благодар-

ность коллегам и модератору. Восточная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион, являясь центром многих мировых геополитических событий, стали одним из основных регионов реализации американской стратегии "конкуренции великих держав".

Мы рассмотрим два вопроса: во-первых, что представляет собой американская концепция "конкуренции великих держав", какие у нас есть представления о ней, и, во-вторых, какие действия США предпринимают в рамках этой концепции в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и каковы их последствия.

В рамках рассматриваемой концепции необходимо в первую очередь обратить внимание на понятие "великая держава". США не предоставляют четкого определения и критериев этого понятия. В зависимости от того, на какие критерии мы будем опираться, "великой державой" могут считаться разные страны. Например, по критерию площади территории страны выделяют США, Россию и Китай; по критерию размера населения страны – Китай и Индию; по критерию мощи государства – США, Китай, Россию, Англию и Францию; по экономическим показателям – США, Китай, Японию и Германию.

Однако в настоящее время объектами американской стратегии "конкуренции великих держав" или, по сути, ее мишенями являются только Китай и Россия. Критерии, по которым США выбирают своих конкурентов, – это их сугубо субъективное решение, не имеющее объективной основы. Соединённые Штаты развязали "конкуренцию великих держав", потому что считают, что обладают достаточным силовым преимуществом и смогут одержать в ней победу.

Я считаю, что конкуренция между странами – объективный процесс, и в определенных пределах она может иметь положительное, конструктивное и стимулирующее воздействие на развитие мира. Однако в американской стратегии "конкуренции великих держав" отсутствуют данные позитивные элементы. В её основе лежат эгоизм, изоляционизм, игра с нулевой суммой ("ты выиграешь, я проиграю", политика "не друг, так враг"), а также силовое превосходство и стремление к доминированию. Методы и средства, которые США используют в этой "конкуренции", также деструктивны. Я считаю, что причиной препятствий на пути к сотрудничеству, разрывов отношений, разделения регионов на противоборствующие лагеря является "конкуренция великих держав", развязанная США. Этим я хочу закончить первую часть своего выступления.

Во второй части мы рассмотрим действия США в рамках "конкуренции великих держав" и их последствия для Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Предыдущие эксперты уже представили много примеров действий США в этом регионе, я не буду их повторять. Тезисно обобщу их. Во-первых, в АТР и Восточной Азии Соединённые Штаты постоянно наращивают военную мощь, укрепляют отношения со своими союзниками и привлекают другие страны на свою сторону. Все эти действия направлены на противостояние Китаю и России. При этом большинство склоняется к тому, что данные действия направлены только против Китая. Однако на самом деле, после того как США использовали ситуацию в Украине с целью преградить путь к сближению России с Европой и укрепить Североатлантический альянс, Восточная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион стали для США важной ареной для сдерживания как Китая, так и России.

В настоящее время США, помимо укрепления отношений в треугольнике США-РК-Япония, усиления военных баз на территории стран-союзниц, создания AUKUS и продвижения Индо-Тихоокеанской стратегии, активно провоцируют конфликты между региональными государствами и разжигают "горячие точки".

Помимо этого, США потакают Японии, например, поддерживая ядерные амбиции страны и смягчая ограничения на военные действия Японии, в стремлении привлечь ее на свою сторону. Всё это имеет крайне негативные последствия для региона и представляет опасность для всего мира.

США, по сути, хотят втянуть Восточную Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион в "конкуренцию великих держав", в которой Китай и Россия будут выступать противниками и "мишенями", а другие страны – инструментами для реализации

их корыстных целей. США стремятся использовать свое текущее силовое превосходство для создания преимуществ в будущем противостоянии. Однако я считаю, что их замыслы и желания могут оказаться в противоречии с реальностью. На сегодняшний день не все страны готовы вступать в "конкуренцию великих держав".

Несмотря на то, что США постоянно подрывают атмосферу сотрудничества в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, углубляют разногласия и противоречия между государствами, обостряют "горячие точки" и ухудшают региональную безопасность, имеются также и положительные моменты. Так, Китай и Россия усиливают двустороннее сотрудничество, играя важную роль в регионе. Китайские инициативы находят все большую поддержку в мире.

Модератор: Спасибо большое. И сейчас у нас будет завершающий доклад по блоку "Политика Соединённых Штатов в регионе".

Мартынова Д.О. (доклад "США-Япония-Республика Корея: курс на дальнейший раскол в АТР?"): Дорогие коллеги, добрый день. За последние два года в регионе Северо-Восточной Азии произошли довольно значительные геополитические изменения. Можно выделить следующие события. Во-первых, в конце 2022 г. в Японии обновилась Стратегия национальной безопасности. Одновременно с этим Республика Корея приняла Стратегию свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона. Это разные по характеру внешнеполитические документы, но их объединяет общая база, что есть некий свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион и есть некие силы, они даже в японском документе конкретизируются, которые хотят ввести в этот регион хаос.

Концепция Индо-Тихоокеанского региона получается своего рода бомбой замедленного действия, потому что изначально она создавала впечатление просто некоего геополитического переосмысления региона. Но в том виде, в каком она в дальнейшем стала трактоваться США и Японией, сейчас она уже трансформировалась в идеологическую базу для создания эксклюзивного внешнеполитического блока ВТР.

Южная Корея долго, в принципе, воздерживалась от присоединения к этой концепции, но при президентстве Юн Сок Ёля эти процессы стали быстро набирать обороты. Кроме этого, в Южной Корее есть явная тенденция к переосмыслению южнокорейскими элитами своего места на мировой арене, поскольку все чаще подчеркивается роль республики как хранительницы демократических ценностей не только у себя дома, но и во всем мире.

Вторым важным пунктом в контексте этой ситуации является усиление сотрудничества НАТО с Японией и Республикой Корея. Обе страны приветствуют усиление сотрудничества с НАТО и возрастание роли Альянса в обеспечении безопасности Индо-Тихоокеанского региона. Они становятся мостом сотрудничества между НАТО и АТР, что, разумеется, будет способствовать только расколу региона на блоки. Тем более с учетом того, что в регионе есть уже AUKUS и QUAD.

Третий момент – это то, что мы фактически видим оформление союза между США, Японией и Республикой Кореей. Вашингтонская декларация между США и Южной Кореей, подписанная в апреле 2023 г., заметно повысила напряженность в регионе, но она привнесла скорее количественные, а не качественные изменения в отношении американского военного присутствия.

Зато осязаемое сближение в рамках треугольника произошло в прошлом году в Кэмп-Дэвиде, где США удалось достигнуть того, что даже было сложно предположить еще недавно: сплочение двух союзников, между которыми очень сложные исторические отношения. Насколько прочным окажется этот союз между Японией и Кореей, сейчас предположить сложно, потому что при смене власти, особенно в Южной Корее, могут произойти изменения. Но представляется, что инновационные процессы, которые сейчас были запущены в США, быстро не остановить.

Перспективы пользы от такого союза Японии и Кореи с США представляются достаточно сомнительными ввиду того, что растущая напряженность в регионе, которую провоцирует США, не дает шансов для мирного урегулирования се-

рокорейской ядерной проблемы, и не только ее, хотя упущенных возможностей были десятки.

Вовлечение Японии и Кореи в тайваньский вопрос серьезно усиливает для них экономические и военные риски, при этом мало что предоставляя взамен. В случае, если в регионе действительно возникнет конфликт, США, скорее всего, понесут минимальные военные потери, в отличие от Японии и Республики Кореи, которые, скорее всего, понесут катастрофические. Однако, несмотря на это, Япония и Южная Корея пока способствуют проведению американской политики разделения региона на блоки, при этом провоцируя очень большое количество разного рода рисков.

Понятно, что и Япония, и Республика Корея во многом являются заложниками военных союзов США и в целом проводимой ими политики в регионе в течение десятилетий.

Как представляется, позиция Китая сейчас во многом выжидательная, несмотря на достаточно провокативные шаги Сеула и Токио, поскольку он имеет серьезный потенциал давления на эти страны, в особенности экономического. Предсказать развитие ситуации сложно, но вероятнее всего США будут оказывать всё большее давление на своих союзников, при этом подвергая их как экономическим, так и военным рискам.

Модератор: Большое спасибо. Предлагаю от рассмотрения негативных тенденций в АТР перейти к более позитивной теме, а именно к российско-китайскому сотрудничеству в регионе.

Цян Сяюнь (доклад "Роль России и Китая в обеспечении безопасности в СВА"): В 2023 г. расстановка сил в Северо-Восточной Азии претерпела существенные изменения. В частности, наблюдается усиление альянса между США, Японией и Южной Кореей. Двусторонние союзы США-Япония и США-Южная Корея постепенно трансформируются в трехсторонний альянс, который нацелен на институционализацию отношений между тремя странами и реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов Америки. Такое развитие трёхстороннего сотрудничества окажет влияние на ситуацию в Северо-Восточной Азии как минимум по следующим четырём направлениям:

1) В идеологической сфере будут усилены их позиции в противостоянии Китаю и России;

2) США будут предоставлять стратегическую поддержку двум странам, чтобы сформировать глобальную цепочку поставок в формате "США-РК-Япония" или "США-РК-Япония+" для расширения своего сотрудничества в научно-технологической сфере, в частности, связанной с полупроводниками;

3) Япония и Южная Корея смогут осуществлять высокоуровневое стратегическое сотрудничество в сфере высоких технологий;

4) США, Япония и Южная Корея сформируют силы для сдерживания КНДР и реагирования на ее действия.

Таким образом, ситуация в Северо-Восточной Азии обостряется, вероятность возникновения кризиса увеличивается, а также усиливается тенденция к региональному разделению на блоки. В таких условиях российско-китайское сотрудничество приобретает особую актуальность.

Китай и Россия – две крупнейшие мировые державы, которые являются важнейшими субъектами в Северо-Восточной Азии. Отношения между странами являются краеугольным камнем обеспечения безопасности и стабильности в регионе.

В прошлом лидеры двух стран выдвинули инициативу формирования общих механизмов (рамки) для сохранения безопасности в АТР. В 2010 г. страны подписали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия, в котором было отмечено, что страны стремятся сформировать механизмы сотрудничества в АТР. Затем в 2013 г. на Восточноазиатском саммите также обе державы заявили о заинтересованности в формировании

общих рамок по безопасности и сотрудничеству в АТР. В своей инициативе Китай и Россия подчеркивают, что она поможет сохранить стабильность и мир в регионе, способствовать устойчивому экономическому развитию Китая и России, а также защитить геополитические интересы двух стран.

В марте 2023 г. лидеры Китая и России подписали Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Стороны подтвердили, что будут продолжать поддерживать друг друга по вопросам, затрагивающим ключевые интересы каждой стороны, совместно противостоять внешнему вмешательству и попыткам дестабилизации внутренней политики.

Очевидно, что обострение ситуации в Северо-Восточной Азии затрагивает национальные интересы Китая и России. Китай всегда выступал против начала новой "холодной войны" и блокового деления в регионе, придерживаясь позиции сохранения мира и стабильности в СВА.

В сентябре прошлого года в Сеуле состоялась встреча высокопоставленных дипломатов Китая, Японии и Южной Кореи с целью восстановления механизма трёхстороннего сотрудничества. Это яркий пример готовности Китая направлять усилия стран региона на экономическое развитие и сотрудничество, преодолевая тенденции к блоковой эскалации.

В заключение хотела бы ещё раз подчеркнуть, что Китай и Россия выступают стабилизаторами Северо-Восточной Азии. Мы должны совместно с другими странами региона активно искать новые пути выхода из ситуации в сфере безопасности, стремиться к формированию общего видения развития региона. Спасибо всем за внимание.

Модератор: Спасибо большое. И тему российско-китайского сотрудничества в Восточной Азии я попрошу продолжить заместителя директора Центра исследования России Народного университета Китая–СПбГУ Ван Сяньцзюя.

Ван Сяньцзюй (доклад "Несколько мыслей о китайско-российском сотрудничестве в Восточной Азии и АТР"): Я хотел бы отметить, что почерпнул много интересной информации во время выступления моих коллег. К сожалению, время сегодня ограничено, и я не смогу раскрыть доклад в полном объёме.

В настоящее время ситуация в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе усложняется. Что делать Китаю и России в этих условиях?

Госпожа Цян Сяююнь затронула несколько ключевых моментов, касающихся сотрудничества между Китаем и Россией. Я хотел бы дополнить ее выступление двумя пунктами. Говоря про всеобъемлющее стратегическое партнёрство между нашими странами, мы должны сфокусироваться на развитии Дальнего Востока России и северо-восточного региона КНР. В этом направлении я вижу две ключевые проблемы:

- 1) Недостаточная развитость транспортной инфраструктуры и логистики.
- 2) Отсутствие согласованности между Китаем и Россией в вопросах развития дальневосточных регионов.

Например, Чунцин – один из экономических центров юго-западных провинций Китая, через который протекает река Янцзы. На его территории насчитывается более 50 мостов, и еще несколько мостов находятся в процессе строительства. В то же время на реке Амур, протяженность которого более 4000 километров, функционируют только два небольших моста. Считаю, что этого недостаточно для пограничной реки, играющей большую роль в сфере логистики. И мы знаем, что Китай обладает значительным опытом и возможностями в строительстве мостов.

Второй проблемой я вижу необходимость скорейшего обновления или пересмотра Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений, которое было подписано в 2006 г. Мы понимаем, какую роль инвестиции играют в развитии торговых отношений между двумя странами. Однако я часто встречаюсь с китайскими предпринимателями, в частности, представителями частной промышленности, которые выражают нерешительность в отношении

инвестиций в Россию. Причина заключается в том, что до сих пор не изменены законодательные нормы в сфере инвестиционной защиты, и они опасаются потери капиталовложений.

Второй момент, который я хотел бы отметить и о котором уже говорили мои коллеги, – это Индо-Тихоокеанская стратегия. В настоящее время США продолжают ставить рамки Индо-Тихоокеанского экономического сотрудничества, которые носят эксклюзивный характер: Россия и Китай лишены возможности участия. Что делать нашим странам в этой ситуации?

Бывший премьер-министр Примаков когда-то предлагал создать трёхсторонний механизм взаимодействия между Китаем, Россией и Индией, более того, он играл важную роль в развитии трёхстороннего сотрудничества. Были видны результаты. Однако в последние годы наблюдается откат этого сотрудничества.

В настоящее время Индия является членом Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС. Но ее роль в этих организациях не является достаточно активной. Напротив, в последние годы отношения между Индией и США усилились как в экономической и торговой сферах, так и в военном сотрудничестве.

Индия за последние годы добилась значительного прогресса в развитии. Поэтому мы должны достаточно серьезно относиться к её роли и значению в обеспечении безопасности, стабильности и развитии Азиатско-Тихоокеанского региона.

Я считаю, что нам не следует складывать руки и наблюдать за тем, как США пытаются привлечь Индию на свою сторону.

В трёхсторонних отношениях между Россией, Индией и Китаем отношения между Россией и Индией являются более тесными, в то время как между Китаем и Индией существует немало противоречий и проблем. Поэтому я считаю, что России следует играть более активную роль в продвижении трёхстороннего механизма сотрудничества как в стратегической, так и в других практических сферах. Мы также надеемся, что Россия сможет сыграть позитивную роль в улучшении отношений между Китаем и Индией.

Модератор: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, мы переходим к следующему блоку докладов. Они объединены одной темой, посвященной ситуации на Корейском полуострове.

Лукин А.Л. (доклад "Стратегические дилеммы КНДР и развитие ситуации на Корейском полуострове"): Здравствуйте, уважаемые коллеги в Москве, Пекине и Владивостоке! На мой взгляд, одна из главных причин нынешнего обострения кризиса заключается в том, что очень заметно меняется военный баланс на Корейском полуострове. Я сделаю, может быть, несколько парадоксальное утверждение. Оно заключается в том, что, на мой взгляд, Северная Корея слабеет в военном отношении, становится более слабой, в то время как Юг, Южная Корея, усиливается. И это как раз-таки порождает нестабильность на корейском полуострове.

Северная Корея, как известно, придерживается идеологии чучхе, опоры на собственные силы, и благодаря этой идеологии Северная Корея является одним из немногих государств мира, который обладает реальным суверенитетом. Но та же самая северокорейская идеология чучхе обусловила экономическую и технологическую отсталость КНДР. И отсталость экономики, отсталость технологий привело к тому, что кроме ядерного оружия, остальные сферы военной мощи КНДР очень сильно отстают от Южной Кореи. Приведу пример. Известно, что у КНДР практически нет современных военно-воздушных сил. У КНДР практически отсутствуют современные военно-морские силы, то есть на море и в воздухе Северная Корея очень слаба.

В то же время Южная Корея, хотя и не обладает полным суверенитетом и является младшим союзником США, но благодаря своей развитой экономике, благодаря сотрудничеству с США и другими западными странами Южная Корея сегодня превратилась в одну из ведущих военных держав мира. У Юга нет ядерного оружия, но Сеул может создать ядерное оружие буквально в течение года, если захочет. То есть преимущество Северной Кореи, ядерное преимущество, оно очень условное, очень прозрачное и, по сути, никаким преимуществом не является.

Кроме того, мы должны помнить, что ядерное оружие – это инструмент с очень ограниченным спектром применения. Нельзя вести войну ядерным оружием. И Северная Корея применит ядерное оружие только в самом крайнем случае. В большинстве других военных сценариев Северная Корея ядерное оружие применить не может.

Если между Севером и Югом вспыхнет какой-то пограничный конфликт, например, в районе сухопутной демилитаризованной зоны (ДМЗ) или на море, то у Юга гораздо больше шансов выйти победителем и нанести Северу чувствительное поражение.

Я думаю, что руководство КНДР очень хорошо и очень остро осознает свою растущую уязвимость перед лицом южнокорейской военной угрозы. И именно поэтому Северная Корея сегодня пытается найти внешних союзников, которые могут помочь Северной Корее обеспечить военную безопасность. Кто могут быть эти союзники? Мы знаем, что единственный официальный союзник КНДР – это Китайская Народная Республика. Но в то же время мы знаем, что между Северной Кореей и Китаем практически нет никакого военного сотрудничества, и Китай, судя по всему, не готов развивать военное сотрудничество с Северной Кореей. Единственным возможным военным партнером для КНДР – это Россия. И именно поэтому, как мне кажется, Ким Чен Ын сейчас стремится к сближению с Москвой. Именно поэтому Ким Чен Ын побывал у нас на российском Дальнем Востоке несколько месяцев назад и пригласил Путина побывать с визитом в Пхеньяне.

Если Россия действительно начнет оказывать КНДР военную помощь в виде поставки каких-то военных технологий, обмена разведывательной информацией или проведения совместных военных учений, то тем самым Россия поможет восстановить пошатнувшийся военно-политический баланс и тем самым поможет укрепить безопасность на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

Есть такое английское выражение, англосаксы его любят произносить, "weakness provokes" ("слабость провоцирует"). Так вот, если Северная Корея будет слабой, то это может спровоцировать Юг на проведение военной операции или какой-то провокации против Севера. Поэтому, если Россия будет оказывать военную поддержку Северу, будет стараться компенсировать его слабость в сфере неядерных вооружений, я думаю, это укрепит безопасность на Корейском полуострове. Но при этом я хочу подчеркнуть, что именно Китай будет оставаться главным гарантом стабильности и безопасности на Корейском полуострове. Китай обладает мощными рычагами воздействия и на Пхеньян, и на Сеул. Обратите внимание, что КНДР уже более шести лет не проводит ядерных испытаний. Я могу предположить, что именно Китай удерживает Пхеньян от проведения ядерных взрывов.

Ну и в завершение возникает вопрос: насколько сегодня скоординированы, согласованы действия между Москвой, Пхеньяном и Пекином? Лично у меня нет четкого ответа на этот вопрос. Судя по всему, дипломатическое взаимодействие в треугольнике России-КНР-КНДР пока носит исключительно двусторонний характер.

Я напомним, что в октябре 2018 г., то есть более 5 лет назад, в Москве были проведены трехсторонние консультации России, КНДР и Китая на уровне заместителей министров иностранных дел. Но с тех пор никаких публичных, во всяком случае, трехсторонних переговоров между нами не было. Поэтому, наверное, преждевременно говорить о том, что формируется какой-то трехсторонний северный альянс в Северо-Восточной Азии России, Китая и Северной Кореи, который был бы направлен против Америки, Южной Кореи и Японии. Тем не менее я не исключаю того, что в будущем такой трехсторонний альянс или квази-альянс между Россией, Китаем и КНДР может появиться. Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо большое. И от фокуса на КНДР мы логично перемещаемся на юг. О восприятии и реакции Южной Кореи на международную ситуацию в области безопасности расскажет заведующая отделом политики стран Азии Института АТР и глобальной стратегии КАОН Дон Сянжон.

Дон Сянжон (доклад "Восприятие и реакция Южной Кореи на международную ситуацию в области безопасности"): Спасибо организаторам за приглашение. Перед своим выступлением я бы хотела дать краткий отзыв о выступлениях предыдущих спикеров, особенно госпожи Мартыновой и господина Лукина. Я хочу посмотреть на них с китайской и южнокорейской перспективы. Я согласна со многими вашими мыслями, но в некоторых аспектах наши взгляды различны.

Я согласна с госпожой Мартыновой в том, что ситуация на Корейском полуострове, связанная с формированием нового квази-альянса США-РК-Япония и, в частности, отношениями между Японией и Южной Кореей, вызывает значительные изменения в регионе Северо-Восточной Азии. Особенно резкие изменения во внешней политике Южной Кореи произошли после прихода к власти администрации Юн Сок Ёля.

Прошу обратить внимание на следующие ключевые моменты. Российская сторона недостаточно оценивает влияние украинского кризиса. Так, всего через две недели после начала проведения СВО на Украине в РК состоялись выборы президента, которые проходят каждые пять лет. Тогда кандидат от правящей партии Юн Сок Ёль выиграл с минимальным перевесом в 0,73%, что стало историческим антирекордом. Я считаю, что в случае, если бы не произошла эскалация конфликта на Украине, Юн Сок Ёль не смог бы прийти к власти.

Хочу напомнить, что рейтинг одобрения президента Мун Чжэ Ина в конце его правления был очень высоким – более 40%. В истории Южной Кореи никогда еще не было такого высокого рейтинга у действующего президента. Более того, правительство Мун Чжэ Ина придерживалось курса дружественных отношений с Россией и предложило план "Девяти мостов" для развития отношений с Москвой. В рамках своей политики было запланировано всестороннее стратегическое сотрудничество с Россией в девяти сферах, включая судостроение, Северный морской путь, добычу газа, строительство железных дорог и т.д.

Однако после начала военного конфликта в Украине Южная Корея резко сменила свою внешнюю политику. Южнокорейские избиратели отвергли правительство Мун Чжэ Ина, которое было довольно дружественным к России.

Хотела бы напомнить, что Южная Корея – это страна, население которой чувствует глубокую уязвимость в плане безопасности. Поэтому после начала военного конфликта в Украине она полностью повернулась в сторону США для обеспечения своей безопасности. Данные моменты были четко описаны в докладе госпожи Мартыновой.

В одном из выступлений была высказана важная мысль о том, что сейчас мы находимся на этапе однополярного мира, возглавляемого США, и другие страны недовольны таким порядком. Необходимо создать новый миропорядок. Однако я считаю, что есть значительные различия в понимании Китаем и Россией старого и нового миропорядка. Если ограничиться только Корейским полуостровом, то для нас сохранение существующего статус-кво предпочтительнее усугублению конфликта.

Также господин Лукин говорил о том, что Россия готова развернуть военное сотрудничество с КНДР и этим поможет КНДР преодолеть дисбаланс сил (так как ядерного преимущества у страны фактически нет) и сформировать мир и стабильность на полуострове. Такая точка зрения полностью неприемлема.

Я не согласна с тем, что разработка ядерного оружия КНДР проводилась с целью сбалансировать силы, а также то, что на сегодняшний момент РК имеет потенциал произвести ядерное оружие в течение года, что приведет к утрате достигнутого баланса. Данная борьба "противовесов" ни что иное, как гонка вооружений.

Также хотела бы прокомментировать выступление господина Козюлина, который провел сравнение военных потенциалов США и Китая. Он сказал, что на данный момент Китай превзошел США в трёх показателях: по численности армии, по количеству сухопутных вооружений и по количеству кораблей, и на данный момент военные потенциалы двух стран находятся примерно равны. Я полностью

не согласна с этим. Я считаю, что США имеет подавляющее преимущество перед Китаем по количеству вооружений. Это факт. Спасибо за внимание.

Модератор: Мы переходим к другому важному сюжету, который влияет на международные отношения в АТР. Это ситуация в Тайваньском проливе.

Козинец А.И. (доклад "Развитие ситуации в Тайваньском проливе в контексте выборов на Тайване"): Добрый вечер, коллеги! Ситуация в Тайваньском проливе в последние несколько лет стала одним из самых острых вопросов не только в регионе, но, возможно, и в мире, который приковывает влияние глобальной аудитории. Хотя еще каких-то 9 или 10 лет назад, что по историческим меркам достаточно короткий срок, казалось, что ситуация в Тайваньском проливе не является такой уж острой и злободневной.

Мы видим, что сейчас, в сравнении с 9 или 10 лет назад, существует огромное изменение. Например, при предыдущем руководителе тайваньской администрации Ма Инцзю отношения между материком и островом в целом развивались в достаточно доброжелательном русле, и обе стороны следовали духу консенсуса 1992 г., развивая отношения по разным направлениям. Как известно, было заключено порядка 23 соглашений, увеличился поток туристов, и денежный оборот торговли между двумя сторонами составил порядка 170 миллиардов долларов. Сейчас же ситуация кардинально изменилась, и некоторые представители глобальной прессы пестрят заголовками о том, не станет ли ситуация в Тайваньском проливе новой горячей точкой в ближайшем будущем.

На мой взгляд, на ухудшение ситуации влияли события по нескольким направлениям. Это и внутривосточные изменения на острове, провокационная деятельность нынешнего островного руководства, в том числе в лице Цай Инвэнь, но также, конечно, и изменения американской стратегии в Азии и изменившаяся динамика в отношениях между Пекином и Вашингтоном. Наблюдалась провокация в отношении Пекина, что безусловно ухудшало отношения, подчеркивались различия, и, собственно, во многом ее внешнеполитические действия сводились к тому, чтобы понравиться западным партнерам, нежели развивать конструктивное отношение по обе стороны Тайваньского пролива.

И это находило определенный отклик особенно от американского истеблишмента. Здесь можно отметить, что Цай активно награждали различными памятными наградами, например медалью "За служение демократии" от Национального фонда демократии США, который финансируется американским Конгрессом.

Примечательно, что в описании награды этой медалью мы можем увидеть такие строки: "как и Украина, Тайвань находится в горниле нынешнего конфликта между демократией и автократией". Такое описание само по себе опасно и в то же время не совсем верно. Но что еще более важно и внушает определенный оптимизм, так это то, что мы можем сказать, что не все политические силы на острове имеют столь конфронтационное отношение. И в этой связи особенно выделяется действие того же бывшего руководителя в лице Ма Инцзю, который весной прошлого года посетил материковый Китай. Своим визитом он показал, что на острове и на материке живут китайцы, у которых общая культура и история.

Также в прошлом году он посещал Соединенные Штаты, и в рамках своих многочисленных выступлений в американских исследовательских центрах он подчеркивал, что не нужно из Тайваня делать вторую Украину, в том числе потому, что ситуации совершенно отличаются. Когда мы говорим о специальной военной операции, мы так или иначе говорим о противоречиях между суверенными государствами, членами ООН, Российской Федерацией и Украиной, в то время как проблема в Тайваньском проливе не является проблемой разных суверенных государств.

С очень высоким уровнем внимания следили за тем, чем завершатся выборы руководства островной администрации, прошедшие 13 января, рассматривая их как сигнал того, настроено ли общество на острове к поиску конструктивных решений во взаимоотношениях с Пекином и центральными властями, или же это продолжение в чем-то конфронтационной политики, дерзких заявлений и той линии, которая в целом проводилась с Цай Инвэнь. Здесь мы можем сказать, что одно-

значного ответа мы не получили, так как выигравший выборы на пост руководителя островной администрации Лай Циндэ, хоть и победил, но набрал порядка 40% голосов, то есть менее половины от всех избирателей. Это редкая ситуация, которая произошла впервые с 2000 г. Обычно победитель набирает больше.

Также если мы обратим внимание на результаты выборов в законодательную ветвь власти, то Демократическая Прогрессивная Партия, которую представляет Лай Циндэ, потеряла большинство. Сейчас в местном парламенте ни одна из партий большинства не имеет. Мы можем ожидать, что такая ситуация способна сдержать нового руководителя от каких-то резких и провокационных действий. В рамках своего официального победного выступления он отметил, что полон решимости защищать Тайвань, но, чтобы следовать официальным приличиям, также добавил, что надеется на развитие конструктивных отношений с Китайской Народной Республикой.

Если мы посмотрим на то, как в западных СМИ и в аналитических центрах отреагировали на результаты выборов на острове, мы четко увидим их радость по поводу победы Лай Циндэ, так как они видят его нежелательным кандидатом для Пекина. В этой связи мы также можем сказать, что альтернативные результаты, если бы, например, представитель Гоминдана – Хоу Юи – оказался победителем, Запад, особенно Соединенные Штаты, наверное, не устроили бы. Соответственно, появление политика, который будет вновь настроен на налаживание конструктивных отношений территорий, вряд ли соответствует их интересам.

Однако здесь также стоит отметить, что официальные лица Соединенных Штатов – государственный секретарь Блинкен и президент Байден – в рамках официальной своей позиции подчеркивали следование принципу "одного Китая". Байден даже заявил, что Соединенные Штаты естественно не поддерживают независимость Тайваня. Здесь мы также можем задуматься над тем, насколько Соединенные Штаты в ближайшем будущем смогут тем или иным образом использовать тайваньский вопрос в качестве инструмента давления на Пекин.

Возможности и ресурсы Соединенных Штатов, как стало очевидно за последние два года, не являются безграничными, несмотря на всю мощь этой сверхдержавы. Сегодня очевидно, что наличие многочисленных внутривнутриполитических проблем – это и миграционный кризис, и сложности с принятием бюджета, и противостояние между демократической и республиканской партией – очень сильно лимитируют возможности Вашингтона к конкретным действиям.

Становится очевидным, что Соединенные Штаты и их военно-промышленный комплекс на данный момент не в состоянии обеспечить достаточным количеством вооружений и амуниций всех своих многочисленных партнеров и сателлитов – от Европы и Ближнего Востока до Азиатско-Тихоокеанского региона. Они могут осуществлять отдельные демонстрации, возможно, участвовать в отдельных провокациях, но скорее всего в краткосрочной перспективе Соединенные Штаты не смогут участвовать в настоящем полноценном кризисе в регионе.

Исходя из всего сказанного, прихожу к следующему выводу: ни одна из сторон не готова и не заинтересована в эскалации и тем более в конфликте, но в целом можно дать умеренно пессимистический прогноз на ближайший год-полтора, что отношения в проливе будут ухудшаться, но без радикальных последствий. Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, мы добрались до последнего блока, состоящего из двух докладов. Они объединены темой поворота России на Восток и её усилением по развитию Дальнего Востока.

Козлов Л.Е. (доклад "Как территориальное развитие Дальнего Востока влияет на позиции России в АТР"): Здравствуйтесь, уважаемые коллеги! Сегодня я расскажу о том, как территориальное развитие Дальнего Востока влияет на развитие России в АТР. В существующей литературе по международным отношениям территория как ресурс внешней политики воспринимается прежде всего через физико-географические показатели, такие как климат. Но я полагаю, что в современных условиях аналогичное значение имеет социально-экономическое разви-

тие территории государства. Мне представляется, что прогрессивное развитие своих территорий помогает государству в следующих международных ситуациях:

- 1) привлечение на пустующую или оспариваемую территорию, иначе её называют "Terra Nullis", лояльного населения;
- 2) удержание освоенной территории с нелояльным населением или, иначе говоря, борьба с сепаратизмом;
- 3) создание экономической основы размещения вооруженных сил, охраняющих государственную границу;
- 4) создание экономической основы двусторонних отношений с соседними государствами и активизация внешнеторгового транзита;
- 5) накопление так называемой мягкой силы при помощи экспорта технологий "умных городов".

Первая ситуация, на наш взгляд, была актуальна в 2000-е годы, когда между Россией и Китаем не было большого доверия. В российском обществе были распространены опасения китайской экспансии, а отношения России и Европейского союза, напротив, были довольно тесные. Программы развития Востока России в этот период аргументировались дефицитом местного населения в сравнении с растущим населением Китая.

Мне кажется, что в настоящее время подобное восприятие внешней угрозы по многим причинам потеряло актуальность. Хотя демографические результаты региональной политики России на Дальнем Востоке оказались очень скромные: удалось только сократить быстрое сокращение постоянного населения, но так и не удалось перейти к его росту.

Вторая ситуация, возможно, никогда не представляла реальную угрозу российской государственности, однако центр старался исключить даже минимальные ее проявления, поэтому применял в управлении Дальним Востоком в 2010-е гг. не только меры социально-экономической поддержки, но и некоторые рестрикции.

Третья ситуация была актуальна в большей степени в советское время на фоне напряженности отношений как с Америкой, так и с Китаем. В настоящее время новые военные объекты строятся и модернизируются в гораздо меньших объемах, чем в советское время, и в основном в Арктике на американском направлении и на побережье Японского моря на японском направлении.

Общее развитие социальной инфраструктуры Дальнего Востока безусловно улучшает условия военной службы в регионе, например в аспекте жилья, культурного досуга, медицинского обслуживания, образования для детей военных. Однако регион едва ли способен полностью обеспечить своими силами снабжение военных местных частей гражданскими продуктами.

Четвертая ситуация, мне кажется, развивается для центра наиболее благоприятно по сравнению с остальными, а именно пропускная способность транспортных коммуникаций была намного расширена за последние 20 лет. Были построены новые автомобильные дороги, газо- и нефтепроводы, была значительно модернизирована железная дорога и энергетическая инфраструктура. Также были построены и продолжают строиться в настоящее время несколько новых специализированных морских портов. Именно развитие транспортной инфраструктуры в первую очередь способствовало быстрой переориентации российской внешней торговли с европейского направления на Азию после начала специальной военной операции.

Пятая же ситуация (я напоминаю – про технологии "умных городов") для России является малоактуальной да и малозначительной на фоне таких глобальных задач, как импортозамещение, параллельный импорт, ускорение производительности военно-промышленного комплекса.

Основной вывод моего доклада состоит в том, что активная региональная политика России на Дальнем Востоке, начатая в 2007 г., в значительной степени укрепила позиции России в международных отношениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это особенно заметно в аспекте внешней торговли, хотя, безусловно, даже в этом аспекте предстоит ещё многое сделать.

Отметим, что эти результаты были достигнуты, как говорят в Северной Корее, с опорой на собственные силы. Зарубежное участие в проектах развития ограничено выполнением подрядных работ. Иностраный крупный бизнес, в том числе китайский, не проявлял должной инициативы, поэтому наиболее прибыльные секторы региональной экономики сегодня занимают российские компании.

Уважаемые коллеги, спасибо за внимание!

Модератор: И завершает наше мероприятие доклад "**Поворот России на Восток: главные тенденции и особенности**", который представит заместитель директора Института Евразии Китайской академии современных международных отношений **Шан Юэ**.

Шан Юэ: На протяжении тысячелетий Восток играл для России очень сложную и многогранную роль. Российский поворот на Восток на современном этапе, таким образом, не стал новым явлением. Украинский кризис 2022 г., который привел к еще большей эскалации конфликта, сделал поворот на Восток неизбежным для России. В связи с этим сотрудничество России и Китая получило новые возможности для развития.

Я выделила три основных черты/особенности/тенденции ускоренного поворота России на Восток:

1) Смена внешнеполитического приоритета в сторону Востока. Это отразилось в новом издании Концепции внешней политики Российской Федерации, выпущенном в марте этого года, а также в усилении взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, Индию, Вьетнам и Северную Корею, за последние два года. Это наблюдается и на практике.

2) Перенос приоритета во внешней торговле и энергетической сфере на Восток. Я не стану приводить многочисленные данные по этому поводу.

3) Ускоренное развитие инфраструктуры и логистики в восточном направлении. В этот процесс входит построение двух трансграничных мостов между Россией и Китаем, а также запуск проекта по перевалке зерна в Забайкалье, ускорение строительства и модернизации Транссибирской магистрали и БАМа.

Кроме того, при повороте России на Восток можно выделить три отличительных черты:

- скорость: текущий поворот характеризуется беспрецедентной скоростью. России необходимо в кратчайшие сроки перестроить отношения с восточными странами в политической, экономической и энергетической сферах;

- глубина проникновения: этот поворот будет более длительным и всеобъемлющим;

- важность: этот поворот имеет огромное значение для будущего развития России.

Во второй части я хотела бы рассказать о новых возможностях российско-китайского сотрудничества. Ускоренный поворот России на Восток открывает перед двумя странами следующие перспективы:

- освоение российского Дальнего Востока и китайского Северо-Востока: у двух стран есть огромный потенциал для совместного регионального развития, особенно в сферах энергетики, сельского хозяйства и производства продуктов питания. Объем взаимной торговли следует увеличивать в этих сферах;

- сотрудничество в Арктике: в этом регионе у двух стран есть широкие возможности для совместной работы в следующих сферах: научные исследования, охрана окружающей среды и борьба с изменениями климата. Необходимо совместными усилиями работать над совершенствованием системы управления Арктикой;

- совместное поддержание мира и стабильности в Северо-Восточной Азии: страны могут играть важную роль в этом направлении. Здесь я бы хотела отметить, что некоторые средние державы, например Япония и Индия, на фоне стратегического соперничества между США и Китаем и эскалации украинского кризиса не хотят оставаться в стороне и стремятся воспользоваться ситуацией для реализации своих стратегических интересов. Как строить отношения с этими странами

и как направлять совместные усилия на поддержание мира и стабильности в регионе – это те вопросы, которые требуют внимания от Китая и России и которым необходимо находить практические решения.

В заключение хотела бы сказать, что, ускоряя российский поворот на Восток, Китай и Россия сталкиваются с глубокими и сложными изменениями в регионе. Эти изменения уже несколько раз были затронуты уважаемыми экспертами в своих выступлениях, поэтому я не буду останавливаться на них подробно. Но когда мы говорим о глобальной и региональной ситуации, о том, как дальше стоит укреплять сотрудничество, возможно, стоит сначала определиться с некоторыми понятиями, чтобы убедиться, что мы говорим об одном и том же.

Например, первый вопрос: Азиатско-Тихоокеанский регион или Индо-Тихоокеанский регион? В этом вопросе у Китая и России есть единое мнение. Китай и Россия придерживаются концепции Азиатско-Тихоокеанского региона, основанного на открытом сотрудничестве, взаимной выгоде и совместном развитии. Однако эта концепция уже испытывает серьезные вызовы.

Другой пример – понятие "Восток". Что такое "Восток": "международный Восток", "Юг", "мировое большинство" или "не Запад"? Эти понятия также требуют нашей дискуссии.

Еще один вопрос: нужна ли нам глобализация? И что мы имеем в виду под многополярностью? Какое у нас отношение к международным организациям и многосторонним структурам? Я считаю, что, хотя у Китая и России есть схожие позиции по данным вопросам, существует и ряд различий. Эти концептуальные вопросы требуют внимательного обсуждения между двумя странами, чтобы усилить взаимопонимание и скоординировать совместные действия в ответ на различные угрозы и вызовы.

Чжуанчи СУНЬ, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Олег Геннадьевич КАРПОВИЧ, д-р полит. наук, д-р юрид. наук, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: ogk@dipacademy.ru

Евгений Евгеньевич ВЛАСОВ, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vlasov.ee@dvfu.ru

Лидия Николаевна СИДОРОВА, канд. полит. наук, заместитель заведующего кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: lid.nik.sidorova@gmail.com

Вадим Борисович КОЗЮЛИН, канд. полит. наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Юнхуэй ЛИ, заведующая отделом многостороннего и регионального сотрудничества Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Василий Николаевич ДОБРОВОЛЬСКИЙ, чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса, советник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: annadobcom@yahoo.com

Сян'ин ОУЯН, главный научный сотрудник Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Антон Александрович ГРИШАНОВ, канд. полит. наук, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: a.grishanov@dipacademy.ru

Ичэнь НЮ, младший научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Дарья Олеговна МАРТЫНОВА, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: daria.mosolova@gmail.com

Сяюнь ЦЯН, директор Центра России и Центральной Азии Шанхайской академии международных исследований, г. Шанхай, Китай, e-mail: external@siis.org.cn

Артем Леонидович ЛУКИН, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: lukin.al@dvfu.ru

Сянжон ДОН, заведующая отделом политики стран Азии Института АТР и глобальной стратегии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Андрей Игоревич КОЗИНЕЦ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного

федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kozinetc.ai@dvfu.ru

Сяньцзюй ВАН, заместитель директора Центра исследования России Народного университета Китая–Санкт-Петербургского государственного университета, г. Пекин, Китай, e-mail: international@ruc.edu.cn

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Юэ ШАН, заместитель директора Института Евразии Китайской академии современных международных отношений, г. Пекин, Китай, e-mail: yuhao@cicir.ac.cn

Zhuangzhi SUN, Director of the Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Oleg G. KARPOVICH, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law, Vice-Rector for Scientific Work of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: ogk@dipacademy.ru

Evgeny E. VLASOV, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vlasov.ee@dvfu.ru

Lydia N. SIDOROVA, Candidate of Political Sciences, Deputy Head of the Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: lid.nik.sidorova@gmail.com

Vadim B. KOZYULIN, Candidate of Political Sciences, Head of the Center for Global Studies and International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Yunhui LI, Head of the Department of Multilateral and Regional Cooperation, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Vasily N. DOBROVOLSKY, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary of the 1st Class, Adviser to the Institute of Topical International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: annadobcom@yahoo.com

Xiangying OUYANG, Chief Researcher, Institute of World Economy and Politics, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Marina O. DMITRIEVA, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Anton A. GRISHANOV, Candidate of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of Topical International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: a.grishanov@dipacademy.ru

Yichen NIU, Junior Researcher, Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Daria O. MARTYNOVA, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Topical International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: daria.mosolova@gmail.com

Xiaoyun QIANG, Director of the Center for Russia and Central Asia, Shanghai Academy of International Studies, Shanghai, China, e-mail: external@siis.org.cn

Artyom L. LUKIN, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of the Oriental Institute, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lukin.al@dvfu.ru

Xiangzhong DONG, Head of the Asian Policy Department, Asia-Pacific and Global Strategy Institute, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Andrey I. KOZINETS, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozinetc.ai@dvfu.ru

Xianju WANG, Deputy Director of the Center for Russian Studies of the People's University of China–St. Petersburg State University, Beijing, China, e-mail: international@ruc.edu.cn

Leonid E. KOZLOV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Yue SHANG, Deputy Director of the Institute of Eurasia, Chinese Academy of Modern International Relations, Beijing, China, e-mail: yuhao@cicir.ac.cn

Поступила в редакцию

(Received) 27.05.2024

Принята к публикации

(Accepted) 08.06.2024

Круглый стол
УДК 303
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Спорные вопросы теории и методологии исследований регионов: диалог географа с политологом

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО

независимый исследователь, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Антон Александрович КИРЕЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Ключевые слова: теория и методология регионоведения, регион, типы регионов, региональная система, районообразование, районирование, регионализация, регионализм, трансграничный регион

Для цитирования: Демьяненко А.Н., Киреев А.А. Спорные вопросы теории и методологии исследований регионов: диалог географа с политологом // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 34–43. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Round table
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Controversial issues in the theory and methodology of regional studies: dialogue between a geographer and a political scientist

Alexander N. DEMYANENKO

Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Anton A. KIREEV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Keywords: theory and methodology of regional studies, region, types of regions, regional system, regional formation, zoning, regionalization, regionalism, transborder region

For citation: Demyanenko A.N., Kireev A.A. Controversial issues in the theory and methodology of regional studies: dialogue between a geographer and a political scientist // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 34–43. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Чтобы невольно не ввести читателя в заблуждение, сразу же оговоримся, что, во-первых, мы давно знакомы друг с другом, и, во-вторых, неоднократно обсуждали в разных составах те или иные дискуссионные вопросы методологии региональных исследований [5; 6; 7; 8], прежде чем обратиться к жанру диалога. Мы были бы крайне признательны, если бы наш диалог привлек внимание читателей и побудил принять участие в обсуждении этих "вечнозеленых" вопросов методологии исследований регионов.

Термин "регион", его возможные интерпретации и определения

Демьяненко А.Н.: Термин "регион" имеет широкое хождение в академическом сообществе, сфере государственного управления и повседневных практиках и покрывает целый конгломерат явлений. Однако это не означает, что за ним нет зрелой научной концепции. Еще на рубеже XIX – XX вв. в российской науке сложилась теория районирования¹, в которой район рассматривался как сложная территориальная система, представляющая собой объект не только исследований, но и регулятивного воздействия со стороны государства и негосударственных институтов.

¹ Этот сюжет я достаточно подробно анализировал в [11], а из публикаций последних лет в [10]. Что же касается работ современников тех уже далеких лет, то это прежде всего монографические исследования: [3; 12; 13; 19; 22]. Особого упоминания заслуживает монография В.П. Семенова-Тян-Шанского "Район и страна" [18], хотя бы той причине, что многие идеи, сформулированные в ней, намного опередили свое время и все еще остаются актуальными.

Показательно, что в разработке основ теории экономического районирования принимали участие даже не столько географы, сколько экономисты (прежде всего представители организационно-производственной школы), статистики, инженеры. Так, И.Г. Александров и Н.Н. Колосовский были инженерами-путейцами, С.В. Бернштейн-Коган – выпускник экономического отделения Политехнического института, А.Н. Челинцев по завершении обучения в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства получил звание агронома, Н.П. Огановский окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, выпускником этого же университета, только юридического факультета, был и Б.Н. Книпович, как, впрочем, и А.А. Кауфман. А как не вспомнить В.П. Семенова-Тян-Шанского? Можно привести еще десятки фамилий, но, полагаю, и приведенного перечня достаточно для понимания, что, во-первых, у этой теории не стоит искать одного единственного автора, эта теория была результатом работы многих специалистов из разных областей знания. Иначе говоря, она изначально была междисциплинарной по своей природе, хотя и называлась теорией экономического районирования. Во-вторых, она являлась своего рода ответом на социальный заказ, так как советскому государству была нужна и научно обоснованная (на замену "архаичной" царской) территориальная организация власти, и опять-таки научно обоснованная территориальная организация экономики или, как говаривали в те времена, – народного хозяйства. Поэтому вовсе не случайно, что по большей части основополагающие идеи теории экономического районирования были разработаны активными участниками не только реформирования административно-территориального устройства страны на принципах экономического районирования, но и государственного планирования.

Параллельно, а нередко и пересекаясь, шло формирование теории территориальных производственных комплексов или комбинатов². Последние рассматривались как своего рода ядро или каркас экономической структуры района. При этом четко прослеживалась таксономия (как, впрочем, и типология районов, но об этом чуть попозже): область – округ – район. В конечном счете районы, независимо от таксономического уровня, рассматривались как объекты и субъекты государственного планирования. Эта вполне логичная и имеющая все основания для использования в практике планирования концепция была отвергнута политическим руководством страны, хотя долгое время верность ее принципам декларировалась. Увы, но с некоторых пор возобладало мнение, что советскому государству нужна унификация и централизация и, следовательно, не нужна региональная концепция.

В отличие от России, за рубежом осмысление региона (района) как объекта государственного регулирования произошло не ранее 1950-х гг., то есть в то время, когда теория районирования в СССР стало делом достаточного узкого круга географов-экономистов, а ее применение в практике государственного планирования стремительно приближалось к нулю. Впрочем, справедливости ради, придется признать: регион только в 1990-е годы за пределами нашего отечества стал ключевой категорией не только географии, но и территориального управления.

Столь глубокое в масштабах нашего диалога погружение в историю вопроса, как мне представляется, важно для того, чтобы показать, что региональная концепция, как бы мы ее ни называли, во-первых, очень зависит от социально-экономического и политического контекста, а во-вторых, её эволюция имеет нелинейный характер.

Итак, что в сухом остатке? Прежде всего, осознание того, что региональная концепция становится все более востребованной, что связано с изменением функций государственного управления, в частности, его децентрализацией. Далее регионы все чаще рассматриваются как "социальные конструкторы", хотя говорить о каком-либо общепринятом понимании здесь не приходится. И последнее, что следует упомянуть, это то, что регионы могут быть "ограниченными единицами" в управ-

² Помимо уже упоминавшихся мною работ И.Г. Александрова, здесь уместно вспомнить еще и [1; 2; 4], а также работу [14].

лении. Это не означает, что они должны быть исключительными или что они обязательно должны иметь значение в других сферах общества. Последнее особенно трудно поддается пониманию со стороны российских органов государственного регулирования, да и немалой части академического сообщества.

Киреев А.А.: Обратной стороной широкой востребованности термина "регион" стала его крайняя отвлеченность и содержательная эластичность. Чаще всего, этот термин употребляется в самом общем смысле, как любая часть пространства, отличимая от других его частей, независимо от масштаба и способа ее выделения. В своем исходном значении термин "регион" имеет до- и вненаучное происхождение и связан с практической потребностью субъекта власти в делении (делимитации) физического пространства в целях обеспечения контроля и управления³. Научное освоение этого термина, его концептуализация, обобщающее описание его объективного содержания начались только в XIX в., и географической науке в этом принадлежит, конечно, ведущая, пионерная роль. Однако ни теория районирования отечественной географии, ни "региональная концепция" географии западной объединяющим концептуальным ядром для регионоведческих исследований так и не стали. Наряду с ними в науке существует много других дисциплинарных интерпретаций "региона", сформировавшихся вполне независимо, исходя из практических интересов и предметных особенностей соответствующих дисциплин (политологии, теории международных отношений, философии, социологии, культурологии, филологии и др.). Континуум феноменов, описываемый всеми этими разными дисциплинарными определениями региона, выходит далеко за рамки понятия "сложная территориальная система". Ни территориальность, ни системность не являются для них обязательными уже в силу того, что эти дисциплины базируются на иных, негеографических, трактовках категории "пространство". Фактически, если "регион" и объединяет сегодня регионоведческие исследования, то не как научное понятие, а именно как термин, концепт естественного языка с размытой семантикой.

Вы, Александр Николаевич, отмечаете, что в 1990-е гг. регион стал "ключевой категорией" географии и территориального управления. Если исходить из частоты использования самого термина "регион", с этим трудно спорить. Но такая популярность этого термина была приобретена ценой его содержательного выхолощивания. Употребление термина "регион" сегодня не связано с эмпирическими исследованиями, с полевой работой по районированию реального природного или социально-экономического пространства. В настоящее время регионы, как правило, не *выявляются*, а *строятся, конструируются*. Отсюда их постоянно возрастающее изобилие, поразительная легкость и быстрота их возникновения, изменения и исчезновения. Примером подобного спекулятивного конструирования и реконструирования может служить АТР. С конца 1980-х гг. его границы и страновой состав переопределялись неоднократно и радикально. При этом основаниями для таких переформатирований являлись обычно не результаты исследований товарных и инвестиционных потоков, миграций или передислокаций военных баз, а политические заявления, создание новых международных институтов или просто ценностные суждения экспертов. Безусловно, международные потоки материальных ресурсов многомерны, и вывести из их конфигурации однозначную картину региона трудно, но едва ли это может быть оправданием для того, чтобы, не обращая на них внимания, рисовать ментальные карты АТР на некой, якобы, "чистой доске".

Демьяненко А.Н.: То, что региональная (районная) концепция не стала концептуальным ядром для регионоведческих исследований, как утверждает Антон Александрович, – это не проблема районной концепции, это – беда тех исследователей, независимо от их дисциплинарной принадлежности, которые по тем или иным причинам оказались с ней незнакомы или просто не смогли ее должным образом оценить, а следовательно, и применять в рамках своих социально-гума-

³ Со времен Римской империи термин использовался в значении "подвластная территория". Ср. близкие ему русскоязычные термины из управленческой практики – *волость, область*.

нитарных дисциплин. Кстати, Антон Александрович, когда вы обучались в университете, вас знакомили с районированием, скажем, физико-географическом или экономическим? А как часто вы слышали в университетских аудиториях что-то о природно-территориальных комплексах (ландшафтах, геосистемах) или о территориально-производственных комплексах?

Что же касается региональной концепции в ее сегодняшнем виде, то давайте отделять "мух от котлет". Есть региональная концепция, и это не только термин "регион" или его отечественный аналог "район", но и практика государственного управления. Так вот, если система государственного управления "заточена" на централизацию и унификацию и в конечном счете на поиск простых решений сложных проблем, в том числе и организации пространства, то региональная концепция или теория районирования (суть не в словах) оказывается просто не востребована.

И последняя ремарка, имеющая отношение к множественности дисциплинарных интерпретаций термина "регион". Действительно, более удачно в данном случае будет не "сложная территориальная система", а – "сложная пространственная система". Что же касается утверждения: "Фактически, если "регион" и объединяет сегодня регионоведческие исследования, то не как научное понятие, а именно как термин, концепт естественного языка с размытой семантикой", то оно представляется мне излишне категоричным.

Генезис регионов, его факторы и механизмы

Демьяненко А.Н.: Говоря о генезисе регионов (районов), следует различать районообразование и районирование. Районообразование – есть объективно обусловленный процесс, порождаемый территориальным (географическим) разделением труда. Районирование – это исследовательская техника, позволяющая выявить и оконтурить пространственные системы.

Киреев А.А.: Районообразование (регионогенез) может быть и объективно, и субъективно обусловленным. Стихийное, объективное образование регионов, в т.ч. под действием разделения труда, рыночного обмена, этнических и культурных связей, природных факторов, – это регионализация. В данном случае нет цели сформировать регион, он возникает как незапланированный, побочный продукт децентрализованных массовых действий (процессов). Субъективная же разновидность районообразования предполагает субъекта, намеревающегося создать регион для получения возможности целенаправленного воздействия на эту часть пространства. Такая разновидность районообразования – регионализм – появляется вместе с оседлыми человеческими общностями, с устойчивой пространственной организацией, границами и властью. Регионализм неразрывно связан с различными формами коллективной субъектности, суверенитета – от общинного и племенного до государственного и надгосударственного. Районирование как аналитический метод и управленческая технология является своего рода посредником между регионализацией и регионализмом. Его цель не в создании, а в выявлении объективно уже существующего, в его переводе на субъективно от-refлексированный и управляемый уровень реальности. Это актуализация одного из объективно возможных вариантов деления пространства на основе того или иного сознательно выбранного признака (комплекса признаков).

Демьяненко А.Н.: Согласен, что районообразование или, как предпочитает говорить Антон Александрович, регионообразование может быть обусловлено как объективно, так и субъективно. Но к этому пришли не сразу. Более того, по мнению Л.В. Смирнягина, объективность района была "проклятым вопросом" отечественной теории районирования⁴. Попробую пояснить, в чем тут дело. Многие десятилетия отечественные экономико-географы тщились доказать (опираясь по

⁴ Рекомендую не только его статью "Объективность района как "проклятый вопрос" районирования" [20], опубликованную в 2004 г., но и целиком весь цикл его работ по теории, истории и методике районирования. Это знакомство будет полезно не только для политологов, но и для всех, кто в той или иной мере интересуется районированием и районообразованием.

известным причинам на единственно правильное учение), что (экономический) район объективен, то есть материален. Тогда как их коллеги (не все, но многие), не испытывавшие идеологического давления, полагали, что район – это интеллектуальная концепция. В конце концов за пределами нашего отечества возобладала точка зрения, согласно которой дискуссия об объективной и субъективной природе района есть нечто малопродуктивное. Здесь, наверное, есть смысл вспомнить Лао Цзы, который говаривал: "Все вещи в мире исходят из сущего, а сущее исходит из несущего" [15, с. 78].

Киреев А.А.: Спор о природе региона сам по себе не может быть малопродуктивен. Он нацелен на определение решающего фактора генезиса и развития региона, без выявления которого управление им невозможно. Разумеется, что всякий фактор может стать решающим лишь в некоторых пространственных и временных пределах. Именно в этих пределах он и должен быть выявлен.

Разнообразие регионов, его пределы и способы типологизации

Демьяненко А.Н.: Для начала следует внести ясность в то, что представляет собой социальное или социально-экономическое пространство, в противном случае суждения относительно регионов могут превратиться в схоластику чистой воды. И само собой нам придётся сослаться на А. Лефевра и его последователей (а это не только социологи, но и географы) в их суждениях относительно социального пространства⁵. Если предельно кратко, то социальное пространство включает и системные, и несистемные пространственные объекты. Регионы (районы) представляют собой системные объекты. Искать какие бы то ни было универсальные типологии регионов, на мой взгляд, занятие бесперспективное, как, впрочем, и некие пригодные на все случаи жизни сетки районов. И районирование, и типологии всегда выстраиваются под ту или иную исследовательскую или прикладную цель. С точки зрения структуры, а точнее пространственной организации власти, регионы разделяют на два основных типа: иерархические и сетевые. Первые имеют единый центр принятия решений (что не исключает делегирования полномочий), вторые – множество таких центров, что предполагает самоорганизацию. Кроме того, по критерию масштаба, могут быть выделены регионы (районы) различного таксономического уровня. Ареалы и другие несистемные пространственные объекты (лакуны) регионами не являются, но при определенных обстоятельствах могут таковыми стать.

Киреев А.А.: Полагаю, что регион – это родовое понятие, которое охватывает обширный спектр видовых пространственных форм, типологизируемых по многим основаниям. С точки зрения сложности, т.е. степени взаимной связности элементов региона и его целостности, континуум регионов простирается от предельно простого ареала, целостность которого основана только на одном общем признаке, присутствующем у множества входящих в него объектов, до сложной региональной системы, единство которой базируется не только на сходстве, но и взаимосвязанности и взаимозависимости признаков ее элементов. Исходя из качественного субстрата регионов (вида составляющих их объектов и их связей), они могут быть типологизированы на природные, общественные и ментальные, в свою очередь имеющие ряд подтипов. С точки зрения же пространственной размерности регионы каждого качественного субстрата разделяются на последовательности таксономических единиц разного масштаба.

Следует отметить, что наиболее сложные "интегральные" регионы могут являться полисубстратными образованиями и иметь множественную (n-мерную) пространственную размерность, т.е. быть вписанными одновременно в две и более пространственные таксономии. Так, РДВ может рассматриваться как сложная макрорегиональная система (интегрированная, прежде всего, административно), ко-

⁵ Прежде всего, это монографическое исследование, давно ставшее классикой: [16]. И если А. Лефевр задал своего рода вектор "пространственного поворота" в социально-гуманитарных дисциплинах (отчасти этот сюжет был рассмотрен в [7]), то в работах Э. Соджи и Д. Харви [21; 27] географы стали проявлять все больший интерес к теориям общественного развития, что нашло отражение в переосмыслении природы региона и подходов к его исследованию [6].

торая соединяет в себе отраслевые макрорегионы ландшафтного, экономического, культурного и иных субстратов, границы которых на разных таксономических уровнях – от макро- до микроуровня – в определенной степени коррелируют друг с другом, но не совпадают. Например, с точки зрения экономического субстрата РДВ не является единой системой, совпадающей с административными границами ДФО. В границах ДФО существует несколько территориальных экономических систем, часть из которых являются трансграничными, т.е. пересекающими не только административные, но и государственные рубежи, а именно границу РФ и КНР [5].

Структурные формы и функции регионов

Демьяненко А.Н.: Регион – это системное образование, организованное целое. Поэтому идентификацию региона следует начинать с определения реального или потенциального организующего центра, переходя затем к выявлению региональной периферии и границ. Регион невозможен без той или иной структуры центр-периферийных отношений. При этом центров в структуре региона может быть несколько.

Структура региона отражает устойчивое взаимодействие элементов региональной системы. Она создает предпосылки как для возникновения эффектов эмерджентности, так и для адаптации региона к внешней среде, к ее изменениям. Адаптивная динамика регионов имеет нелинейный, зачастую циклический, характер и обусловлена их функциональной зависимостью не только от "законов" региональной системы более высокого порядка, но и от других регионов.

Киреев А.А.: Степень внутренней неоднородности и организованности регионов крайне вариативна. Однородный ареал – это тоже региональный сегмент пространства. Более того, все регионы так или иначе начинаются с ареалов и заканчиваются ареалами (например, культурные регионы прошлого существуют для нас сегодня как археологические ареалы однотипных артефактов). Гомогенность совокупности объектов есть необходимая предпосылка формирования, с одной стороны, связей между ними, а с другой – неравномерности в их пространственном распределении. На этой основе происходит стратификация и поляризация пространства, которая в конечном счете воплощается в генезисе его центр-периферийной или сетевой структуры. Ситуация же исходной гетерогенности объектов конкретного сегмента пространства, отсутствия в нем базового ареала, блокирует процессы генезиса региона.

Региональная система – это весьма редкая разновидность региона. Подавляющая часть пространственных образований, обычно именуемых регионами, полноценными системами не являются. Критически важный признак региональной системы – ее способность к самоподдержанию и саморегуляции, к устойчивому воспроизводству. Ярким проявлением этого выступают ситуации, когда регионы сохраняются, несмотря на существенное изменение условий среды, или даже воссоздаются после временного распада. Основой для способности региона к самоподдержанию служит сложившийся функциональный цикл, т.е. наличие у региона специфической внешней функции ("выхода" общественных ресурсов, востребованных другими, смежными и вмещающими, системами) и комплекса обеспечивающих ее реализацию внутренних функций. Без формирования подобного цикла (циклов) профилирующей системообразующей деятельности никакие количество, плотность и устойчивость внутренних связей в регионе системой его сделать не могут.

Демьяненко А.Н.: Ареал, будь он однородный или неоднородный (?), это только часть территории или пространства, в пределах которой (которого) мы наблюдаем тот или иной объект или явление, и не более того. Регион или район здесь ни при чем. Что же касается однородных районов, то, скорее всего, это не более чем абстракция. А вот то, что район как сложная пространственная система – редкость, это так. Кстати, более восьмидесяти лет назад на это обратил внимание А. Лёш [17]. Конечно, в этом случае сложность обеспечивается не путем наложения друг на друга разнокачественных полей, а их взаимопроникновением. А это уже теория сложных систем и, скорее всего, тема отдельного рассмотрения.

Глобализация и регионообразование: связи и противоречия

Демьяненко А.Н.: Процессы глобализации (унификации) и регионализации (диверсификации) – это две стороны одной медали. В их взаимодействии регионы трансграничного типа выступают в качестве своего рода соединительного "шарнира". Трансграничный регион – одновременно дитя и глобализации, и регионализации. При этом в определенные периоды времени и в определенных локациях доминирование переходит то к одному, то к другому процессу, что отражается в состоянии трансграничных регионов.

Киреев А.А.: Думаю, что отношения между глобализацией и регионализацией (точнее, регионогенезом) не столь однозначны. Регионообразование может быть частью глобализации как процесса интеграции и унификации мирового общества, ее этапом, подготовительной ступенью. В этом смысле образование новых регионов, как трансграничных, так и транснациональных, является, по сути, малой или суб-глобализацией. Но регионообразование может стать и контрглобализационным процессом, противодействующим глобализации, защищающим от ее рисков и последствий [23]. Такой контрглобальный регионогенез имеет множество форм. Это не только образование внутринациональных регионов, вплоть до микропространств обособленных территориальных сообществ, – чайнатаунов и иных этнических кварталов, анклавов религиозных общин, социальных "gated communities"⁶, наподобие коттеджных поселков, и т.п. Противодействие глобализации может воплощаться и в наднациональной, в т.ч. трансграничной, интеграции, принимая форму межгосударственных блоков, консолидации стран или их районов по этническому, культурному или религиозному признаку. Такие объединения вовсе не обязательно отрицают существование глобальной общности, но не наделяют ее субъектностью, оставляя роль самостоятельных, первопорядковых акторов за собой. Не следует считать, что любая трансграничность, повышая проницаемости государственных границ автоматически приближает мир к унификации и единству. Иногда она означает лишь формирование нового контура границ, превосходящего старый по своей четкости и жесткости.

Демьяненко А.Н.: Конечно же, все много сложнее. Но у меня не было желания входить в детали, мне представлялось важным выделить главное. И все-таки в настоящее время все чаще на повестке не столько глобализация в ее традиционном понимании, сколько "Мир регионов".

Структурная и функциональная специфика трансграничных регионов

Демьяненко А.Н.: Обычно трансграничность ассоциируется с государственной границей, международными отношениями, интеграционными (реже дезинтеграционными) процессами, внешней политикой и геополитикой. И я полагаю, что Антон Александрович много о чем может рассказать относительно перечисленных понятий и подходов к их исследованию. Поэтому очень кратко и только о том, что представляет интерес для меня как географа.

Возможно, самое главное заключается в том, что трансграничность – это не только явление, имеющее отношение к сфере международных отношений. Помимо, не менее интересна трансграничность и внутри государственных границ. Когда же она накладывается на трансграничность между государствами, то ситуация становится еще более сложной, а следовательно, все более интересной, и не только для географов.

Специфика трансграничных регионов как систем имеет, прежде всего, функциональный характер. Любой трансграничный регион выполняет две основные функции. Первая состоит в том, чтобы обеспечить стабильное социальное и экономическое развитие тех интраграницных регионов (двух или более), подсистемой которых данный трансграничный регион является. Вторая функция заключается в создании условий для включения более крупных, макрорегиональных и нацио-

⁶ "Gated community", букв. "сообщество за воротами", "закрытое сообщество", термин, описывающий различные формы приватизации пространства и физического разделения территорий проживания социальных групп, неравных в имущественном отношении. См.: [26].

нальных, пространств в глобальные (субглобальные) пространства. В то же время необходимо учитывать, что помимо общих все трансграничные регионы обладают и специфическими функциями. И, наверное, здесь начинается самое интересное, во всяком случае для географа: во-первых, государственная (или шире – политическая) граница – это не просто линия, а сложный феномен, неразрывно связанный с территориальными практиками (символикой, институтами и смыслотворчеством); во-вторых, граница трансграничного региона – это нечто подвижное, находящееся в состоянии постоянных изменений, в отличие от государственной границы.

Киреев А.А.: Далеко не все трансграничные регионы являются системами, степень их внутренней интегрированности различна. Вообще говоря, если трансграничный регион уже стал полноценной системой, достиг высокого уровня единства и самодостаточности, то это значит, что он перестал быть трансграничным. Трансграничность региона – это его принадлежность к двум и более региональным надсистемам, двойная (множественная) функциональная субординация, дву- или многоядерность его структур. Сам по себе трансграничный регион – это неустойчивая структура, находящаяся в состоянии непрерывного балансирования интеграционных и дезинтеграционных тенденций в динамиках своих интраграничных частей. У этого балансирования, на мой взгляд, может быть три возможных исхода. В случае, если интеграционные тенденции оказываются максимально сильными, трансграничный регион может поглотить участвовавшие в его формировании интраграничные регионы, функционально и структурно замкнуть их на себя, стать для них региональной надсистемой, включенной, в свою очередь, в глобальные функциональные циклы. Если интеграционные тенденции не столь сильны, чтобы охватить интраграничные регионы-участники целиком, они могут привести к сепарации их непосредственно взаимодействующих частей и появлению функционально обособленной системы, которая в зависимости от меры внутренней связности будет иметь формат нового государства или самоуправляемой территории⁷. Если же тяготение со стороны центров и структур одного из участников трансграничного региона преобладает над интеграционными процессами, то остальные участники будут вовлечены в его функциональный цикл, и трансграничный регион превратится в механизм асимметричного развития⁸, в подсистему в составе ведущего интраграничного региона.

Демьяненко А.Н.: Сначала несколько слов относительно сказанного о структурной и функциональной специфике трансграничных регионов. Действительно, трансграничные регионы неустойчивы, действительно, возможны различные сценарии их динамики, которые зачастую крайне сложны для прогнозирования. Тут у нас с Антоном Александровичем нет расхождений.

Поэтому перехожу к своего рода подведению итогов нашего диалога. Как говорил ведущий телевизионной программы "Культурная революция", обращаясь к участникам дискуссии: "Вы изменили свою точку зрения?" Мой ответ: нет, не изменил, да и трудно меняться на восьмом десятке лет. Тем не менее, обмен мнениями с Антоном Александровичем был полезен, смею надеяться, может быть, и для читателей журнала. Во всяком случае, хочется надеяться на это. На что еще подвиг меня этот обмен мнениями, так это на то, что региональная концепция необычайно быстро меняется, хотя ее "твердое ядро" остается неизменным. Изменения, как правило, обусловлены тем контекстом, в котором действуют исследователи, и поэтому неизбежно появление в обозримом будущем все новых и новых исследований, которые будут иметь дело с "регионом", "пространством", "местом", "территорией", "ландшафтом" "ареалом". Каждый из перечисленных терминов выполняет свою концептуальную работу на главном интеллектуальном перекрестке геогра-

⁷ Ближе всего к созданию таких самоуправляемых и функционально обособленных трансграничных территорий подошли некоторые из еврорегионов. См.: [25].

⁸ Асимметричный регионализм особенно характерен для развивающихся стран Юга. См.: [24].

фии (а может быть, и не только географии) – там, где встречаются человек и природа.

Литература

1. Александров И.Г. Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов. М.-Л., 1931.
2. Александров И.Г. Днепрострой. М.: Плановое хозяйство, 1927. 77 с.
3. Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.-Л.: Экономическая жизнь, 1924. 76 с.
4. Александров И.Г. Проблема Ангары. М.-Л.: Соцэкиз, 1931. 116 с.
5. Барбенко Я.А., Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Леонтьева Э.О., Мишина Н.В., Украинский В.Н., Ярулин И.Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84.
6. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76.
7. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М., Леонтьева Э.О., Малкова Н.Ю., Украинский В. Н., Ярулин И.Ф., Ячин С.Е. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59.
8. Бочарников В.Н., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Барбенко Я.А., Караман В.Н. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?" // Известия Восточного института. 2020. № 3. С. 79–92.
9. Демьяненко А.Н. Постмодерн, пространственный поворот и отечественная социально-экономическая география // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 19–34.
10. Демьяненко А.Н. Районная концепция в отечественной и зарубежной социально-экономической географии: а не перечитать ли классику еще раз? // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, природно-ресурсные и социально-экономические структуры. Сборник научных статей. Владивосток, 2023. С. 28–38.
11. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: КГУП Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
12. Книпович Б.Н. К методологии районирования. М.: Госиздат, 2021. 48 с.
13. Книпович Б.Н. Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. 192 с.
14. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. Сб. 6. М.: Географгиз, 1947. С.133–168.
15. Лао-Цзы. Книга пути и достоинства. М.: АСТ, 2023. 192 с.
16. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
17. Лёш А. Географическое размещение хозяйства М.: ИЛ, 1959. 455 с.
18. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
19. Скворцов А.И. Хозяйственные районы европейской России. Вып.1. СПб., 1914. 180 с.
20. Смирнягин Л.В. Объективность района как "проклятый вопрос" районирования // Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004. С.103–120.
21. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 576 с.
22. Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1911. 135 с.
23. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. Ed. by M. Farrell, B. Hettne, and L. Van Langenhove. Pluto Press, 2005. 321 p.
24. Krapohl S. Asymmetries and Regional Integration: The Problems of Institution-Building and Implementation in ASEAN, MERCOSUR and SADC. Vortrag: Arbeitspapier für den zweiten Bamberger Sommerworkshop zur vergleichenden Regionalismusforschung im Juni 2010 und für die KFG-Konferenz 'The Diffusionen-3-of Regional Integration'. Berlin, 2010.
25. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Cooperation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10, No. 2. P. 153–171.
26. Roitman S. Gated communities: definitions, causes and consequences // Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning. 2010. Vol. 163(1). P. 31–38.
27. Soja E. Postmodern Geographies. London, New York: Verso, 1989. 266 p.

References

1. Alexandrov I.G. Geographical centers of new construction and the problem of regional factories. M.-L., 1931.
2. Alexandrov I.G. Dneprostroy. M.: Planning Economy, 1927. 77 p.

3. Alexandrov I.G. Fundamentals of economic zoning of the USSR. M.-L.: Economic Life, 1924. 76 p.
4. Alexandrov I.G. Angara problem. M.-L.: Sotsekgiz, 1931. 116 p.
5. Barbenko Ya.A., Blyakher L.E., Demyanenko A.N., Kireev A.A., Leontieva E.O., Mishina N.V., Ukrainskiy V.N., Yarulin I.F. Transborder regions of the Far East // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 73–84.
6. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Kuznetsov A.M., Yarulin I.F. Region: problems of conceptualization, identification and construction // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 67–76.
7. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva Yu.A., Lebedeva M.M., Leont'eva E.O., Malkova N.Yu., Ukrainskij V.N., Yarulin I.F., Yachin S.E. "Spatial turn" and its interpretation in Russian science and institutional practice // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 2. P. 46–59.
8. Bocharnikov V.N., Demyanenko A.N., Kireev A.A., Barbenko Y.A., Karaman V.N. Roundtable "Is 'Colonization' of Space Possible?" // Oriental Institute Journal. 2020. № 3. P. 79–92.
9. Demyanenko A.N. Postmodern, spatial turn and native socioeconomic geography // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 19–34.
10. Demyanenko A.N. Regional concept in domestic and foreign socio-economic geography: shouldn't we re-read the classics again? // Geosystems of North-East Asia: natural, natural resource and socio-economic structures. Collection of scientific articles. Vladivostok, 2023. P. 28–38.
11. Demyanenko A.N. Economic zoning: issues of theory and history. Part I. Khabarovsk: KSUP Khabarovsk Regional Printing House, 2010. 224 p.
12. Knipovich B.N. On the methodology of zoning. M.: Gosizdat, 2021. 48 p.
13. Knipovich B.N. Agricultural zoning. M.: Novaya Derevnnya, 1925. 192 p.
14. Kolosovsky N.N. Production-territorial combination (complex) in Soviet economic geography // Questions of geography. Vol. 6. M.: Geographgiz, 1947. P.133–168.
15. Lao Tzu. Book of paths and virtues. M.: AST, 2023. 192 p.
16. Lefebvre A. Production of space / Transl. from fr. M.: Strelka Press, 2015. 432 p.
17. Lyosh A. Geographical location of the farm M.: IL, 1959. 455 p.
18. Semenov-Tyan-Shansky V.P. Region and country. L.: Gosizdat, 1928. 311 p.
19. Skvortsov A.I. Economic regions of European Russia. Issue 1. St. Petersburg, 1914. 180 p.
20. Smirnyagin L.V. Objectivity of the region as a "damned issue" of zoning // Scientific theories and geographical reality. M.: Eslan, 2004. P.103–120.
21. Harvey D. The Postmodern Condition: A Study of the Origins of Cultural Change. M.: Publishing house HSE, 2021. 576 p.
22. Chelintsev A.N. Agricultural regions of European Russia, as stages of agricultural evolution and the cultural level of agriculture in them. St. Petersburg, 1911. 135 p.
23. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. Ed. by M. Farrell, B. Hettne, and L. Van Langenhove. Pluto Press, 2005. 321 p.
24. Krapohl S. Asymmetries and Regional Integration: The Problems of Institution-Building and Implementation in ASEAN, MERCOSUR and SADC. Vortrag: Arbeitspapier für den zweiten Bamberger Sommerworkshop zur vergleichenden Regionalismusforschung im Juni 2010 und für die KFG-Konferenz 'The Diffusionen-3-of Regional Integration'. Berlin, 2010.
25. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Cooperation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10, No. 2. P. 153–171.
26. Roitman S. Gated communities: definitions, causes and consequences // Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning. 2010. Vol. 163(1). P. 31–38.
27. Soja E. Postmodern Geographies. London, New York: Verso, 1989. 266 p.

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО, д-р геогр. наук, независимый исследователь, г. Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Антон Александрович КИРЕЕВ, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Alexander N. DEMYANENKO, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Anton A. KIREEV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 27.04.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Научная статья
УДК 94(5)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/44-55>

К вопросу о приоритетах государственного развития Японии в начальный период эпохи Мэйдзи. Кидо Такаёси (1833–1877) о силе государства и его ответственности

Марина Константиновна КОВАЛЬЧУК

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kovalchuk.mk@dvfu.ru

Аннотация. Кидо Такаёси (1833–1877) – один из идеологов, организаторов и активных деятелей реставрации Мэйдзи (1868 г.), а также ключевых фигур японской политики в постреставрационный период. В конце 1860-х гг. во многом благодаря его идеям и усилиям руководство страны начало подготовку, а затем и осуществление программы по воссоединению всех земель государства под властью единого правителя – императора, которая на практике означала упразднение феодальных княжеств и учреждение новых государственно-административных образований – префектур. В 1871 г. новая административная система вступила в действие. Примечательно, что вскоре после претворения в жизнь вышеназванной реформы представления Кидо Такаёси о том, какими должны быть основные принципы работы государственной системы, претерпели серьезные изменения. Данное исследование представляет попытку понять причины этих изменений путём анализа его дневниковых записей, писем и документов.

Ключевые слова: Кидо Такаёси, Окубо Тосимити, миссия Ивакура, реставрация Мэйдзи

Для цитирования: Ковальчук М.К. К вопросу о приоритетах государственного развития Японии в начальный период эпохи Мэйдзи. Кидо Такаёси (1833–1877) о силе государства и его ответственности // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 44–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/44-55>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/44-55>

The issue of state development strategy in the beginning of the Meiji period. Kido Takayoshi (1833–1877) on the power and responsibility of the state

Marina K. KOVALCHUK

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kovalchuk.mk@dvfu.ru

Abstract. Kido Takayoshi (1833–1877) was one of the leaders and main political figures of the Meiji Restoration (1868), as well key figures in Japanese politics in the post-restoration period. Thanks to his ideas and efforts in the end of the 1860s the leadership of the country began preparing and then implementing a program to reunite all the lands of the state under the rule of a single ruler – the emperor, which in practice meant the abolition of feudal principalities clans and the establishment of new state administrative entities – prefectures. In 1871 a new administrative system came into effect. It is noteworthy that shortly after the implementation of the above-mentioned reform, Kido Takayoshi's ideas about what the basic principles of the state system should be underwent serious changes. The presented research is an attempt to understand the reasons for these changes through the analysis of his diaries, personal letters and official documents.

Keywords: Kido Takayoshi, Kido Koin, Okubo Toshimichi, Iwakura embassy, Meiji restoration

For citation: Kovalchuk K.N. The issue of state development strategy in the beginning of the Meiji period. Kido Takayoshi (1833–1877) on the power and responsibility of the state // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 44–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/44-55>

Кидо Такаёси – один из лидеров и идеологов реставрации Мэйдзи (1868 г.) и последовавших за ней внутривластных преобразований японского государства – личность примечательная, оказавшая немалое значение на формирование облика японского государства. Родился Кидо в 1833 г. в семье врача Вада Масакагэ из княжества Тёсю. В возрасте семи лет он был усыновлён самурайской семьёй

того же княжества. Первые революционные идеи были возвращены в нём в местной школе Мэйринкан. Их влияние оказалось достаточно сильным для того, чтобы у юного самурая появилось желание продолжить своё обучение в одном из наиболее радикальных учебных заведений Японии того времени – школе Ёсида Сёин, расположенной в родном княжестве, в г. Хаги, в которую он поступил в 1849 г. Здесь Кидо окончательно проникся идеей о диктаторском характере сёгунского режима. Большинство самураев, прошедших обучение в школе Ёсида, считали, что в борьбе с правительством бакуфу оправдано применение любых средств и тактик, даже если они имеют экстремистский или террористический характер. Очень сильное впечатление на Кидо произвело высказывание Сёина в письме от 22 января 1859 г., в котором последний утверждал, что причина слабости Японии в момент открытия её для международного общения американцами заключалась в двухсотлетнем периоде мира. "Я сожалею, что до сих пор не увидел кровопролития, имея предостаточно причин увидеть его", – писал Ёсида [9, с. 52–58].

Наличие в княжестве подобной школы, которая на протяжении нескольких лет оказывала влияние на формирование взглядов местного самурайства, превратило Тёсю в одно из наиболее радикально настроенных княжеств Японии. В период бакумацу оно стало в авангарде антииностранный движения, которое проходило в стране под двойным лозунгом "сонно-дзёи" – "уважай императора – изгоняй варваров". Апогеем участия Тёсю в данном движении стал обстрел иностранных судов в проливе Симоносеки (1862 г.)

К этому времени Кидо Такаёси стал одним из лидеров родного княжества. Когда последнее вступило в открытое противостояние с сёгуном, он поддержал идею о создании коалиции между Тёсю и Сацума. Коалиции, совместные действия которой привели к свержению сёгуна и восстановлению императорской формы правления.

После реставрации Кидо, вошедшего в состав политической элиты страны, стали называть "пером реставрации", поскольку именно он являлся автором многих инициатив по введению новой системы управления государством. Большинство его предложений, сделанных в это время, носили не менее радикальный характер, чем действия его родного княжества в период бакумацу. Считая, что залог процветания Японии лежит в скорейшем упразднении её феодальной структуры, Кидо выступил с инициативой о возвращении земельных наделов княжеств в государственную казну. Предполагается, что именно он был автором петиции, поступившей от князя Мори – главы Тёсю о добровольном возвращении земель императору. Эта петиция стала призывом к действию для остальных даймё. Подтверждением тому, что инициатива возвращения княжеских владений в государственный земельный фонд исходила именно от Кидо, может служить запись от 26 января 1869 г., сделанная в его личном дневнике: "Наш князь бесконечно предан императору, – писал он, – и мне очень хотелось бы, чтобы он возглавил это праведное движение, в тайне я укреплял его в этом решении с прошлого года" [5, р. 168].

Идея о скорейшем объединении всех японских земель была тесно связана с убеждением – Япония должна быстро и бескомпромиссно закончить с феодальным прошлым. Кидо опасался, что после упразднения сёгуна Токугава может возникнуть новый (примеры такого развития событий имелись в японской истории) или что при таком обилии в стране военных и князей, на протяжении веков сохранявших значительную степень самостоятельности в пределах своих владений, государство вновь может оказаться в состоянии феодальной раздробленности, как это произошло в эпоху "воюющих провинций".

Кидо был уверен, что экономическая, политическая и военная отсталость Японии делает её притягательной добычей западных стран, международные интересы и цели которых, так же как и методы их достижения, вызывали в нём одновременно и возмущение, и восхищение. В 1853–1854 гг. Кидо в составе военного контингента княжества Тёсю принимал участие в береговой защите Японских островов во время прихода американских судов. Вид чёрных кораблей Перри поразил, испугал и вызвал желание защитить свою родину. Знакомство с дневника-

ми Кидо Такаёси позволяет утверждать, что в первые постреставрационные годы это желание стало отправным пунктом многих его инициатив на государственном поприще. Однако личное знакомство с западными странами в составе миссии Ивакура заставило Кидо пересмотреть приоритеты в государственной политике Японии.

Миссия Ивакура (1871–1873)

Участие Кидо в миссии было скорее счастливым стечением обстоятельств, а если точнее, результатом конкурентной борьбы между двумя основными правительственными группировками, состоящими из представителей бывших княжеств – Сацума и Тёсю. Считалось, что сохранение баланса сил и политического влияния между этими группировками станет залогом слаженной работы центрального органа государственного управления.

Изначально посольство в Америку и Европу должен был возглавить не Ивакура Томоми, а Окума Сигэнобу (1838–1922), выходец из Сага, еще одного княжества, участвовавшего в реставрации на стороне проимператорской коалиции. После 1868 г. Окума активно участвовал в работе центральной администрации. Планировалось, что миссия, отправленная под его руководством, будет не очень многочисленной, поскольку её основной задачей будет выполнение конкретной дипломатической миссии – проведение переговоров по вопросу о возможности пересмотра неравноправных (с точки зрения национальных интересов Японии) договоров, заключенных со странами Запада на этапе восстановления международного общения (1854–1858). Успех данных переговоров, возможность которого теоретически существовала, хотя была и не слишком велика, давал фракции Сага шанс усилить свои позиции в центральном административном аппарате, потеснив Сацума и Тёсю. Руководствуясь этими опасениями, один из самых влиятельных государственных деятелей Японии в постреставрационный период от фракции Сацума – Окубо Тосимити (1830–1878), в августе 1871 г. занявший должность министра финансов Японии, сумел добиться смены главы посольства. Было решено, что японскую делегацию возглавит представитель придворной аристократии, доверенное лицо императора и действующий член японского правительства Ивакура Томоми. Помимо того, что Ивакура являлся фигурой нейтральной в конкурентной борьбе между Сацума, Тёсю и Сага, его и Окубо связывали годы плодотворного сотрудничества и личные дружеские отношения [8, с. 129–130].

Сам Окубо Тосимити решил выступить в роли одного из заместителей и основных помощников полномочного посла. Однако с его назначением, возникла новая проблема: теперь фракция Сацума была представлена в посольстве более широко, чем фракция Тёсю. Необходимо было включить в состав делегации представителя последней, не уступающего по своей значимости Окубо. Выбор пал на Кидо Такаёси. Участие в миссии, цели, состав и продолжительность пребывания которой за границей были значительно расширены после назначения Ивакура Томоми на должность её главы, заставили Кидо пересмотреть свои взгляды на целый ряд вопросов и проблем, связанных с текущим и будущим развитием японского государства.

К вопросу о внешней политике

Примечательно, что, восхищаясь мощью западных стран, японский политик был далёк от идеализации их дипломатических методов. Встреча с европейскими посланниками, на которой он присутствовал в декабре 1868 г. в качестве члена нового японского руководства, подтвердила его опасения в том, что западная дипломатия редко ограничивается вопросами внешней политики государства. Когда зашёл вопрос о судьбе христианства в Японии британский посланник Генри Паркс начал достаточно настойчиво продвигать идею об отмене запрета на проповедь христианства, не смотря на попытки Кидо обратиться к международному законодательству и указать на то, что данный вопрос является внутренним делом Японии. Судя по записям в личном дневнике, в этот момент Кидо абсолютно чётко осознал, что Япония сможет полагаться на международное право только при на-

личии собственных вооружённых сил, не уступающих образцам "прогрессивного Запада" [5, р. 148].

В первые годы Мэйдзи не только Кидо, но и другие лидеры реставрации были убеждены: для того чтобы проводить самостоятельную политику, Япония должна приблизиться к уровню развития западных стран. Однако, поскольку в конце 1860-х гг. японцы достаточно мало знали об их внутривластном устройстве, первые примеры для подражания были взяты из области внешней политики, в эффективности которой у Японии был шанс убедиться на собственном опыте.

В 1868 г. Кидо Такаэси считал внешнюю экспансию неотъемлемым элементом развития японского государства. "Если мы не стремимся к тому, чтобы свет славы и престижа нашей империи сиял и за её пределами, если не хотим стать государством мирового значения, – писал он, – то чем тогда наше правление отличается от правления бакуфу?" [2, р. 145]. Такова была позиция, с которой Кидо Такаэси приступил к работе в центральном правительстве.

В своих дневниках Кидо упоминает, что вскоре после реставрации Мэйдзи именно он выступил с инициативой об отправке посольства в Корею, считая, что, вступая в мир мировой политики, Япония должна в первую очередь наладить тесные связи с государством, с которым её исторически связывали тесные культурные и торговые связи. В тот момент он был уверен, что данная цель должна быть достигнута любыми средствами, даже военными, если "упрямая Корея" не способна оценить всех плюсов данных отношений [6, р. 206]. Однако спустя пять лет в 1873 г., когда вновь был поднят вопрос о необходимости отправки на Корейский полуостров подобного посольства, Кидо выступил на стороне тех, кто посчитал применение методов агрессивной дипломатии ошибочным и несвоевременным.

Можно предположить, что изменение позиции Кидо по корейскому вопросу, произошедшее во время его пребывания в Европе в составе миссии Ивакура (1871–1873), неприятно удивило Сайго Такамори (1828–1877) – основного инициатора отправки посольства в 1873 г., поскольку долгое время "меч Японии", как называли Сайго, и "перо Японии" – Кидо Такаэси – придерживались схожих взглядов на возможные пути развития японского государства по крайней мере в сфере внешней политики.

Действительно ли Кидо вернулся на родину с мыслью о том, что Япония должна избегать конфликтов со своими соседями? 18 октября 1873 г. он прямо назвал план покорения Кореи и Тайваня, выдвинутый Сайго Такамори при поддержке Сандзё Санэтоми (1837–1891) и Итагаки Тайсукэ (1837–1919), безрассудным и безответственным. Он не критиковал идею захвата территории другого государства как таковую, но настаивал на том, что момент для её осуществления выбран крайне неудачный. "Правительство собирается поддержать данное предложение, – пишет он 3 сентября 1873 г., – и я крайне раздосадован этим решением. Наш народ сейчас переживает очень непростые времена, он сбит с толку огромным количеством распоряжений; начиная с прошлого года в стране стали подниматься восстания... Если говорить о том, что необходимо осуществить сейчас в стране в первую очередь, так это организовать надлежащее управление её внутренними делами... в данный момент это должно стать приоритетной задачей" [6, р. 370–371].

Характер вышеприведённого высказывания показывает, что, несмотря на то что в 1873 г. Кидо выступил против отправки в Корею посольства, способного инициировать вооружённый конфликт, говорить о коренном изменении его взглядов на цели и методы внешней политики Японии мы не можем. Кидо не критиковал идею об укреплении престижа его страны за рубежом военными средствами, он лишь указывал, что в данный момент эта задача не должна являться приоритетной для японских властей, поскольку существуют более важные проблемы, в первую очередь в сфере внутренней политики.

К вопросу о внутренней политике

Если до 1871 г. Кидо активно призывал к радикальной ломке прежних порядков государственного устройства, основанного на неоконфуцианской морали и

феодалных пережитках, то теперь он настаивал на необходимости поэтапного введения изменений, причём не только в экономическую и военную, но также в торговую, производственную и социальную сферы жизнедеятельности государства и прежде всего в систему образования.

Кидо вернулся из поездки по Европе с твёрдым убеждением, что сила государства заключается в чётком разделении полномочий отдельных ветвей его власти, прежде всего военных и гражданских структур, а также в том, что политический курс, при котором престиж на мировой политической арене достигается в ущерб внутреннему развитию страны и за счёт понижения благосостояния её граждан, не отвечает национальным интересам государства. Страна, в его понимании, должна была идти вперёд, развиваясь комплексно и поэтапно, а не откатываться назад, ставя под угрозу государственную безопасность и жизни своих граждан в угоду сиюминутному желанию продемонстрировать соседям свою силу и значимость при реальном отсутствии таковых.

Лично познакомившись с уровнем боеспособности западных стран, Кидо осознал, что новая императорская армия, которая начала формироваться только в 1872 г. преимущественно из крестьян на основе всеобщей воинской повинности еще недостаточно обучена и экипирована для проведения военных операций за пределами Японии. Было очевидно, что, решившись перейти к агрессивной политике в отношении своих соседей по Азиатско-Тихоокеанскому региону – Корее и Тайваню, правительство будет вынуждено обратиться за помощью к старой самурайской гвардии. В этом, собственно, и состоял план Сайго, выдвинувшего свою кандидатуру на роль главы миссии. Начав военную кампанию, он не только мечтал ослепить корейцев сиянием славы и величия Японии, но и восстановить престиж её традиционного военного сословия – самураев, которое в результате реформ первых годов Мэйдзи утратило свой статус и соответствующие ему привилегии.

Стремления Сайго были понятны Кидо. Он тоже считал, что то положение, в котором оказалось самурайское сословие в результате реформ, говорило о несостоятельности политики, проводимой руководством страны, и был убеждён, что власти не должны бросать часть своих граждан на произвол судьбы, объясняя свои действия государственной необходимостью. Речь шла о проекте по отмене самурайских пенсий, обязанность выплачивать которые правительство взяло на себя при проведении реформы по упразднению феодальных княжеств. "Интересы внутренней политики должны стоять на первом месте, – писал Кидо в сентябре 1873 г., – а внешней – на последнем. Основной целью реформ должно стать улучшение жизни и увеличение благосостояния нашего народа. Достижение этой цели должно быть гораздо важнее проведения войн во имя достижения имперской славы. Увеличение поземельного налога для финансирования войн может вызвать сопротивление крестьянства, которое и так находится в бедственном положении, и в конечном счёте дестабилизировать ситуацию в стране" [11, с. 129–133].

В 1873 г. против экспедиции в Корею выступили все три основных лидера миссии Ивакура: сам полномочный посланник – Ивакура Томоми, Кидо Такаёси и Окубо Тосимити. Однако уже на следующий год Окубо покинул ряды "партии мира", выступив в поддержку организации карательной экспедиции на Тайвань, официальным поводом для которой стало желание наказать жителей острова за убийство нескольких рыбаков королевства Рюкю (1871 г.). Кидо же остался верен своим прежним высказываниям. Более того, его убеждённость в том, что залогом силы и процветания государства является прежде всего его внутривнутриполитическая стабильность и развитая экономика, гарантирующая высокий уровень благосостояния населения, окрепла и выкристаллизовалась в стройную теорию. В марте 1874 г. он продолжал настаивать на том, что в нынешний момент вопросы укрепления северных границ Японии, подавление недовольства внутри страны и организация учебных заведений для повышения уровня образованности населения гораздо важнее отправки экспедиции, призванной покарать жителей острова Тайвань за преступление трёхлетней давности.

Можно предположить, что позиция Кидо была обусловлена тем, что на момент обсуждения данного вопроса он возглавлял министерство культуры и образования (25 января – 13 мая 1874), а затем министерство внутренних дел (14 февраля – 27 апреля 1874), и его высказывания против "внешнеполитических авантюр" в защиту внутренних реформ были вызваны желанием укрепить позиции подконтрольного ему ведомства. Однако обращение к письмам и дневникам Кидо доказывает обоснованность данного предположения. Очевидно, что его политические взгляды имели более серьёзную почву, нежели ведомственные интересы. "Любой, кто в состоянии представить, в каком положении находятся тридцать миллионов нашего населения, живущие в крайней нужде, поймёт, какие преобразования нам важнее сегодня..." [11, с. 147–150] – писал он.

Кидо пытался добиться отмены экспедиции на Тайвань, заручившись поддержкой американского посла Джона Бингхэма, который выразил протест против использования в ней американских граждан¹. Однако военно-морские силы Японии выдвинулись из Нагасаки, проигнорировав приказ правительства оставаться в порту. Посчитав, что Окубо Тосимити, занимавший тогда должность министра внутренних дел, своим бездействием фактически одобрил отправку экспедиции, Кидо заявил о своей отставке, подчеркнув, что он надеялся, что "правительство движется от феодального деспотизма к "миру, свободе и либерализму", однако на деле оно начинает войны в ущерб интересам своих бедных, глупых и бесправных граждан... Основой нации является народ, – продолжал он, – и правительство существует для того, чтобы облегчить жизнь своему народу" [10, с. 81–84]. На момент своей добровольной отставки Кидо был убеждён, что политическая верхушка, захватившая власть в правительстве Мэйдзи, позабыла о главном предназначении государственной администрации.

После отставки Кидо, используя свой авторитет и связи в правительстве, продолжил продвигать идею о необходимости проведения поэтапных преобразований во имя равномерного развития и укрепления государства в целом, а не его отдельных составляющих.

Он по-прежнему был уверен, что Япония пока не готова к военным компаниям за рубежом, хотя и считал, что при достижении определённого уровня развития, вооружённый конфликт является приемлемым средством для решения внешнеполитических споров и поднятия престижа государства на мировой политической арене.

Японский политик был очень расстроен, когда в 1876 г. его кандидатура в качестве главы японской миссии в Корею была заменена на более молодого и более воинственно настроенного дипломата Курода Киётака (1840–1900), выходца из бывшего княжества Сацума. Кидо, в то время уже прикованный болезнью к постели, написал Курода целый ряд писем, призванных охладить воинственный пыл последнего [1, р. 157].

К вопросу о введении конституционной формы правления

Ещё одно изменение во взглядах Кидо Такаёси после его поездки в США и Европу касалось его отношения к вопросу о возможности введения в Японии конституционного строя.

При отправке миссии Ивакура за границу в 1871 г. именно Кидо было поручено изучение принципов жизнедеятельности западных стран, понимание и освоение которых могло дать Японии возможность организовать более стабильное и эффективное управление собственным государством.

Поставленная задача оказалась для Кидо не простой. Как человек, получивший традиционное для Японии конфуцианское образование, он с немалой долей скептицизма приступил к изучению институтов политической и законодательной власти Соединённых Штатов, поскольку именно с США миссия Ивакура начала своё знакомство с западной цивилизацией. Более того, находясь в Америке,

¹ В карательной экспедиции на Тайвань (1874 г.) в качестве консультантов приняли участие два американских офицера: Джэймс Роберт Вассон и Дуглас Кассэль.

он весьма резко высказывался в отношении тех своих соотечественников, которые, как ему казалось, чрезмерно восхваляли Запад и западные традиции. Кидо считал, что подобное поведение говорит о слепом следовании сиюминутной моде и полном отсутствии патриотизма. Особенно много критики было высказано на страницах его личного дневника в адрес Мори Аринори – тогдашнего дипломатического представителя Токио в Вашингтоне, а в последствии министра образования Японии, а также японских студентов, отправленных японским правительством для обучения в США. "Мори ведёт себя ужасно! – писал Кидо 15 апреля 1872 г. после тяжелого дня, проведённого в переговорах с американской стороной по вопросу о возможности пересмотра неравноправных договоров, – американцы же, напротив, ведут себя достойно, проявляя знание и уважение к нашим обычаям и традициям. В то время как наши студенты, обучающиеся здесь, в Америке, демонстрируют их полное незнание. Они восхищаются американскими традициями, не понимая, на чём основываются их собственные. Они так бездумно выступают в поддержку свободы и республиканства, что у меня едва хватает сил выслушивать их легкомысленные и поверхностные суждения" [6, р. 149].

Однако, поскольку время пребывания японских посланников в США и Европе было продолжительным, в распоряжении Кидо оказалось достаточно времени, для того чтобы более детально познакомиться с основными принципами устройства западных держав и оценить их плюсы. Понимая, что одной из основных проблем, препятствующей освоению информации о странах Запада, является отсутствие знаний иностранных языков, Кидо, находясь в США, приступил к изучению английского.

Перед японским политиком стояла сложная задача: из всего многообразия малознакомых ему на тот момент политических систем выбрать ту, что окажется наиболее подходящей для Японии. Привлекательными вариантами он счёл конституционные монархии Пруссии и Великобритании. Впрочем, и с их введением, по мнению Кидо, не следовало спешить. Он был уверен, что необходимые изменения следовало вводить в существующее государственно-политическое устройство поэтапно.

Ряд исследователей предполагает, что доктрина строгой поэтапности реформ появилась у Кидо после разговора с Отто фон Бисмарком, имевшим место в Берлине в марте 1873 г. Беседуя с рейхсканцлером Германской империи, Кидо пришёл к выводу, что одной из первостепенных задач правительства является формирование государственной элиты, которая сможет взять на себя роль наставника над необразованными и мало информированными массами с тем, чтобы постепенно превратить последних в электорат, способный избирать представительные формы власти [1, р. 158]. Именно поэтому введению конституции и парламента в стране, должно было предшествовать внедрение всеобщей системы образования. Кидо был убеждён, что правительство должно обучить и воспитать население, прежде чем дать ему возможность изъявлять свою волю в масштабах государства и влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны. Являясь в рамках посольства Ивакуры главой группы, которой было поручено изучение в том числе и образовательных систем западных стран, Кидо нанял профессора Давида Мюрэя из Ратгердского университета (США) в качестве иностранного специалиста, в обязанности которого входили предоставление экспертной помощи и осуществление контроля над процессом учреждения в Японии новой всеобщей системы образования по примеру наиболее эффективных западных аналогов.

Руководствуясь всё тем же принципом поэтапности, Кидо настаивал, что помимо повышения уровня образованности населения, необходимым условием для успешного перехода государства к конституционной форме правления должна стать апробация институтов представительной власти сначала на местном – городском и префектуральном – уровне. Проводить столь серьёзные нововведения сразу в государственном масштабе он считал опасным.

Придерживаясь подобных воззрений, Кидо отказался присоединиться к движению "Дзию минкэн ундо" ("Движение за свободу и народные права"), члены ко-

того уже в 1874 г. начали призывать к введению конституции и проведению парламентских выборов. Лидером данного движения являлся Итагаки Тайсукэ, годом ранее покинувший правительство в знак протеста против отмены решения об отправке в Корею посольства во главе с Сайго Такамори. Несмотря на отказ Кидо подписать петицию о скорейшем учреждении органов представительной власти, его умеренная позиция, которая заключалась в принципиальной согласии с необходимостью введения демократических элементов в систему государственного управления Японии при условии, что они появятся только тогда, когда население будет к ним готово, помогла ему стать неким связующим элементом между либеральной оппозицией во главе с Итагаки Тайсукэ и той частью политической элиты страны, которая выступала за сохранение абсолютной монархии. Идеологическим лидером последней являлся Окубо Тосимити. На совместной встрече, прошедшей зимой 1875 г. в г. Осака, обе стороны согласились с программой Кидо о постепенном переходе к конституционной монархии [3, р. 596]. Вскоре после этой встречи в структуре государственного управления Японии появилось два новых элемента: *Гэнроин* (Палата старейшин), законодательный орган, являющийся прототипом высшей палаты парламента, и *Тихокан кайги* (Собрание провинциальных властей), представляющее собой совещательный орган, в который входили губернаторы префектур и провинций. Предполагалось, что *Тихокан кайги* будет информировать центральное правительство о вопросах и проблемах, злободневных для периферии.

Поскольку введение данных органов рассматривалось как один из первых шагов к конституционному правлению, власти надеялись, что работа *Тихокан кайги* и назначение в его состав будет под их полным контролем. Однако несколько человек из партии Итагаки Тайсукэ сумели проникнуть в вышеназванный орган, добавив излишней эмоциональности его заседаниям. Кроме того, и сам Итагаки продолжал оказывать давление на правительство, добиваясь расширения полномочий палаты старейшин как законодательного органа. Его активность стала нервировать Кидо. Понимая, что эксперимент по введению демократических элементов в структуру управления страной не удался, и ситуация выходит из-под контроля, он посчитал невозможным продолжить расширение полномочий членов данного выборного органа, первым президентом которого он был назначен 2 июня 1875 г. Уставший от постоянного давления, Кидо на время отказался от своих либеральных инициатив и поддержал министра внутренних дел Окубо в его желании снять одного из лидеров пропарламентского движения Канда Кохэй с административной должности [7, р. 175–180], дающей последнему право на членство в указанном собрании. Избавиться от Канда в конечном счёте не удалось, но авторитарный жест Кидо не остался без внимания. Он посеял сомнения в рядах участников "Движения за свободу и народные права" в истинности его убеждений и готовности отстаивать введение в Японии элементов представительной власти. Еще меньше популярности добавил ему запрет на освещение в прессе дебатов, проходивших в Собрании провинциальных властей. Бесконечные нападки со стороны либералов в конечном счёте подтолкнули Кидо к временному союзу с фракцией Окубо.

Несмотря на этот краткий момент отступничества, ранняя смерть Кидо в 1877 г. стала ударом для конституционного движения Японии. Дело в том, что в 1876 г. он вновь начал компанию по введению в стране более эффективных институтов представительной власти с учётом ошибок и уроков первого опыта. Многие историки считают, что в 1877 г. поддержка Кидо и конституционного комитета Гэнроин, давшая надежду на введение указанных институтов в стране мирным путём, удержала фракцию Итагаки Тайсукэ от присоединения к Сацумскому восстанию под предводительством Сайго Такамори, что несомненно уменьшило размах данного выступления [1, р. 159].

К вопросу об отношении государства к своим согражданам

После возвращения из Европы (1873 г.) Кидо попытался применить свою теорию введения поэтапных преобразований не только в политической, но также и

в экономической, и социальной сферах трансформации государства. Не являясь активным противником индустриализации страны путём получения частными предприятиям финансовой помощи от государства, он тем не менее очень резко высказывался против программы индустриализации 1869 г., выдвинутой тогдашним министром внутренних дел Окубо Тосимити в коалиции с министром финансов Японии Окума Сигэнобу (1838–1922), которая предполагала проведение индустриализации страны за счёт увеличения поземельного налога и упразднения пенсий самураев и бывших даймё.

Кидо не прекращал думать о сложившейся ситуации и находясь за границей в составе миссии. В мае 1872 г., будучи в Вашингтоне, он делает следующую запись в своём дневнике: "... становится очевидно, что сидзоку² не смогут навсегда сохранить за собой право на получение пенсий. Но если однажды им придётся отказаться от этого права, которое их семьи сохраняли за собой на протяжении нескольких веков, то сотни тысяч сидзоку окажутся без средств к существованию (дословно – окажутся в ситуации, в которой им придётся голодать – М.К.). Мы должны признать, что времена меняются, и мы не можем лишить нашу нацию возможности избавиться от нежелательных традиций. Однако до сего момента народ нашей страны признавал особый статус сидзоку и не ставил под сомнение их право на получение этих пенсий. Так что государство обязано взять на себя ответственность в этом вопросе. Поскольку пенсии стали своего рода частной собственностью, их внезапное упразднение будет чрезвычайно болезненным, если только оно не будет осуществлено правильно. Сидзоку – не преступники. Они подданные нашей империи" [6, р. 164]. Иными словами, в 1872 г. Кидо был уверен, что внезапная отмена пенсий будет похожа на легализованное хищение государством имущества собственных граждан.

Читая дневниковые записи Кидо, понимаешь, что осознание факта того, что бывшие самураи оказались в крайне тяжелой ситуации, лишившись финансовой поддержки со стороны правительства, нанесло серьёзный удар по уверенности Кидо в верности принятых им ранее решений и инициатив. Чувство ответственности и вины перед вчерашними собратьями по оружию и понимание того, что проект по отмене пенсий является логическим продолжением предложенной им реформы по антифеодализации японского государства, в последующие годы добавили осторожности и некой неопределенности его высказываниям, за что его не раз подвергали критике как современники, так и историки. Его обвиняли в непоследовательности, хотя ревизия политических взглядов и воззрений естественны для человека, осознающего масштаб своих инициатив и степень личной ответственности за судьбу государства и его граждан.

Мысль Кидо о том, что люди, облеченные властью, должны быть крайне аккуратны в своих высказываниях и предложениях, прозвучала в его записях в личном дневнике, сделанных в Вашингтоне во время переговоров с Соединёнными Штатами о возможности пересмотра неравноправных договоров, заключённых с период Ансэй. Комментируя безудержную активность отдельных членов миссии, желающих любыми средствами добиться успехов в данных переговорах, Кидо писал: "К моему сожалению, я вынужден констатировать, что среди нас есть те (имелись в виду члены миссии Ивакура – М.К.), кто заботится о собственной карьере гораздо больше, чем думает об интересах государства и народа" [6, р. 147].

Что касается вопроса об отмене самурайских пенсий, то в качестве возможного решения данной проблемы Кидо предложил программу, согласно которой власти обязывались бы выплатить три четвёртых от общей суммы пенсий в течении двадцати лет, оставшаяся сумма должна была накапливаться, для создания коммерческого капитала и выплачивалась бы в конце указанного срока в качестве единовременной выплаты. Однако проект Кидо о полной, пусть и поэтапной компенсации самурайских пенсий не получило одобрения японского правительства.

Во время визитов в родную провинцию Тёсю, земли которой после реформы вошли в состав префектуры Ямагути, Кидо чувствовал растущее недовольство

² Сидзоку – общее название для среднего и низкорангового самурайства.

бывших самураев. Он понимал, что, с одной стороны, сохранение самурайского сословия – это анахронизм, мешающий Японии окончательно покончить с её феодальным прошлым, но, с другой стороны, осознавал, что на его глазах закладываются основы отношений между государством и его гражданами. Обречение части населения на бедность под предлогом государственной необходимости он считал неприемлемым, более того, он полагал, что данный шаг нанесёт удар по экономике страны в целом. Он прямо обвинял политических лидеров страны в том, что они очень мало знают о проблемах и чаяниях простого народа, при этом отдельные их представители не гнушаются использовать общественные финансы в личных целях [7, p. 272].

Доводы Кидо не были услышаны. Выплата пенсий действительно была серьёзным бременем для государственных финансов. Поэтому 5 августа 1876 г. правительство официально объявило об отмене выплат, предложив их капитализировать. Самураям и даймё была предложена единовременная выплата в размере их пенсий за несколько лет. Она должна была быть осуществлена частично наличными, частично государственными облигациями. Это решение было крайне негативно воспринято бывшим самурайским сословием. В разных частях страны произошёл целый ряд вооружённых самурайских выступлений, самым крупным из которых стало Сацумское восстание 1877 г. под предводительством Сайго Такамори. "Меч реставрации" и его соратники посчитали, что центральное правительство их обмануло и предало.

В том же 1877 г. Кидо Такаёси тяжело заболевает и умирает в возрасте сорока трёх лет. Он умирает в мае 1877 г., в разгар сражений между армией центрального правительства, собранной из бывших крестьян, обученной иностранными инструкторами и экипированной оружием западного образца, и потомственными военными, приведшими к власти правительство, отказавшееся от них во имя высокой цели – превращения Японии в государство, сопоставимое по своей силе и значимости с западными державами. Исход этой битвы был предreshён. 1877 г. стал последним годом жизни не только для Кидо Такаёси, но и для Сайго Такамори.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы подчеркнуть, что попытки Кидо добиться справедливости для самурайства не были продиктованы заботой об отдельном сословии, к которому он сам себя причислял. Его действия были продиктованы пониманием, что в основе отношений между властями страны и её народом должен лежать принцип социальной справедливости.

Кидо занимал данную позицию не только в отношении бывших самураев, но и в крестьянском вопросе. В 1876 г., во время инспекционной поездки по северным окраинам японской империи, он стал свидетелем шокирующей разницы в уровне жизни крестьян на Хоккайдо и в столичных округах. Причину этой проблемы он видел в высоком налоге на землю, который был установлен на уровне трёх процентов от оценочной стоимости земли, но в реальности составлял от тридцати до сорока процентов урожая. Налог платился в денежном эквиваленте, в результате крестьяне были вынуждены продавать урожай сразу после его сбора, в период низких цен на сельскохозяйственную продукцию.

В своих дневниковых записях от 14 мая 1876 г. Кидо красноречиво заявляет, что он отказывается от своих прежних убеждений о необходимости консолидации управления и контроля над всеми делами в стране в руках исключительно центрального правительства, и говорит о необходимости децентрализации государственной власти [7, p. 295]. Деспотичная налоговая политика, проводимая Токио, по его мнению, приводила к обнищанию территорий, расположенных вдали от процветающей столицы. Добавив образности своему высказыванию, он сравнил государство с живым организмом: "Префектуры, – писал он, – являются лёгкими государства, а правительство – его головой. Циркуляция денежных масс подобна циркуляции крови. Последние годы центральные власти собирают с префектур огромное количество денег (налогов – М.К.), не обращая внимание на нужды и чаяния людей, находящихся в их юрисдикции, и фактически разоряют их. Други-

ми словами, идёт большой прилив крови к голове" [11, с. 165–177; 1, р. 161–162]. Этими словами Кидо фактически указывал, что сохранение подобной политики неизбежно приведёт к "апоплексическому удару", от которого правительство может и не оправиться. Решение создавшейся ситуации он видел в увеличении доли государственного бюджета, идущего на нужды префектур. На момент написания упомянутого меморандума на эти цели выделялось всего четыре из шестидесяти миллионов йен, поступающих в казну в качестве налогов. Помимо увеличения финансирования, по его мнению, нужно было организовывать городские и деревенские собрания, которые могли бы доводить до властей нужды местного населения и назначать на должности губернаторов провинций и глав других государственно-административных образований людей, живущих и работающих в данной местности, поскольку последние были лучше информированы о существующих там проблемах.

Предложения Кидо не находили отклика и поддержки у руководства страны вплоть до начала массовых крестьянских выступлений в префектурах Мизэ и Ибараки в декабре 1876 г. Уже в январе следующего года Кидо удалось добиться сокращения земельного налога с трёх до двух с половиной процентов. Однако и этой его победе был отведён не слишком долгий срок. Вскоре после его смерти в июле 1877 г. налог вновь был поднят до трёх процентов [4, р. 62–63].

Проведённое исследование показало, что взгляды Кидо Такаэси за время его работы на государственном поприще претерпели значительные изменения. В конце 1860-х годов он выступал за проведение коренной ломки существующего государственного строя, стремясь как можно скорее покончить с феодальными пережитками, доставшимися Японии в наследство от сёгуната, однако уже в 1873 г. он заговорил об опасности проведения масштабных преобразований, нарушающих интересы отдельных групп населения, даже если целью этих преобразований является военное укрепление государства и усиление его статуса и престижа на мировой политической арене. Хронологически изменение позиции Кидо по указанным вопросам совпадают со временем его пребывания в Европе и США в составе миссии Ивакура. Очевидно, что увиденное и услышанное в западных странах способствовало пересмотру его представлений о принципах устройства процветающего государства. Однако исследование дневников и других документов за авторством выдающегося японского политика показало, что не меньшее, а возможно и гораздо большее, влияние на его политические воззрения оказало и та внутрисполитическая ситуация, которая сложилась в Японии в результате проведения масштабных преобразований и реформ в первые годы Мэйдзи, многие из которых были осуществлены по инициативе и при активном участии самого Кидо Такаэси.

Сложное финансовое положение бывших потомственных военных и крестьянства, нужды которых были принесены в жертву национальным интересам, заставило японского политика заговорить о проблеме ответственности государства перед своими гражданами, а также о прерогативе интересов народных масс при определении целей и задач политического курса страны. Далекое не все современники смогли понять и разделить эту новую точку зрения Кидо Такаэси на роль и предназначение государственной системы, хотя очевидно, что многие из вопросов, поднятых Кидо Такаэси в середине 1870-х гг., не утратили своей актуальности и сегодня.

Литература

1. Brown S.D. Kido Takayoshi (1833–1877): Meiji Japan's Cautious Revolutionary // *Pacific Historical Review*. 1956. No 25. P. 152–162.
2. Butler W. The Iwakura mission and its stay in Salt Lake City // *Utah Historical Quarterly*. 1998. No. 66. P. 26–47.
3. Fraser, Andrew. The Osaka Conference of 1875 // *Journal of Asian Studies*. 1967. No. 4. P. 589–610
4. Le Gendre C. W. *Progressive Japan: A study of the political and social needs of the empire*. New York and Yokohama: G. Levy Publisher, 1878. 370 p.
5. *The diary of Kido Takayoshi*. Translated by Brown D.S. and Akiko Hirota with introduction and notes.

- Vol. 1. University of Tokyo Press, 1986. 492 p.
6. The diary of Kido Takayoshi. Translated by Brown D.S. and Akiko Hirota with introduction and notes.
Vol. 2. University of Tokyo Press, 1986. 449 p.
7. The diary of Kido Takayoshi. Translated by Brown D.S. and Akiko Hirota with introduction and notes.
Vol. 3. University of Tokyo Press, 1986. 459 p.
8. 毛利敏彦. 岩倉使節団の編成事情: 参議木戸孝允の副使就任問題を中心に//国際政治(6), 1980. 128–147頁 = Мори Тосихико. Условия формирования миссии Ивакура, с учётом факта назначения Кидо Такаёси на должность заместителя полномочного посла миссии // Международная политика. № 6. 1980. С. 128–147.
9. 松菊木戸公伝 (上). 東京: 明治書院, 1927. 1104 頁= Биография Сёгику Кидо. Т.1. Токио: Мэйдзи Сёин, 1927. 1104 с.
10. 渡辺幾治郎. 外交と外交家. 東京: 千倉書房, 1939. 316頁= Ватанабэ Икудзиро. Дипломатия и дипломаты. Токио: Тикурасёбо, 1939. 316 с.
11. 木戸孝允文書. 8巻. 東京: 日本史籍協会, 1931. 413 頁= Документы и сочинения Кидо Такаёси. Т.8. Токио: Нихонсисэкикёкай, 1931. 413 с.

References

1. Brown S.D. Kido Takayoshi (1833–1877): Meiji Japan's cautious revolutionary // *Pacific Historical Review*. 1956. No 25. P. 152–162.
2. Butler W. The Iwakura mission and its stay in Salt Lake City // *Utah Historical Quarterly*. 1998. No. 66. P. 26–47.
3. Fraser, Andrew. The Osaka conference of 1875 // *Journal of Asian Studies*. 1967. No. 4. P. 589–610.
4. Le Gendre C. W. *Progressive Japan: A study of the political and social needs of the empire*. New York and Yokohama: G. Levy Publisher, 1878. 370 p.
5. The diary of Kido Takayoshi. Translated by Brown S. D. and Akiko Hirota with introduction and notes. Vol.1. University of Tokyo Press, 1986. 492 p.
6. The Diary of Kido Takayoshi. Translated by Brown S. D. and Akiko Hirota with introduction and notes. Vol.2. University of Tokyo Press, 1986. 449 p.
7. The Diary of Kido Takayoshi. Translated by Brown S. D. and Akiko Hirota with introduction and notes. Vol. 3. University of Tokyo Press, 1986. 459 p.
8. Mori Toshihiko. Formation of the Iwakura Mission – focusing on the appointment of councilor Kido Takayoshi as deputy envoy / Mori Toshihiko, Iwakura Shisetsudan no Hensei Jijo: Sangi Kido Takayoshi Fukushi Shunin Mondai wo Chushin ni // *Kokusai seiji* Vol. 6. 1980. P. 128–147. (In Jap.).
9. Biography of Kido Shogiku / *Shogiku Kido-ko Den*. Vol.1. Tokyo: Meiji Shoin, 1927. 1104 p. (In Jap.)
10. Watanabe Ikujiro. Diplomacy and diplomats / Watanabe Ikujiro, Gaiko to Gaikokan. Tokyo: Chikura Shobo, 1939. 316 p. (In Jap.)
11. Documents of Kido Takayoshi / *Kido Takayoshi Monjo*. Vol. 8. Tokyo: Nihonshiseki kyokai, 1931. 413 p. (In Jap.).

Марина Константиновна КОВАЛЬЧУК, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kovalchuk.mk@dvvu.ru

Marina K. KOVALCHUK, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kovalchuk.mk@dvvu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 18.01.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Деятельность русских военных инструкторов в Монголии: финансовый аспект (1912–1914 гг.)

Алдар Амаголонович ШИРАПОВ

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, agmaren@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории деятельности русских инструкторов, принимавших участие в строительстве регулярной армии Монголии в начале XX в. В ней исследован прежде малоизученный аспект: финансовая сторона российско-монгольского военного сотрудничества. Автор подробно разобрал особенности кредитных соглашений между Россией и Монголией, направленных на обеспечение процесса обучения монгольских военнослужащих. Показан механизм кооперации государственных институтов и частных кредитных учреждений Российской империи, задействованных в транзите денежных средств в Монголию.

Ключевые слова: Российская империя, Монголия, Западное Забайкалье, военное сотрудничество, дипломатия, банки

Для цитирования: Ширапов А.А. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии: финансовый аспект (1912–1914 гг.) // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 56–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/56-63>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/56-63>

The activities of Russian military instructors in Mongolia: financial aspect (1912–1914)

Aldar A. SHIRAPOV

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS,
Ulan-Ude, Russia, agmaren@mail.ru

Abstract. This scientific research is devoted to the topic of the initial stage of the history of the activities of Russian instructors who took part in the construction of the regular army of Mongolia at the beginning of the XX century. In his article, the author seeks to highlight a hitherto little-studied aspect of this problem – the financial side of Russian-Mongolian military cooperation. The study analyzes in detail the features of loan agreements between Russia and Mongolia aimed at ensuring the process of military training. The author has identified the main participants in the scheme built by the authorities of the Russian Empire with the aim of organizing the delivery of funds to Mongolia – the consular service, the Kyakhta district treasury, branches of the Russo-Asiatic and State Banks in Troitskosavsk. The structure of the mechanism of cooperation between them in the process of organizing Russia's provision of financial assistance to Mongolia has been reconstructed.

Keywords: the Russian Empire, Mongolia, Western Transbaikalia, military cooperation, diplomacy, banks

For citation: Shirapov A.A. The activities of Russian military instructors in Mongolia: financial aspect (1912–1914) // Oriental Institute Journal. 2024. No. 2. P. 56–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/56-63>

Введение

Произошедшая в 1911 г. Синьхайская революция в Китае положила начало масштабным геополитическим переменам во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Распад Цинской империи привел к утрате Пекином контроля в той или иной степени над многими районами страны. Так, будучи уже не связанными вассальными обязательствами со свергнутым маньчжурским правительством, представители монгольских элит провозгласили в декабре 1911 г. независимость Внешней Монголии. Прекрасно понимая, что молодой стране необходима поддержка в сохранении суверенитета, монгольское правительство обратилось за помощью к Российской империи. В результате длительных переговоров осенью 1912 г. было подписано соглашение, согласно которому Россия признавала автономный статус Внешней Монголии [10, с. 410–417]. Положениями данного документа предусматривалось установление прочных экономических и политических связей между двумя странами. Особо оговаривались вопросы, связанные с сотрудничеством в сфере обо-

роны. Так, в статье 1 прописывалось: "Императорское российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы сохранился установленный ею автономный строй. А также право содержать свое национальное войско..." [10, с. 411]. При этом российская поддержка Монголии в военной области не ограничивалась лишь строго дипломатическими заявлениями. Имперскими властями в кратчайшие сроки были решены множество сложнейших задач, которые включали в себя следующие: оказание финансовой поддержки новообразованному государству, поставка необходимых будущей монгольской армии вооружения, боеприпасов, амуниции; организация процесса обучения монгольских военнослужащих силами российских военных инструкторов. Им было поручено организовать процесс обучения монгольских солдат и офицеров в соответствии с современными на тот момент мировыми стандартами. Формально находившиеся на службе монгольского правительства русские военные специалисты фактически состояли на российском довольствии, что порождало множество различных трудностей. К их числу относилась проблема выплаты положенного им жалования, для решения которой представителям российских властей пришлось прибегнуть к помощи имперских государственных и частных финансово-кредитных учреждений.

История института русских военных инструкторов за рубежом. Российско-Монгольское оборонное сотрудничество в начале XX в.

Помощь Монголии не была для Российской империи первым опытом содействия иностранному государству в создании собственной армии. Ещё в 1861–1862 гг. группа русских военных специалистов под командованием полковника Н.П. Игнатьева действовала на территории Китая. В тренировочном лагере, располагавшемся в окрестностях Маймачена, ими были подготовлены 6 офицеров и 60 солдат Цинской армии. Россией были переданы китайским военным 10 тыс. штук орудий, батарея полевых орудий с запасом снарядов, 500 боевых ракет и более 70 ящиков с запасными частями к оружию. С 1862 г. цинское правительство в рамках политики "самоусиления" заменило русских военных инструкторов на английских офицеров [4, с. 38–39].

Другим, намного более продолжительным и успешным, опытом содействия России в укреплении оборонного потенциала сопредельной державы служит Иран. 7 февраля 1879 г. российский посол в Тегеране И.А. Зиновьев и военный министр Ирана Хосейн-шах Мошир од-Доуле подписали соглашение о найме русской военной миссии. Согласно положениям договора иранские власти нанимали русских казачьих офицеров для обучения отдельной кавалерийской части – всего 9 человек. После прибытия на территорию Ирана российских инструкторов, началось формирование особого казачьего конного полка, численностью в 400 сабель [11, с. 53–56]. Так было положено начало одной из лучших военных частей шахского Ирана – Персидской казачьей бригады. Данное подразделение, находившееся под командованием русских советников, просуществовало до 1921 г. и сыграло важную роль в истории российско-иранских взаимоотношений. Таким образом, к 1912 г. Россия накопила богатый опыт содействия соседним государствам в организации боеспособных вооруженных сил, который впоследствии был успешно использован в Монголии.

Вопрос о возможности поддержки со стороны Российской империи был поднят монгольским правительством еще в 1911 г. Так, 31 декабря 1911 г. российским генеральным консулом в Урге В.Ф. Люба в Петербург была отправлена срочная телеграмма, в которой содержалась просьба об оказании "материальной помощи в виде казенной ссуды на первое время и на первые неотложные нужды в сто тысяч рублей под горные богатства Халхи и о присылке десяти инструкторов из нижних чинов для обучения монгольского войска" [9, с. 23]. Положительный ответ был получен уже в конце января 1912 г., причем резолюция, согласно которой предусматривалась отправка в Монголию 11 российских инструкторов, была наложена лично императором Николаем II. Россия обязывалась поставить в распоряжение монгольских властей 15 тыс. винтовок системы Бердана [9, с. 22].

Прибыв в Монголию весной 1912 г., российские специалисты быстро смогли выстроить достаточно эффективную систему подготовки. К декабрю 1912 г. было обучено 600 монгольских солдат [5, с. 121]. Как отмечал дипломат И.Я. Коростовец, посетивший в декабре 1912 г. тренировочный лагерь вблизи Урги, в местности Худжирбулан русские инструктора создали эффективную систему подготовки. В своей депеше в адрес Министерства иностранных дел он особенно выделял вклад в обучение монгольских военнослужащих командира инструкторов есаула А.Ф. Васильева [13, с. 256–257]. Полученные результаты были признаны успешными, что привело к принятию решения о расширении сотрудничества. В феврале 1913 г. было подписано "Соглашение между Россией и Монголией об организации и снабжении Монгольской бригады с помощью русских военных инструкторов". По его условиям предусматривалось формирование кавалерийской бригады, пулеметной команды и артиллерийского взвода. Общая численность сводного подразделения должна была составить 1900 человек. Российская сторона направляла в Монголию отряд инструкторов из 17 офицеров и 42 унтер-офицеров [9, с. 39–40]. Командируемые военнослужащие перед отправкой обязывались выйти в запас. Согласно положениям "Всепопданейшего доклада военного министра В.А. Сухомлинова Николаю II с ходатайством о командировании в Монголию инструкторов нижних чинов для обучения монгольского войска" от 21 января 1912 г., за ними сохранялись следующие права и льготы: беспрепятственного возвращения в свою часть после окончания контракта, производство в следующий чин и назначение на должности наравне со своими сверстниками, награждение орденами, получение пособий на детей и пенсии [9, с. 21]. На территории Монголии русские военные не находились в подчинении местных властей, хотя и обязывались "оказывать представителям Монгольского правительства подобающие им знаки почета и уважения". Все инструктора подчинялись напрямую генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Российской империи. Контакты с монгольскими властями им полагалось вести через представителей российского консульства в Урге [9, с. 43–44]. Столь двойственный статус русских военных был во многом продиктован внешнеполитическими обстоятельствами. Ввиду того что территория Монголии ранее входила в состав Цинской империи, власти новообразованной Китайской республики негативно относились к объявлению ею своей независимости. Стремясь не допустить эскалации конфликта с Китаем, Россия, выступавшая в качестве гаранта территориальной неприкосновенности Монголии, предложила решить проблему дипломатическими методами. В результате осенью 1913 г. Российская империя и Китайская республика подписали "Декларацию России и Китая о признании автономии Внешней Монголии". Согласно положениям договора, российская сторона признавала, что Монголия находится под сюзеренитетом Китая. В свою очередь, Китайская республика соглашалась с автономным статусом Монголии. Обе стороны обязывались не вводить свои регулярные войска в пределы Монголии [10, с. 418–419]. Ввиду указанного положения русские инструктора действовали в статусе вольнонаемных специалистов, формально не имевших отношения к военному ведомству Российской империи.

Благодаря деятельности русских инструкторов были заложены основы современной регулярной армии Монголии. Военнослужащие познакомились "с азами европейской военной науки, владению современными видами вооружения – пулеметами, полевыми и горными орудиями, что было абсолютно новым и прогрессивным явлением..." [13, с. 259]. В числе преподаваемых инструкторами дисциплин значились командное маневрирование в конном строю, обучение владению холодным и огнестрельным оружием, гимнастические упражнения, несение караульной службы [9, с. 61–62]. Помимо этого, монгольские солдаты получали навыки работы с телефонными аппаратами, учились использовать современные оптические приборы (прицельные трубки, бинокли), изучали тонкости работы с буссолью и угломером [13, с. 255]. Впоследствии обученные российскими офицерами монгольские солдаты успешно применяли полученные знания в деле защиты своей страны. Так, в феврале 1917 г. подразделение монгольских солдат числом

в 160 человек при двух пулеметах, наголову разбило два многочисленных отряда разбойников на юге страны. Как отмечал командовавший отрядом инструктор-младший урядник Цырен Абидин, монгольские военнослужащие "держали себя прекрасно, особенно в бою... усвоенное в бригаде, выполнялось аккуратно" [9, с. 100–101]. Монгольские власти высоко ценили помощь русских специалистов, многие из которых были награждены государственными наградами. Так, орденом Вачира степени Туше-Гуна (графа 1-й степени) был награжден ротмистр 12-го Ахтырского гусарского полка Лев Панаев. Подъесаулы 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска Александр Кайзер и Василий Волошников получили ордена Вачира степени Тусалакчи-Гуна (графа 2-й степени) [9, с. 85].

В ходе выполнения своей миссии в Монголии русские военные инструктора столкнулись с рядом сложных испытаний. В докладе военного министра В.А. Сухомлинова императору Николаю II от 18 октября 1913 г. сообщалось о нехватке личного состава, трудностях в обеспечении фуражом и продовольствием, плачевном состоянии военно-санитарной части [9, с. 53–54]. Одной из главных проблем стала выплата заработной платы русским военным. Согласно условиям соглашения 1913 г., им полагалось жалование в размере 500 рублей, помощникам 400 руб., инструкторам 350 руб. и низшим чинам 50 руб. [5, с. 122]. Выплата денежного довольствия инструкторам должна была осуществляться из монгольской казны [9, с. 40–41]. Однако при выполнении данного условия возникли сложности.

Во-первых, правительство Монголии ввиду постоянного бюджетного дефицита не располагало достаточными для полноценного финансирования оборонных проектов ресурсами. Ситуация усугублялась наличием у страны значительной задолженности перед зарубежными кредиторами. На момент обретения независимости размер долга перед иностранными банками равнялся 1 млн. 500 тыс. золотых рублей. Так, китайскому банку Да Цин полагалось выплатить около 1 млн. руб. [14, с. 29]. Задолженность перед Русско-Китайским банком составляла около 500 тыс. руб. [8, с. 122]. Единственной возможностью изыскать необходимые средства оставались внешние займы. В сложившейся ситуации кредитором выступила Российская империя. Весной 1912 г. Монголии были выделены 2 млн. руб. [9, с. 37–38]. В сентябре 1914 г. была одобрена дополнительная ссуда в размере 3 млн. руб. [9, с. 86–87]. Условиями соглашения от 1912 г. предусматривалось, что полученные средства должны быть использованы "на приобретение оружия, на обучение войск и улучшение их быта, на организацию финансового управления и вообще внутренней администрации" [9, с. 37]. Однако, как неоднократно сообщали в своих докладах российские дипломаты, местные власти весьма неохотно оплачивали обучение бригады. При этом отмечалось, что "монгольские министры торговались из-за каждого рубля и предъявляли иногда совершенно неожиданные и неисполнимые требования" [5, с. 122].

Вторая причина, по которой было сложным организовать финансирование деятельности русских военных инструкторов в Монголии заключалась в слабом развитии банковских учреждений в стране. Для получения денежных траншей, их учета и контроля была необходима стабильно работающая и многоуровневая система финансовых институтов. К 1910-м гг. монопольное положение на кредитном рынке Монголии занимали китайские торговые фирмы – главным образом так называемые купеческие организации провинции Шаньси. В 1907 г. их представителями был открыт филиал банка Да Цин в столице страны – Урге [3, с. 96–97]. После Синьхайской революции из-за массового отказа монгольских клиентов оплачивать свои долги китайские финансово-кредитные учреждения стали сворачивать свою деятельность на территории страны [6, с. 103, 105]. Возможным решением этой проблемы могло бы стать открытие российского банка. Однако работавший ранее (с 1900 г.) Ургинский филиал Русско-Китайского банка к 1910 г. в силу ряда причин был закрыт [8, с. 122]. Новые кредитные организации в Монголии руководство частных российских банков открывать отказалось [9, с. 23].

Постоянный дефицит бюджета Монголии и фактическое отсутствие собственной банковской системы поставили перед Россией сложную задачу: как финансо-

во обеспечить подготовку монгольских военнослужащих российскими специалистами? Для ее решения имперское правительство решило прибегнуть к помощи институтов государственной власти и частных кредитных организаций.

Российская сторона была осведомлена о наличии вышеуказанных проблем и постаралась нивелировать их заранее. В пунктах 4 и 5 "Соглашения о предоставлении Россией Монголии беспроцентной ссуды на содержание войск, приобретение оружия и организацию администрации" от 3 февраля 1913 г. специально оговаривалось, что контроль за расходованием средств из выделенного Монголии займа должен был осуществляться российским консульством в Урге. В качестве основного источника средств для погашения взятого кредита было указано Акционерное общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии (Монголор) [9, с. 37–38]. Созданная в 1900 г. под эгидой Русско-Китайского банка компания занималась разработкой золотых месторождений в северных районах Монголии. После объявления независимости страны монгольские власти и правление Монголора заключили новый договор аренды. По его условиям за право вести золотодобычу общество обязывалось уплачивать 15 % горной подати и 15 тыс. руб. ежегодно либо 16,5 % горной подати и 50 тыс. руб. одновременно [12, с. 137–138]. На начало 1912 г. арендные взносы Монголора были одним из немногих стабильных источников дохода монгольской казны.

Несмотря на все усилия, предпринятые Россией, процесс выплаты жалования военным инструкторам в Монголии долгое время оставался достаточно проблематичным. Заработная плата выдавалась в российских рублях, свободно обращавшихся на внутреннем рынке Монголии [3, с. 101]. Выдачей жалования занимался монгольский чиновник, которому денежные средства поступали из российского консульства в Урге, которое контролировало их расходование [9, с. 25]. Из-за отсутствия в стране действующей банковской системы для доставки денежных средств российской стороной была разработана специальная схема. Важнейшую роль в ее реализации играли финансово-кредитные организации Западного Забайкалья – пограничной с Монголией области Российской империи. К 1910-м гг. в региональных административно-экономических центрах: Верхнеудинске, Кяхте-Троицкосавске, Баргузине – действовали филиалы частных банков, общества взаимного кредита, казначейские отделения.

Первоначально в Западном Забайкалье денежные средства поступали по линии имперского казначейства. По запросу консульства в Монголии направлялась телеграмма в Санкт-Петербург в Департамент Государственного казначейства при Министерстве финансов (ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 28. Л. 37)¹. В его ведении входили прием, хранение и выдача государственных денежных средств. Департамент возглавляло Главное казначейство, которому подчинялись губернские и уездные отделения [2, с. 593]. Запрошенные российским консульством в Урге денежные средства отправлялись в Кяхту (ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 28. Л. 37), после чего их требовалось доставить на территорию Монголии. Здесь русская дипломатия прибегала к помощи частной финансово-кредитной организации – Русско-Азиатскому банку.

Русско-Азиатский банк был создан 14 июня 1910 г. в результате слияния Русско-Китайского и Северного банков [1, с. 787–789]. Учреждение унаследовало от своих предшественников разветвленную сеть офисных филиалов как на территории Российской империи, так и за ее пределами. В Западном Забайкалье учрежденные располагало двумя отделениями: Верхнеудинским (РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 276. Л. 2)² и Троицкосавским (РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 558. Л. 2). Российские дипломаты в Монголии имели давние и прочные связи с банком. Консульство являлось вплоть до ликвидации Ургинского офиса Русско-Китайского банка одним из главных его клиентов [8, с. 118]. После 1910 г. все свои финансовые операции консульство проводило через Троицкосавское отделение Русско-Азиатского банка, в том числе и

¹ ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия.

² РГИА – Российский государственный исторический архив.

доставку жалования для русских военных инструкторов. Банк обладал всеми необходимыми ресурсами, в том числе налаженным механизмом транзита в Монголию драгоценных металлов. Так, в начале XX в. Кяхтинское отделение обеспечивало бесперебойный транзит больших партий серебра следовавших из Западной Европы в Китай [7].

Заручившись поддержкой Русско-Азиатского банка, российские власти приняли следующие действия. В мае 1914 г. из Ургинского консульства в адрес Кяхтинского уездного казначейства поступила секретная телеграмма. В ней запрашивалось проведение операции по переводному билету № 980.600 на сумму в 32 тыс. руб. Данные средства должны были быть зачислены на счет консульства в Троицкосавском отделении Русско-Азиатского банка. В назначении перевода указывалось: "выдача содержания русским военным инструкторам в Монголии за время с 1 октября 1913 года по 1 апреля 1914 года" (ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 28. Л. 37). Одновременно отправлялась телеграмма в Троицкосавский офис Русско-Азиатского банка с просьбой принять полученные средства (ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 28. Л. 38). В дальнейшем агенты банка доставляли деньги в Монголию или согласно запросам консульства они зачислялись на именные счета инструкторов.

С открытием 24 марта 1914 г. постоянно действующего отделения Государственного банка в Кяхте схема по финансированию российско-монгольского военного сотрудничества несколько изменилась (ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 23. Л. 96). Теперь вместо казначейства фигурировал филиал Государственного банка. Так, в конце ноября 1914 г. на принадлежавший Ургинскому консульству текущий счет в Троицкосавском офисе Русско-Азиатского банка были перечислены 100 тыс. руб. (ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 28. Л. 37).

* * *

Подводя итог, можно утверждать, что начавшееся в 1910-х гг. российско-монгольское военное сотрудничество в целом оказалось достаточно успешным и плодотворным. Дипломатическая, финансовая, материально-техническая помощь со стороны Российской империи послужила укреплению безопасности молодого Монгольского государства. Немалую роль в этом сыграла организованная трудами русских инструкторов система подготовки монгольских военнослужащих, заложившая основы современной армии Монголии. Российская сторона в процессе создания монгольских вооруженных сил столкнулась с множеством серьезных вызовов и испытаний. К числу наиболее сложных проблем относились: отсутствие в Монголии своей банковской системы и постоянный бюджетный дефицит. Проблему отсутствия в монгольской казне необходимых для создания армии средств российские власти смогли достаточно успешно решить. Умелое сочетание использования возможностей имперского казначейства и консульской службы вкупе с ресурсами Русско-Азиатского, а затем и Государственного банков дало возможность быстро сформировать эффективный механизм финансирования подготовки монгольских войск. Благодаря согласованной работе были налажены стабильные поставки всего необходимого армейского имущества и организация процесса обучения вооруженных сил Монголии. При этом русские военные инструктора были обеспечены достойным, вовремя выплачивавшимся им жалованием. В результате в кратчайшие сроки Монголия получила ряд отлично подготовленных подразделений, способных эффективно выполнять любые задачи, связанные с защитой своей страны.

Литература

1. Высочайше утвержденное положение Совета министров "Об учреждении акционерного коммерческого банка под названием Русско-Азиатский банк" // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXX. Отделение I. № 33788. СПб.: Государственная типография, 1913. 1425 с.
2. Высочайше утвержденное учреждение Департамента Государственного Казначейства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXXVII. 1820–1821 гг. № 28542. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 983 с.
3. Горькова С.В. Кредитно-финансовая система Монголии (конец XIX – начало XX вв.) // Известия

Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 93–102.

4. Дацышен В.Г. Русский военный советник в Китае полковник П.П. Воронов // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 38–43.

5. Жалсапова Ж.Б. Деятельность русских-военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.) // Власть. 2008. № 12. С. 120–123.

6. Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 440 с.

7. Плеханова А.М. "Серебряный путь" из Европы в Азию: роль Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в экспорте драгоценных металлов в Цинскую империю // Монголоведение (Монгол судлал). 2023. Т. 15. № 1. С. 83–94.

8. Плеханова А.М. Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900–1910 гг.): недлинная история // Вопросы истории. 2020. № 10-2. С. 115–125.

9. Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946): Сборник документов. / Отв. ред. Козлов В.П., ч. 1. М.-Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 349 с.

10. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Под ред. Адамова. Е.А. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 464 с.

11. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.

12. Фурман Е.Л. Страницы истории Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии в начале XX в. (Монголор) // Экономика и гуманитарные исследования: проблемы, тенденции, достижения. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Новосибирск: ООО "Центр развития научного сотрудничества", 2017. 198 с.

13. Хишигт Н. Участие России в военном деле Монголии // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Статьи участников III Международной научно-практической конференции, кн. 3, ч. 1. Иркутск, Улан-Батор: Издательство БГУЭП, 2014. 384 с.

14. Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг. С предисловием А. Попова // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 3–68.

References

1. The highest approved regulation of the Council of Ministers "On the establishment of a joint-stock commercial bank called the Russian-Asian Bank" // Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection of laws No. 3. Vol. 30. Department I. No. 33788. St. Petersburg: State Printing House, 1913. 1425 p. (In Russ.)

2. The highest approved institution of the State Treasury Department // Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection of laws No. 1. Vol. 37. 1820–1821. No. 28542. St. Petersburg: Printing house of the 2 Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 983 p. (In Russ.)

3. Gorkova S.V. Credit and financial system of Mongolia (late 19th – early 20th centuries) // The Bulletin of Irkutsk state university. Series "Political science and religion studies". 2008. No. 1. P. 93–102. (In Russ.)

4. Datsyshen V.G. Russian military adviser in China, Colonel P.P. Voronov // Military-historical magazine. 2012. No. 5. P. 38–43. (In Russ.)

5. Zhalsapova Zh.B. Activities of Russian military instructors in Mongolia (1912–1916) // Vlast'. 2008. No. 12. P. 120–123. (In Russ.)

6. Korostovets I.Ya. Nine months in Mongolia. Diary of the Russian Commissioner in Mongolia. August 1912 – May 1913. Ulaanbaatar: Admon, 2009. 440 p. (In Russ.)

7. Plekhanova A.M. "Silver Road" from Europe to Asia: Kyakhta Office of the Russo-Chinese Bank in Precious Metals Exports to the Qing Empire. // Mongolian Studies. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 83–94. (In Russ.)

8. Plekhanova A.M. The Urginsky branch of the Russo-Chinese bank (1900–1910): short story // Voprosy istorii. 2020. No. 10-2. P. 83–94. (In Russ.)

9. Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946): Collection of documents. / Responsible editor Kozlov V.P., part 1. М.-Улан-Уде: Publishing and printing complex of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education VSGAKI, 2008. 349 p. (In Russ.)

10. Collection of treaties between Russia and other states. 1856–1917 / Edited by Adamov. E.A. М.: State Publishing House of Political Literature, 1952. 464 p. (In Russ.)

11. Ter-Oganov N.K. Persian Cossack Brigade. 1879–1921. М.: Institute of Oriental Studies RAS, 2012. 352 p. (In Russ.)

12. Furman E.L. Pages of the history of the Joint Stock Company of Ore Mining in the Tushetukhanovsky and Tsetsenkhonovsky aimags in Mongolia at the beginning of the twentieth century. (Mongolor). Economics and humanitarian research: problems, trends, achievements. The papers of participants of II international scientific-practical conference. Novosibirsk: LLC "Center for the Development of Scientific Cooperation", 2017. 198 p. (In Russ.)

13. Khishigt N. Russia's participation in the military affairs of Mongolia. Russia and Mongolia at the beginning of the 20th century: diplomacy, economics, science. The papers of participants of III international scientific-practical conference, book. 3, part 1. Irkutsk, Ulaanbaatar: BGUEP Publishing House, 2014. 384 p. (In Russ.)

14. Tsarist Russia and Mongolia in 1913–1914. With a foreword by A. Popov // Red Archive. 1929. Vol. 6 (37). P. 3–68. (In Russ.).

Алдар Амаголович ШИРАПОВ, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: agmaren@mail.ru

Aldar A. SHIRAPOV, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, e-mail: agmaren@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 15.04.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 02.06.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Русская культура и образование в Тяньцзине

Янь ЛИ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай, yuanlai418@163.com

Аннотация. Статья основана на обширных исторических материалах и посвящена культурным достижениям русской общины в г. Тяньцзине, где успешно действовал Русский театр и драматический кружок "Театр и музыка", были популярны известные русские артисты Е. Г. Давыдов, К. П. Арканзанов, М. А. Туманова и другие, балерины С. А. Войтенко и танцор Ф. Г. Хмарин, были открыты балетные студии А. Войтенко и А. Графцова, проходили гастролы Ф. И. Шаляпина и другие известных артистов. В Тяньцзине существовали русские средние учебные заведения и русский Тяньцзиньский политехнический институт.

Ключевые слова: русские в Китае, русский Тяньцзинь, русское искусство в Китае, русское образование в Тяньцзине, Тяньцзиньский политехнический институт

Для цитирования: Ли Янь. Русская культура и образование в Тяньцзине // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 64–70. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/64-70>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/64-70>

Russian culture and education in Tianjin

Yan LI

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Heihe University, Heihe, China, yuanlai418@163.com

Abstract. The article is based on extensive historical materials and is devoted to the cultural achievements of the Russian community in Tianjin, where the Russian Theater and the drama club "Theater and Music" operated successfully, famous Russian artists were popular – E. G. Davydov, K. P. Arkanzanov, M. A. Tumanova and others, ballerina S. A. Voitenko and dancer F. G. Khmarin, ballet studios of A. Voitenko and A. Graftsov were opened, tours of F. I. Chaliapin and other famous artists took place. In Tianjin there were Russian secondary educational institutions and the Russian Tianjin Polytechnic Institute.

Keywords: Russians in China, Russian Tianjin, Russian art in China, Russian education in Tianjin, Tianjin Polytechnic Institute

For citation: Li Yan. Russian culture and education in Tianjin // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 64–70. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/64-70>

Русские эмигранты неоднократно подчеркивали, что основой их существования вдали от России были культурные и научные достижения. И это действительно так. Большое число писателей, музыкантов, художников, ученых внесли огромный вклад в мировую культуру и науку. Немало талантливых людей было и среди русских тяньцзинцев. Об этом свидетельствуют публикации А.А. Хисамутдинова [15; 16]. Проблеме межкультурной коммуникации среди русских в Китае также посвящены работы Н.В. Хисамутдиновой [17].

Цель настоящей работы – показать культурные достижения русской эмиграции. Также отмечены факты культурного диалога и взаимного обогащения народов Китая и России. В задачи входило раскрыть основные формы культурной жизни русских жителей в Тяньцзине и выявить развитие русской культуры в Тяньцзине.

В Тяньцзине популярным был русский театр. В Русском клубе активно работал музыкально-литературно-драматический кружок, устраивавший спектакли и концерты. 11 марта 1922 г. при участии артистов-любителей драматического кружка Общественного собрания холостяки города Тяньцзиня устроили вечер, прошедший с большим успехом. Затем были поставлены комедии "Приключение новобранных" и "Бедный Федя". В начале 1920-х гг. в Тяньцзине активно работал

Союз профессиональных артистов, в спектаклях которого принимали участие С.А. Войтенко, М.Р. Бакалейников, В.И. Луговская, Н.М. Альбини, А.М. Заглоба и другие.

В середине 1920-х гг. также образовалось еще одно объединение под названием "Театр и музыка". Как правило, его постановки проходили с большим успехом и при громадном стечении русской и иностранной публики в концертном зале – Гордон-холле, находившемся на ул. Виктории в центре Британской концессии, где жило наибольшее число русских эмигрантов. Организатором спектаклей в Гордон-холле был П.М. Лавровский, который являлся инициатором объединения местных театральных любителей. Его театральная деятельность в Тяньцзине принималась всеми местными русскими жителями. Правление кружка "Театр и музыка" избрало артиста на должность режиссера, под руководством которого в Тяньцзине прошел целый цикл русских и украинских пьес [2, с. 5].

В Тяньцзине работала также балетная студия А. С. Войтенко. 26 августа 1923 г. в театре "Олимпик" состоялся бал при участии известной Тяньцзиню прима-балерины А. С. Войтенко. Помимо балета, она выступала также в опереттах и драме. Артистка принимала участие во многих гастрольных спектаклях артистов из других городов. В драме "Богатырь степей" К. П. Арказанова "еще раз показала, что хорошей артистке не трудно из маленькой рольки сделать многое для общего впечатления" [4, с. 5]. Журнал писал: "Харбинский танцовщик Ф. Г. Хмарин сформировал ансамбль для тяньцзиньского кабаре "Литль-клуб", где он являлся режиссером, а балетмейстером – артистка и балерина А. С. Войтенко" [3, с. 15].

В 1931 г. А. Графцов открыл балетную студию. В верхнем помещении студии размещались аппараты для гимнастических упражнений. Приезжали ассистентки Графцова из Шанхая, которые также принимали участие в групповых занятиях.

В Тяньцзине также работала балетная школа Е. Чердынцевой, располагающаяся на Британской концессии на Council Road, 142, где производили прием учениц в группы для взрослых и детей не моложе девятилетнего возраста. В программу балетной школы включались основы академического танца, постановка тела и позиции, дыхание, станок, "середина", пуанты и по желанию акробатика.

П.Д. Поникаровский создал в 1928 г. Русский национальный хор. Этот хор давал публике возможность знакомиться с лучшими образцами народной русской песни. Концерты хора привлекали многочисленную публику. Пресса писала: "Судя по обмену мнений, концерт доставил собравшейся публике большое удовольствие. Нужно отдать должное П.Д. Поникаровскому, приложившему так много стараний и забот для создания хорошего стройного хора" [1, с. 3].

Особым успехом в Тяньцзине пользовалась одна из известных местных артисток Е.Г. Давыдова, долго работавшая на сцене. Родом из театральной семьи, артистка всю жизнь провела на сцене, гастролировала по всей России, выступая на различных провинциальных сценах и в антрепризах, русских и украинских. Будучи преданной театру, Е.Г. Давыдова всегда с большим вниманием относилась к ролям и играла все: от ролей гранд-дам до комических старух. Она играла практически во всех спектаклях на сцене в Тяньцзине.

23 июня 1935 г. харбинская газета "Заря" взяла интервью у известного драматического артиста К.П. Арказанова, вернувшегося из Тяньцзиня и принимавшего там участие в ряде постановок с М.А. Тумановой, С.А. Томским и др. К.П. Арказанов состоял в труппе, ставившей пьесы в одном из лучших театральных залов Тяньцзиня в "Гордон-Холле", где сезон открылся постановкой известной пьесы И.В. Шпагинского "В старые годы". Не менее успешно прошли и последующие спектакли, причем особенно тепло были встречены пьесы "На жизненном пиру" и "Станционный смотритель" по А.С. Пушкину. Первый успех настолько воодушевил артистов, что ими был организован драматический коллектив, который и проработал благополучно весь зимний сезон. "Наибольший материальный успех имели "Каширская старина", "Богатырь степей", "Клятва", "Дочь каторжника" и "Золотая клетка". С большим успехом прошли шесть бенефисных спектаклей по числу премьер коллектива: М.А. Тумановой, К.П. Арказанова, П.М. Лавровского, С.А. Том-

ского, Е.Г. Давыдовой и И.В. Добровольской. Бенефициантов встречали очень тепло, большинству из них были преподнесены подарки".

"Вообще, – отмечал К. П. Арказанов, – Тяньцзинь оказался очень театральным городом и там есть очень сильные артисты-любители, среди которых можно назвать госпожу Мальцеву, госпожу Перцель и господ Абрамова и Чехова. Не так давно приезжали в Тяньцзинь Далевич и Томский с постановкой "Чужого ребенка" и "Миллион терзаний". Спектакли прошли успешно, и, покидая Тяньцзинь, Далевич обещал вернуться, как только закончится его гастрольная поездка в Пекин и дальше на юг Китая" [6, с. 14].

В Тяньцзинь с гастрольями приезжали русские артисты из всех городов. В частности, в 1936 г. в Тяньцзине выступал Ф. И. Шалапин. С этой целью была выпущена программа "Feodor Chaliapin. Tientsin Recitals. March 30th & April 1st 1936". Также в прессе можно найти такие сообщения: "В скором времени в Тяньцзине состоится новый гастрольный концерт проф. С.П. Маклецова. В последние годы проф. С.П. Маклецов постоянно живет в Пекине, но ежегодно приезжает в Тяньцзинь для гастрольных выступлений, всегда привлекающих большое внимание любящей серьезную музыку публики, среди которой имя профессора, как блестящего пианиста, пользуется широкой популярностью" [13, с. 14].

И.И. Вахромов основал в 1938 г. Российский духовой оркестр. Его ядро составляли шесть музыкантов. Газета "Возрождение Азии" писала: "В январе 1939 г. оркестр насчитывал в своих рядах уже 20 человек с накопленным солидным репертуаром, который являлся вполне достаточным и для официальных торжеств, и для увеселений. Работа оркестра напряженная, и мало кто знает, сколько труда, терпения и настойчивости потребовалось оркестрантам, чтобы оркестр явился достойным российской эмиграции" [7, с. 5].

Официальные эмигрантские власти также обращали свое внимание на искусство. Председатель Тяньцзиньского антикоммунистического комитета российских эмигрантов в Северном Китае Е. Трухин опубликовал приказ № 10 от 23 января 1939 г. о том, что "при Дальневосточном российском доме организован симфонический оркестр. Наблюдающим за оркестром назначался П.И. Малков, дирижером оркестра – Б.И. Райский. Дирижеру оркестра представить списки музыкантов и начать репетиции. Всем музыкантам предписываю стать в ряды активных работников искусства и относиться к своим обязанностям добросовестно" [12, с. 5].

После летнего театрального сезона 1944 г. в жизни русских артистов в Тяньцзине наступило временное затишье, обычное для начала осени. Уже велась подготовительная работа к новому зимнему сезону Русского театра. "Как и в прошлые годы, – писал журнал "Дракон", – это время было тесно связано с именем местного артиста и режиссера Сергея Андреевича Томского. За минувшие три года пребывания С.А. Томского в Тяньцзине он неизменно возглавлял в качестве режиссера все театральные начинания, как Общества российских артистов, так и частного порядка. Многолетняя режиссерская опытность С.А. Томского, его умение при наличии минимальных возможностей нашей сцены дать максимум впечатления от постановки, являлись причиной успеха многих театральных постановок в прошлые сезоны. <...> Несомненно также, что в большинстве предстоящих постановок в новых ролях мы увидим его и самого С.А. Томского, артистический талант которого давно уже сделал его любимцем театральной публики Тяньцзиня" [10, с. 13].

Свою специфику в русском Тяньцзине имело и начальное образование. В то время лучшим иностранным заведением считалась Британская муниципальная школа (Tianjin Grammar School), в которой училось много русских детей.

Русская школа возродилась в Тяньцзине в 1925 г. и была сначала школой для детей несостоятельных людей. Однако к осени того же года число учащихся достигло 30 человек. Журнал "Рубеж" подчеркнул: "Образовалась настоящая русская национальная школа, которую принял под покровительство председатель Церковного братства отец архимандрит Виктор" [11, с. 18–19]. В 1930 г. ее преобразовали в Первую смешанную русскую прогимназию. К этому времени в ней было

3 класса, 2 приготовительных класса и детский сад. Школьников насчитывалось 90, занятия велись по предметной системе. В 1935 г. школу взяло под свою опеку правление Православного братства Св. Покровской церкви.

1 сентября 1938 г. прогимназия реорганизовалась в полное среднее учебное заведение и стала называться Первой русской гимназией. Она находилась под патронажем Анτικομιντερна. Директором в ней был П.Н. Крылов, прекрасный педагог, закончивший с отличием Санкт-Петербургский университет. Его педагогический стаж к тому времени составлял 34 года. Не менее опытными были и его коллеги. За основу была взята учебная программа гимназий старой России, но большое внимание уделялось языкам: японскому, китайскому и английскому. Также преподавались коммерческая и деловая корреспонденция, машинопись, ремесла для мальчиков и девочек. К услугам учащихся было большое количество кружков. Учащимся давали возможность получать дешевые обеды, причем 18 человек из учеников ели бесплатно за счет Анτικομунистического комитета. При прогимназии организовали библиотеку, которая все время пополнялась книжными новинками.

Школа пользовалась вниманием и материальной поддержкой всех кругов и национальных организаций города Тяньцзиня. Средства на содержание Школы составлялись из 1) платы за образование, 2) ежемесячных взносов членов русской общины, 3) разных поступлений, 4) дохода от ежегодного бала, составлявшего обычно от 3 до 6 тыс. долл., 5) стипендий и различных одновременных пожертвований отдельных лиц и учреждений. В сентябре 1938 г. открыли 5-й класс, а на следующие 1939–1940 гг. – 6-й и 7-й классы.

Для получения учащимся практических знаний в гимназии ввели изучение ремесел: для мальчиков – слесарного, кузнечного и водопроводного в собственных мастерских, для девочек – кройка, шитье и рукоделие, а также открыли класс машинописи и стенографии. С целью дать многие полезные сведения проводились различные экскурсии в окрестности города и некоторые учреждения: в типографию, на электрическую станцию, в музей и т. п. "В Русской гимназии, – писали в прессе, – заложен дух национального воспитания и образования русских детей в любви к своей Родине, к изучению временно утраченных русским народом могущества и славы былой России" [11, с. 18–19].

Школа обращала большое внимание на преподавательские кадры. 18 января 1939 г. "Возрождение Азии" написала, что приехал из Харбина доцент И. А. Пуцятю, приглашенный на должность преподавателя в Русскую гимназию. В Харбине многие годы Иосиф Александрович был преподавателем в средних учебных заведениях и лектором Государственного педагогического института.

Тяньцзиньская еврейская гимназия открылась в 1925 г. по инициативе Л.Ю. Гершевича. Тяньцзинцы-евреи – а их община насчитывала в то время около 500 человек – получили возможность дать детям образование. В школе было семь основных классов, после которых ученики могли держать предварительные экзамены Кембриджского университета. При школе был свой детский сад. Вначале в Еврейскую гимназию принимали детей по квоте: лишь 25% мест отводилось ученикам других национальностей, позднее стали принимать всех детей без различия национальности, подданства и вероисповедания.

В 1933 г. директором гимназии стал учитель из Харбина А.С. Изгур, который сделал многое для расширения учебной программы. А. С. Изгур преподавал еврейский язык в этой школе и одновременно работал в качестве сотрудника в нескольких журналах и газетах, издающихся как на русском, так и на других языках. Он хорошо поставил и внешкольную работу – обучение музыке, пению, ручному труду и рукоделию, машинописи и стенографии и т. д. Средства на содержание гимназии складывались из небольшой платы за обучение, ежегодных взносов Общества Еврейской школы, доходов от ежегодного благотворительного бала, субсидий общественных организаций, стипендий и пожертвований. Еврейская школа была самым близким и любимым детищем общины, правление которой отпускало на поддержание школы значительные денежные суммы.

Летом 1934 г. открылась русская средняя школа А.В. Барташева, что стало событием в Тяньцзине. Получив педагогическое образование, А. В. Барташев, родом из Минусинска, был директором средних учебных заведений в Троицкосавске, Верхнеудинске, Бодайбо, Чите и Урге. Приехав в Харбин, стал директором Харбинского коммерческого училища, преподавал в Харбинском политехническом институте (ХПИ).

Харбинская газета "Заря" писала: "Школа обещает быть чрезвычайно интересной и, надо думать, преодолет то препятствие, с которым долго уже и довольно безуспешно борется средняя русская школа. Школа обладает всеми данными, чтобы выпускать своих питомцев со знаниями тех иностранных языков, которые там будут изучаться (английский, китайский и др.). Школа уже имеет опытных преподавателей-иностранцев. Школа А.В. Барташева при обучении своих питомцев иностранному языку ставит своей целью научить пользоваться языком во всех главнейших житейских положениях, говорить, понимать, читать, писать. Живым иностранным языком питомцы школы часто будут вынуждены пользоваться и не на уроках иностранных языков – таковы выработанные порядки школы. Наконец, нельзя не отметить и того, что преподавание по некоторым предметам будет вестись на английском языке – школа принимает ряд мер, чтобы ее питомцы не только "проходили" и "изучали" иностранные языки, но и умели фактически пользоваться ими" [14, с. 7].

1 марта 1936 г. в Тяньцзине появилась русская высшая школа – Тяньцзиньский политехнический институт (ТПИ). Учебные программы и характер преподавания в открываемом институте строились с расчетом, чтобы "в соответствии с современными требованиями жизни дать цикл знаний, применимых практически, чтобы лица, получившие в Институте высшее образование, могли самостоятельно работой добывать средства к жизни" [8, с. 3]. В первую очередь занятия начались на коммерческом (экономическом) факультете. Большую роль в институте играл А.В. Барташев.

Среди преподавателей ТПИ выделялся А.И. Гражданцев, выпускник Юридического факультета (1927). Уехав в Тяньцзинь, стал сотрудником в Нанкайнского университета. Позднее он уехал из Тяньцзиня и эмигрировал в США, где подозревался американскими властями (в частности, главами разведки США Д. Макартуром и Ч. Уиллоби), что является советским шпионом. А.И. Гражданцев опубликовал много трудов по экономике Азиатско-Тихоокеанского региона на русском и английском языках.

Экономические предметы вел П.Е. Ковыркин. После окончания Московского коммерческого института он работал на КВЖД, преподавал на Юридическом факультете и в ХПИ в Харбине (1927–1930), публиковал статьи в "Вестнике Маньчжурии" (1926, № 5).

Известным профессором юриспруденции был В.А. Рязановский, окончивший юридический факультет Московского университета. В 1917 г. он защитил диссертацию на степень магистра гражданского права (1917). Во время Гражданской войны попал во Владивосток, где стал одним из инициаторов создания Государственного Дальневосточного университета.

Профессором ТПИ был опытный педагог Е.М. Чепурковский, окончивший естественно-исторический факультет Харьковского университета. Получил научные степени магистра и доктора наук в Московском университете. Приехав во Владивосток, стал директором Владивостокского государственного областного музея (1925–1926) и профессором ГДУ (с 1923). Некоторое время жил в Харбине и работал на Юридическом факультете, публиковал статьи в "Вестнике Маньчжурии", "Известиях Юридического факультета", составлял библиографические обзоры. Позднее он уехал в Европу, жил в Литве, затем в США (Лос-Анджелес), где прожил 11 лет.

В дальнейшем были открыты факультеты инженерно-строительный и электромеханический. Основную роль в организации учебного процесса сыграл Б. В. Остроумов, выпускник Института путей сообщения (1902). Во время Гражданской

войны он находился в Омске, затем был в командировке в США и в Европе. 2 апреля 1921 г. его назначили управляющим КВЖД, затем он стал советником Пейпин-Мукденской (Peiping-Mukden) железной дороги в Тяньцзине.

Химию на инженерных дисциплинах вел М. В. Тарле, консультант и исследователь-химик Северо-Китайской химической лаборатории в Тяньцзине.

Также по специальности работал преподаватель Тяньцзиньской высшей инженерной школы В. И. Мерпорт, деятель Еврейской общины в Тяньцзине, товарищ председателя местного Общества граждан СССР.

ТПИ просуществовал недолго и был закрыт по требованию Японской военной миссии в Тяньцзине. Такая же ситуация с высшими учебными заведениями была и в Харбине.

Русские педагоги тем не менее открыли в октябре 1938 г. Тяньцзиньское еврейское техническое училище. 20 января 1939 г. газета "Возрождение Азии" писала, что "в настоящее время в техническом училище имеются отделы радиотехнический, электротехнический и слесарно-токарный. В училище обучались молодые люди в количестве 15 человек, главным образом были евреи и русские. Занятия проводились в вечернее время, курс рассчитан на два года" [5, с. 5].

Некоторые русские преподаватели вели занятия в китайских учебных заведениях. Среди них был известный китаевед Сергей Александрович Полевой, выпускник Восточного института во Владивостоке. Его курс русского языка и литературы в Нанькайском университете считался одним из лучших. Полевой пользовался популярностью среди китайской молодежи, как "замечательный русский профессор" [9, с. 56]. Особенно китайцы с удовольствием участвовали в его спектаклях, поставленных по русской классической литературе, переведенные Полевым на китайский язык.

Русские тяньцзинцы гордились своими достижениями в общественной жизни города, продолжали развивать культуру. Особенно это проявилось в искусстве, театральной сфере и музыке. В Тяньцзине постоянно создавались театрально-художественные труппы, гастролировали артисты из Харбина и Шанхая. Понимая особую важность в сохранении русского языка и культуры, русские интеллигенты в Тяньцзине создавали русские школы, средние специальные учебные заведения и даже Тяньцзиньский политехнический институт.

Культурная и образовательная деятельность русских эмигрантов в Тяньцзине поддерживала русские традиции и ценности в эмигрантской среде, способствовала сплочению немногочисленного по сравнению с Шанхаем и Харбином русского населения. Вынужденные покинуть родину, русские эмигранты образовали и развивали свое социальное и культурное пространство, где они могли чувствовать себя более уверенно, что позволяло более успешно ассимилироваться в новой действительности и взаимодействовать с китайским населением Тяньцзиня. Это имело большое значение для русско-китайского культурного диалога и являлось одним из важных достижений русской общины в Тяньцзине.

Литература

1. А.С. Вечер русской песни // Вестник русской национальной общины. 1928. 1 окт. № 8. С. 3.
2. Артист П.М. Лавровский // Наша заря. 1930. 29 янв. (№ 557). С. 5.
3. Балетный ансамбль для Тяньцзиня // Рубеж. 1941. 1 марта. № 10. С. 15.
4. Богатырь степей // Возрождение Азии. 1939. 25 янв. № 2053. С. 5.
5. Второй семестр // Возрождение Азии. 1939. 20 янв. № 2049. С. 5.
6. К.П. Арказанов о русском театре в Китае // Заря (Харбин). 1935. 23 июня. № 165. С. 14.
7. Концерт российского духового оркестра // Возрождение Азии. 1939. 17 янв. № 2046. С. 5.
8. Лекции в Русском политехническом институте начинаются 2 марта // Наша заря. 1936. 21 февр. № 2461. С. 3.
9. Лян Ин. С.А. Полевой: биография китаеведа: 1886–1971: дисс. ... кандидата исторических наук: 5.6.1. Владивосток, 2022. 200 с.
10. На пороге театрального сезона // Дракон. 1944. Вып. 3. С. 13.
11. О. Р. 1-я Российская гимназия в Тяньцзине // Рубеж. 1941. 18 янв. № 4. С. 12. 18–19.
12. Приказ // Возрождение Азии. 1939. 26 янв. № 2054. С. 5.
13. Проф. С.П. Маклецов // Дракон. 1944. Вып. 3. С. 14.

14. Тяньцзиньская русская школа // Заря (Харбин). 1934. 1 мая. № 114. С. 7.
15. Хисамутдинов А.А. Русский театр в Китае = Russian theatre in China / науч. ред. Т.В. Прудкогляд. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. 63 с.
16. Хисамутдинов А.А. Тяньцзиньская ветвь эмиграции // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 2. С. 118–122.
17. Хисамутдинова Н.В. Русские специалисты как основатели межкультурных коммуникаций России и Китая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (26). С. 143–146.

References

1. A.S. Evening of Russian Song // Bulletin of the Russian National Community. 1928. October 1. No. 8. (In Russ.).
2. Artist P.M. Lavrovsky // Our dawn. 1930. January 29. (No. 557). (In Russ.).
3. Ballet ensemble for Tianjin // Frontier. 1941. March 1. No. 10. (In Russ.).
4. Bogatyr of the steppes // Renaissance of Asia. 1939. January 25. No. 2053. (In Russ.).
5. Second semester // Renaissance of Asia. 1939. January 20. No. 2049. (In Russ.).
6. K.P. Arkazanov about Russian theater in China // Dawn (Harbin). 1935. June 23. No. 165. (In Russ.).
7. Concert of the Russian brass band // Renaissance of Asia. 1939. January 17. No. 2046. (In Russ.).
8. Lectures at the Russian Polytechnic Institute begin on March 2 // Our dawn. 1936. February 21. No. 2461. (In Russ.).
9. Liang Ying. S.A. Polevoy: biography of a sinologist: 1886–1971: diss. ... candidate of historical sciences: 5.6.1. Vladivostok, 2022. 200 p. (In Russ.).
10. On the threshold of the theater season // The Dragon. 1944. Iss. 3. (In Russ.).
11. O. R. 1st Russian gymnasium in Tianjin // Frontier. 1941. January 18. No. 4. (In Russ.).
12. Order // Renaissance of Asia. 1939. January 26. No. 2054. (In Russ.).
13. Prof. S.P. Makletsov // The Dragon. 1944. Iss. 3. (In Russ.).
14. Tianjin Russian School // Dawn (Harbin). 1934. May 1. No. 114. (In Russ.).
15. Khisamutdinov A.A. Russian theatre in China / sci. ed. T.V. Prudkoglyad. Vladivostok: Far Eastern federal Univ. Publ., 2015. (In Russ.).
16. Khisamutdinov A.A. Tianjin branch of emigration // Problems of the Far East. 1999. No. 2. (In Russ.).
17. Khisamutdinova N.V. Russian specialists as founders of intercultural communications between Russia and China Social and human sciences in the Far East. 2010. No. 2 (26). (In Russ.).

Янь ЛИ, аспирант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия; старший преподаватель Хэйхэского университета, г. Хэйхэ, Китай, e-mail: yuanlai418@163.com

Yan Li, Postgraduate Student, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Senior Lecturer, Heihe University, Heihe, China, e-mail: yuanlai418@163.com

Поступила в редакцию
(Received) 19.12.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 11.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/71-84>

Ядерная стратегия КНДР и готовность к применению ядерного оружия

Анастасия Олеговна БАРАННИКОВА

Морской государственный университет им. адм. Г.И.Невельского,
Владивосток, Россия, aobarannikova@gmail.com

Аннотация. Активные усилия обеих стран Корейского полуострова по развитию своих вооруженных сил в течение последних лет привели к тому, что конфликтный потенциал Северо-Восточной Азии повысился и все чаще возникает вопрос о вероятности конфликта, в том числе и с применением ядерного оружия. В связи с ядерным статусом и восприятием КНДР в экспертном сообществе, особенно западном, принято говорить о начале конфликта по ее инициативе. Тем не менее о намерениях руководства КНДР и готовности к применению ЯО необходимо судить не по официальной риторике, которая является частью пропаганды и информационной войны, а по ядерной стратегии. В данной статье предпринята попытка выявить реальную ядерную стратегию КНДР на основе анализа ядерной доктрины и тенденций развития ракетно-ядерной программы.

Ключевые слова: ядерная стратегия, ядерная доктрина, ядерное сдерживание, КНДР, США, безопасность США

Для цитирования: Баранникова А.О. Ядерная стратегия КНДР и готовность к применению ядерного оружия // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 71–84. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/71-84>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/71-84>

Nuclear strategy of the DPRK and readiness to the NW use

Anastasia O. BARANNIKOVA

Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, aobarannikova@gmail.com

Abstract. Active efforts by both countries on the Korean Peninsula to build up military capabilities over recent years have increased the conflict potential of Northeast Asia and raised the possibility of conflict, including one involving nuclear weapons use. In connection with the nuclear status and perception of the DPRK in the expert community, especially in the West, it is customary to speculate about the outbreak of the conflict on its initiative. However, the intentions of the DPRK leadership and readiness to use nuclear weapons should be assessed not on the basis of official rhetoric, which is part of propaganda and information warfare, but on the basis of nuclear strategy. The present article attempts to identify the real nuclear strategy of the DPRK based on the analysis of its nuclear doctrine and trends in the development of the nuclear and missile program.

Keywords: nuclear strategy, nuclear doctrine, nuclear deterrence, DPRK, USA, NEA security

For citation: Barannikova A.O. Nuclear strategy of the DPRK and readiness to the NW use // Oriental Institute Journal. 2024. No. 2. P. 71–84. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/71-84>

С начала года Корейский полуостров переживает очередной виток эскалации. Корейская Народная-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея (РК) проводят учения, испытывают системы оружия, обмениваются воинственной риторикой и обвиняют друг друга в дестабилизации ситуации в регионе. Подобная ситуация не нова: прежде полуостров уже не раз балансировал на грани конфликта, но в результате происходила дэскалация и вместо "доброй войны" воцарялся "худой мир", который на протяжении десятилетий является своеобразным статусом кво на полуострове. Тем не менее за последние годы появился ряд факторов, повысивших конфликтный потенциал региона. КНДР совершила значительный прогресс в ракетно-ядерной программе и активно работает над тактическим ядерным оружием (ТЯО), порог применения которого считается относительно низким, если сравнивать со стратегическими вооружениями. РК не только прилагает усилия к развитию военного альянса с США и получению гарантий "расширенного сдерживания", но и активно модернизирует собственные во-

оруженные силы. При этом опросы южнокорейского населения показывают рост числа сторонников национальной ядерной программы [17]. В начале 2024 г. КНДР официально отказалась от идеи воссоединения на Корейском полуострове и перевела РК в ранг "обычного" противника, который, к слову, находится в пределах досягаемости большинства северокорейского ЯО. При этом сохраняется неурегулированность морских границ и притязания обоих корейских государств на суверенитет над всем полуостровом. В прошлом эта неурегулированность уже приводила к столкновениям и артиллерийским обстрелам между КНДР и РК. Судя по высказываниям руководства [26], КНДР планирует закрепить территориальные притязания в своей Конституции, в результате чего в СВА возникнет крупнейший территориальный спор с высоким конфликтным потенциалом. Северокорейское руководство в своих официальных речах все чаще акцентирует внимание на ЯО, что расценивается зарубежными экспертами и политиками как подготовка КНДР к войне [9; 27]. Но соответствует ли это действительности? И готова ли КНДР намеренно применить ЯО первой? О намерениях и готовности руководства КНДР к нанесению ядерного удара по противнику, будь то США, РК или любая другая страна, необходимо судить не по официальной риторике, которая является частью информационной войны, а по ядерной стратегии, которая определяет применение или неприменение ЯО в реальном конфликте. Выявление актуальной ядерной стратегии КНДР и является целью данной статьи.

Исследователи уже предпринимали попытки выявить особенности ядерных стратегий региональных держав в целом и КНДР в частности. Например, Випин Наранг [33] указывает на то, что в отличие от крупных ядерных держав, обладающих внушительными запасами ЯО и достаточными потенциалами как для первого, так и для ответного ударов, региональные ядерные державы ограничены в свободе выбора стратегии. В частности, он выделяет следующие стратегии как наиболее приемлемые для региональных ядерных держав: каталитический подход, гарантированный ответный удар и асимметричная эскалация.

Каталитический подход предполагает задействование военной или дипломатической помощи третьей стороны в случае конфликта, обычно крупной державы, заинтересованной в сохранении стабильности в регионе. Данный подход может применяться странами, обладающими небольшим ядерным арсеналом, как правило, недостаточным для нанесения ответного удара по противнику.

Стратегия гарантированного ответного удара направлена на прямое сдерживание ядерной атаки противника путем угрозы ядерным возмездием. Данная стратегия требует наличия у региональной державы потенциала для нанесения ответного удара по ключевым стратегическим центрам противника.

Наконец, асимметричная эскалация направлена на сдерживание атаки противника с применением обычных вооружений путем угрозы применения ядерного оружия против военных и/или гражданских целей. Данная стратегия также не требует больших запасов ЯО, но при этом ядерный арсенал должен быть эффективно распределен, развернут и готов к применению.

Основываясь на данной классификации, другой исследователь, Шейн Смит [28], выделяет следующие ядерные стратегии, которые может взять на вооружение КНДР: 1) политико-дипломатическая – стратегия, направленная на получение международных, политических или дипломатических уступок; 2) каталитическая стратегия, направленная на интернационализацию кризисов на Корейском полуострове путем вовлечения в них США и/или Китая; 3) гарантированное стратегическое возмездие – стратегия, направленная на сдерживание атаки противника угрозой неминуемого ответного удара; и 4) стратегия ведения ядерной войны, подразумевающая компенсацию ядерным оружием слабости обычных вооружений КНДР по сравнению с технологически развитым противником. Автор указывает, что КНДР демонстрирует элементы всех четырех стратегий и в будущем может принять на вооружение гибридный подход.

Для того, чтобы понять, насколько та или иная стратегия приемлема для КНДР, необходимо учитывать особенности ядерной доктрины и тенденции в развитии ракетно-ядерной программы страны.

В некоторых зарубежных публикациях, посвященных ядерной программе КНДР, понятия ядерная доктрина и ядерная стратегия зачастую подменяются друг другом. Например, Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил, принятый в 2022 г., называется и ядерной доктриной, и ядерной стратегией. Хотя это не снижает ценность исследований, направленных на выявление изменений в позиции КНДР по ядерному вопросу, в данной статье неопределенность терминологии может внести путаницу. Поэтому прежде всего необходимо дать определения ядерной доктрины и ядерной стратегии и выявить их иерархическую связь.

Российские исследователи определяют ядерную доктрину как "систему официально принятых в государстве на данное (определенное) время взглядов на характер угроз и военных конфликтов и способы их предотвращения с использованием ядерного оружия, а также на ядерную составляющую военного строительства, подготовку и ее применение в интересах защиты жизненно важных интересов государства" [3]. Ядерная доктрина является составной частью военной доктрины. Ядерная стратегия определяется как составная часть стратегии национальной безопасности государства, отражающая взгляды военно-политического руководства на создание, развитие и применение ядерного оружия (ЯО). Она включает в себя военно-политические, военно-технические программы, определяющие направления развития ядерных сил, принципы их боевого применения, планы модернизации ЯО и т. д. [5] Стратегии, как правило, рассчитаны на длительный отрезок времени и их отличительной особенностью является отсутствие указания конкретных мероприятий и сроков их выполнения [1].

Согласно определениям в зарубежных источниках, ядерная доктрина – документ, включающий в себя цели и задачи, которые определяют развертывание и использование ядерного оружия, структуру ядерных сил, декларативную политику и дипломатию каждого государства, обладающего ядерным оружием [24]. Ядерная стратегия – система военных и политических доктрин, регулирующих создание и применение ядерного оружия и стратегии ведения ядерной войны. Ядерная стратегия не может считаться исключительно типом военной стратегии, поскольку помимо вопросов ведения войны рассматривает методы невоенного использования ядерных арсеналов: как аргумента на международных переговорах и средства политического и дипломатического давления [23].

Несмотря на некоторые расхождения в определениях, очевидно, что ядерная стратегия шире по наполнению и по иерархии выше доктрины, которая либо является частью стратегии, либо подчинена ее целям. Таким образом, для достижения целей данной статьи будут применены методы синтеза и индукции, когда наиболее вероятная ядерная стратегия, которой руководствуется КНДР, будет выявлена на основе анализа ее ядерной доктрины и выбора наиболее реалистичного варианта.

Ядерная доктрина

Исследователи различают декларативную и оперативную ядерные доктрины государства [14]. Декларативная доктрина представляет собой некий набор правил и условий применения ЯО, закрепленный в документе, доступ к которому может быть предоставлен для широкой публики. Декларативные доктрины ядерных государств, как правило, имеют много сходств, так как они являются данью ядерной этике, своеобразным сводом "правил приличия", которые должна соблюдать любая ответственная ядерная держава независимо от численности и уровня развития ЯО и статуса на международной арене. В результате доктрины современных ядерных стран, как глобальных, так и региональных, содержат такие общие концепции, как неприменение ЯО первым, минимальное сдерживание, акцент на ответном ударе и т. д. Что касается оперативной, или внутренней ядерной доктрины, то она как раз и определяет то, как ядерная держава будет применять ЯО в ходе реального конфликта. По понятным причинам такие документы засе-

крещиваются. Однако можно предположить, что различия между декларативной и внутренней доктриной определяются степенью, в которой государство стремится преуменьшить или преувеличить численность и возможности своего ядерного арсенала и готовность к его применению.

В течение длительного времени с момента проведения первого ядерного испытания в 2006 г. КНДР не публиковала ядерную доктрину и не заявляла о ее существовании, хотя можно предположить, что работа над таким документом велась с того момента, когда руководство страны приняло решение о переводе ядерной программы на "военные рельсы". После прихода к власти Ким Чен Ына развитие ракетно-ядерной программы (РЯП) страны ускорилось и стало более упорядоченным, что сопровождалось и большей информационной открытостью страны. В результате был опубликован закон "Об укреплении статуса государства, обладающего ядерным оружием в целях самообороны" от 1 апреля 2013 года (далее – закон 2013 г.), который можно считать первой декларативной ядерной доктриной КНДР. В ходе седьмой сессии Верховного народного собрания (ВНС) КНДР 14-го созыва 8 сентября 2022 г. был принят Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил (далее – закон 2022 г.), заменивший документ от 1 апреля 2013 г. Некоторое представление о доктрине можно составить и на основе анализа высказываний представителей военно-политического руководства страны, программных документов и бюллетеней, опубликованных в официальных СМИ. При этом следует отметить, что в силу закрытости и централизованности КНДР любой опубликованный комментарий в связи с РЯП должен восприниматься как внешняя пропаганда и соответственно, позволяет составить представление только о декларативной ядерной доктрине. Исходя из того, что КНДР основывает свою систему сдерживания на неопределенности, можно предположить, что ее внешняя и внутренняя доктрины имеют принципиальные различия. Даже декларативная ядерная доктрина КНДР, положения которой закреплены в законах 2013 и 2022 гг., отличается расплывчатостью формулировок, которые к тому же входят в противоречие с высказываниями высшего руководства, материалами партийных съездов и прочими опубликованными документами. Положения же внутренней доктрины и вовсе недоступны для изучения. Представление о содержании такого документа можно получить лишь путем анализа тенденций развития РЯП, потенциального театра военных действий и окружающего военно-политического контекста.

До недавнего времени КНДР демонстрировала приверженность концепции первого удара. Хотя в законе 2013 г. речь шла об ответном ядерном ударе, некоторые положения можно было интерпретировать как готовность к первому удару [19], а в 2016 г. Ким Чен Ын заявил о пересмотре военной доктрины страны и "возможности превентивных ударов" [18]. В ходе VII съезда Трудовой Партии Кореи (ТПК) глава государства заявил, что КНДР "не применит ЯО первой, если враждебные силы не нарушат ее суверенитет своим ядерным оружием." [31] Со временем список условий для первого ядерного удара, опубликованный в законе 2013 г., расширился, а вопрос, какой концепции придерживается КНДР в своей доктрине, стал более запутанным: помимо заявлений о возможности ядерного ответа на атаку с применением обычных вооружений, появились и намеки на превентивные удары.

Закон от 2022 г. сохранил эту неопределенность. С одной стороны, ЯО рассматривается как средство и сдерживания, и прекращения войны (без уточнения видов вооружений, которыми она ведется). С другой стороны, новый закон содержит расширенный перечень условий, при которых КНДР может применить ЯО первой. Помимо применения ЯО против безъядерных стран в случае их участия в "агрессии или наступательных действиях против КНДР в сговоре с другими ядерными государствами", речь идет о ядерном возмездии в ответ на неядерные атаки на стратегические объекты и руководство страны, затяжные войны и в случае "других обстоятельств, вызывающих катастрофический кризис для существования страны и безопасности народной жизни" [20]. Таким образом, перечень условий, при которых КНДР может пойти на первый ядерный удар, дополнился угрозами

невоенного характера. Действительно, к угрозам существования страны можно отнести и всеобъемлющие санкции, и морскую блокаду, а к угрозам суверенитету и безопасности высшего руководства страны – отработку операции "обезглавливания", проводимую США и союзниками и распространение листовок с территории РК, призывающих к свержению режима в КНДР.

На первый взгляд, для КНДР как "малой" ядерной державы выбор в пользу первого ядерного удара кажется логичным и даже жизненно необходимым по причине технологического отставания от наиболее вероятного противника и размера ядерного потенциала, которого может оказаться недостаточно для гарантированного ответного удара. Доктрины, опирающиеся на концепцию первого удара, имеют целью сдерживание не только ядерной агрессии, но и агрессии с использованием обычных вооружений.

В то же время в реальном конфликте первый удар имеет смысл только в том случае, если он способен лишить противника возможности нанести ответный удар. Учитывая разницу ядерных потенциалов, КНДР не сможет в ходе первого удара вывести из строя потенциал ответного удара своего наиболее вероятного противника – США. Количество ядерных зарядов в КНДР оценивается в 50–100 [12], в то время как запасы ядерных боеголовок США достигают 5 244 единиц [21]. Если бы ядерный потенциал КНДР в разы превосходил имеющийся, то для эффективного первого удара потребовались бы совершенные средства разведки и точная информация о местонахождении ядерного оружия противника. В противном случае КНДР рискует не добиться целей первого удара по противнику и потерять значительную часть собственного потенциала в результате ядерного возмездия со стороны США.

Следует также отметить, что с приходом к власти Ким Чен Ына активно модернизируется не только ядерное, но и обычное вооружение, что дает возможность использовать его хотя бы в региональном конфликте, не прибегая к ядерному оружию. Артиллерийские системы и реактивные системы залпового огня (РСЗО) КНДР способны уничтожить десятки тысяч человек и важные инфраструктурные и промышленные объекты на территории РК. Помимо этого, у КНДР есть современные тактические системы вроде KN-23 и KN-24, которые могут оснащаться как ядерными, так и конвенциональными зарядами. Что касается географически более удаленного противника, например, США, то КНДР может сдерживать его за счет угрозы ударов (также конвенциональных) по американским базам в РК и Японии. А дальше в дело вступает ядерное сдерживание через неопределенность. В рамках данной системы сдерживания КНДР разрабатывает и демонстрирует системы как для первого, так и для ответного удара. В 2017 г. КНДР провела испытания баллистической ракеты (БР) промежуточной дальности "Хвасон-12", способной достичь Гуама. Во время третьего успешного испытания дальность данной БР оценивалась в 4500 км. В том же году прошла испытания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) "Хвасон-14" дальностью 10000 км и МБР "Хвасон-15" дальностью 13 000 км. Данные МБР на основе жидкостного ракетного двигателя (ЖРД) уже способны достичь континентальной территории США. В марте 2023 г. КНДР провела испытания МБР с ЖРД "Хвасон-17" (или "Хвасонпхо-17"), которую внешние обозреватели окрестили "ракетой-монстром" за впечатляющие габариты. Дальность данной ракеты оценивается в 15000 км. На данный момент это последняя продемонстрированная жидкостная модификация серии "Хвасон". МБР на основе ЖРД считаются оружием первого удара. Однако с учетом их заметности, относительно длительным процессом подготовки к пуску и наличия у противника средств наблюдения за территорией КНДР они могут служить и целям эскалации-деэскалации. С другой стороны, МБР КНДР, в том числе и "Хвасон-17", в отличие от ракет, имеющих шахтное базирование, мобильны, а рельеф страны идеально подходит для маскировки ракетных комплексов, что повышает их шансы на выживаемость в первом ударе и возможность использования для ответного удара по противнику.

В мае 2023 г. КНДР впервые испытала твердотопливную межконтинентальную баллистическую ракету "Хвасон-18" ("Хвасонпхо-18") дальностью 15000 км, про-

демонстрировав свои возможности по созданию ракетного двигателя на твердом топливе (РДТТ) большого диаметра, что считается одной из самых сложных задач в ракетостроении. С точки зрения доктрины КНДР еще на шаг приблизилась к конечной цели любой ядерной программы – созданию потенциала нанесения гарантированного ответного удара по противнику. МБР на основе РДТТ менее уязвима для превентивных ударов, так как не требует дополнительного времени на подготовку к старту и сопровождения вспомогательных транспортных средств, а значит, менее заметна для разведывательных средств противника. Активный участок траектории у твердотопливных ракет короче, чем у жидкостных, что повышает возможности ракеты по преодолению противоракетной обороны противника.

Другим оружием гарантированного возмездия считаются баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) большой и межконтинентальной дальности. За 2020–2022 гг. КНДР продемонстрировала БРПЛ "Пуккыксон-4С", "Пуккыксон-5С" и более крупную БРПЛ (возможно "Пуккыксон-6"). Дальность данных БРПЛ точно не известна, хотя эксперты, ссылаясь на размеры и конструкцию последней БРПЛ, не исключают межконтинентальной дальности [32]. Также неизвестно, в какой стадии находится строительство предполагаемого носителя БРПЛ – атомной подводной лодки (АПЛ). С учетом важности данного направления, подчеркнутой руководством КНДР в ходе VIII съезда ТПК [13], ожидается, что работа над БРПЛ большой дальности и АПЛ продолжится, хотя КНДР может остановиться и на альтернативном варианте ядерной диады или триады, ограничившись созданием регионального морского компонента.

Что касается регионального потенциала, то здесь явно прослеживается акцент на системах ответного удара. За последние годы КНДР продемонстрировала и испытала новые тактические системы дальностью 400–600 км: твердотопливные баллистические ракеты малой дальности (БРМД) "Хвасонпхо-11Ка" (KN-23), "Хвасонпхо-11На" (KN-24) и РСЗО KN-25. КНДР также провела испытания ракеты "Хвасон-12На" с планирующим гиперзвуковым боевым блоком дальностью свыше 1000 км и крылатым ракет "Хвасаль-1", "Хвасаль-2" и "Пульхвасаль-3-31" дальностью 1500–2000 км. Все эти системы отличаются живучестью и улучшенными возможностями по обходу ПРО, могут быть рассредоточены по всей стране и обеспечить нанесение ответного удара в региональном масштабе.

Помимо новых систем у КНДР есть неоднократно более "старые" и неоднократно испытанные БРМД с ЖРД "Хвасон-5" (300 км) и "Хвасон-6" (500 км), БРСД "Хвасон-7" (1200–1500 км) и "Хвасон-9" (800–1000 км). Хотя такие БР и считаются потенциалом первого удара, их многочисленность и мобильность позволяет предположить, что хотя бы часть их уцелеет в случае первого удара со стороны противника и может быть применена для "остаточного" возмездия (residual retaliation).

Активно развивается и региональный морской компонент – в 2023 г. КНДР испытала подводные беспилотные ударные аппараты "Хэиль-1" и "Хэиль-2", названные в ЦТАК "подводным ядерным стратегическим оружием", которое способно вызвать "радиоактивное цунами путем подводного взрыва для уничтожения корабельных ударных группировок и крупных операционных портов противника" [16]. В январе с.г. ЦТАК сообщил о проведении испытаний беспилотной подводной ударной системы "Хэиль-5-23" [30]. Также в 2023 г. КНДР продемонстрировала "тактическую атомную подводную лодку" № 841 "Герой Ким Гун Ок" [25]. Данная ПЛ не оснащена ядерной силовой установкой, но может быть оснащена ЯО. Эксперты указывают, основываясь на анализе конструкции, что ПЛ может нести 10 ракет – вероятно, БРПЛ серии "Пуккыксон" или крылатых ракет серии "Хвасаль" [15]. КНДР также имеет на вооружении рабочие версии БРПЛ – "Пуккыксон-1" и "Пуккыксон-3" дальностью 1200 км и 2000 км соответственно.

Таким образом, в региональном масштабе КНДР уже достигла определенного уровня потенциала как первого, так и ответного удара. Потенциал дальнего действия пока не может считаться надежным. Большинство имеющихся у КНДР МБР – жидкостные, что требует длительной подготовки к старту и приводит к уязвимости данных ракет для превентивного удара. Но работа по созданию РДТ боль-

шого диаметра говорит о том, что КНДР будет и далее создавать МБР на твердом топливе, которые возможно постепенно заменят некоторые устаревающие МБР с ЖРД. Насколько данное производство будет массовым, будет определяться финансовыми и технологическими возможностями страны. Но можно предположить, что руководство КНДР достаточно трезво оценивает свои возможности и не стремится к достижению количественного паритета с США, делая вместо этого ставку на качество и разнообразие.

С одной стороны, у КНДР даже сейчас достаточно МБР для насыщения ПРО США на Аляске и Калифорнии (при условии, что все они обладают возможностями повторного входа в атмосферу) [7]. С другой стороны, КНДР не сможет нейтрализовать СЯС США первым ударом, зато с высокой вероятностью лишится весомой части своих МБР в результате ответного удара противника. В случае же первого удара противника по территории КНДР есть шанс выживания определенного количества МБР, которых будет достаточно для нанесения ответного удара. В подобных условиях для КНДР более приемлема концепция ответного удара. Ставка на диверсификацию, мобильность и живучесть систем, акцент на ТЯО и твердотопливных МБР – всё это существенно повышает выживаемость большей части потенциала в случае первого удара противника и вероятность нанесения ответного удара как регионального, так и межконтинентального действия. И говорит о том, что КНДР, несмотря на риторику и неопределенность первого удара в своей декларативной ядерной доктрине, более склонна к ответному удару в своей оперативной доктрине.

Ядерная стратегия

По аналогии с ядерной доктриной можно предположить, что и ядерные стратегии также могут быть декларативными и реальными. Декларативная ядерная стратегия служит целям не только сдерживания, но и пропаганды, внешней политики и дипломатии. Однако именно внутренняя, или реальная, стратегия определяет применение ядерных средств в реальном конфликте и роль ЯО во внутренней и внешней политике государства. В связи с этим представляет интерес выявление особенностей реальной ядерной стратегии КНДР. За основу возьмем стратегии, сформулированные Ш. Смитом, и выясним, насколько тот или иной подход применим к КНДР с учетом рассмотренных выше особенностей доктрины, тенденций развития РЯП, а также таких факторов, как географическое положение, отношения с соседними странами и менталитет КНДР.

Политико-дипломатический подход. На протяжении многих лет ЯО служило для КНДР дипломатическим и внешнеполитическим инструментом для демонстрации намерений, обозначения позиции страны по тем или иным вопросам и оказания давления. Данный подход применяется КНДР и до сих пор, и за годы развития ядерной программы он стал более отточенным. Демонстрации и испытания ЯО, высказывания руководства страны и даже публикации документов, связанных с ядерной доктриной, можно считать своеобразной ракетно-ядерной дипломатией, которая становится практически единственным способом взаимодействия с оппонентами в условиях отсутствия политического диалога. КНДР осуществляет воздействие на США, проводя демонстрации и испытания МБР, способных доставить ядерный заряд на их территорию. Демонстрация ТЯО идеально подходит для оказания давления на союзников США в США – РК и Японию – и сам трехсторонний альянс. По мере роста угроз со стороны КНДР и неспособности США решить данную проблему имидж США в качестве сильного и надежного союзника будет ухудшаться, что в дальнейшем может привести к размыванию альянсов и даже расширению "ядерного клуба". Так что длительное давление КНДР в сочетании с другими факторами напряженности в регионе вполне может "разбить союзы [противника]" [4]. При этом ракетно-ядерная дипломатия может и открыть новые перспективы возвращения к диалогу КНДР-США и привести к хотя бы временной нормализации ситуации в США, правда, для этого потребуется изменение позиции США по вопросу ядерного статуса КНДР.

КНДР разрабатывает и демонстрирует такие системы ЯО, которые помимо прочего являются и эффективным психологическим оружием. К такому оружию можно отнести ТЯО, порог применения которого относительно низок, что в сочетании с "тактикой безумца" и воинственной риторикой руководства КНДР эффективно работает на устрашение противника. Водородная бомба, обладающая огромной разрушительной силой и твердотопливная МБР, чей запуск необратим, также служат данным целям. Хотя эксперты отмечают, что КНДР еще не продемонстрировала РГЧ, повышающую эффективность МБР, и нет единого мнения о возможностях повторного вхождения в атмосферу северокорейских БЧ [8], вышеупомянутые системы в сочетании с неопределенностью первого удара уже не могли не оказать должного воздействия на США, отличающиеся неприемлемостью даже одного ядерного взрыва на их территории [10].

Следует ожидать, что и по мере дальнейшего количественного и качественного роста ядерного потенциала КНДР дипломатический подход так или иначе будет и дальше присущ ее ядерной стратегии. Он доказал свою эффективность за десятилетия: обеспечил выживаемость режима, сделал невозможным использование территории страны для прокси-войн и усилил позиции КНДР на любых международных переговорах. Ядерный статус КНДР уже не будет считаться предметом торга (если когда-либо считался), но на будущих переговорах КНДР вполне может пойти на обсуждение прозрачности своего ядерного потенциала и намерений. И в будущем речь может пойти о присоединении КНДР к инициативам по контролю/ограничению стратегических вооружений в обмен на реинтеграцию в мировую торгово-экономическую систему.

Каталитическая стратегия. Данный подход для КНДР просто предопределен географически и исторически. В течение десятилетий страна успешно балансировала между СССР и Китаем. КНДР попеременно сближалась то с одним, то с другим соседом, получая определенные выгоды, особенно когда в отношениях СССР и Китая обозначались противоречия и конкуренция, и при этом сохраняла дистанцию, демонстрируя независимость и свободу действий в военно-политической сфере. В настоящее время баланс сил изменился, основными игроками в СВА считаются Китай и США. КНДР осуществляет сдерживание США путем демонстрации сближения, перспектив военного сотрудничества и формирования стратегического треугольника с обоими соседями. Китай, и Россия, имеющие проблемы в отношениях с США, со своей стороны заинтересованы в поддержании такой позиции КНДР, хотя и по разным причинам. Россия – в рамках диверсификации партнеров и реализации стратегии "поворота на Восток". Китай – как страна, считающая Корейский полуостров сферой своего влияния и интересов. С учетом совпадения интересов сторон, можно утверждать, что в данный момент отношения с соседями и географическое положение являются наиболее надежной системой ядерного сдерживания для КНДР, чей собственный потенциал гораздо меньше, чем у наиболее вероятного противника – США. Соседние государства, поддерживающие дружественные отношения с КНДР и заинтересованные в стабильности на своих границах и защите своих интересов, не останутся в стороне в случае конфликта КНДР и США, а значит, США столкнутся с силой, превосходящей их собственный потенциал.

В рамках каталитического подхода КНДР воздействует не только на крупные ядерные державы, но и на союзников США в СВА, например, с помощью ТЯО, демонстрация которого не воспринимается в качестве серьезной угрозы в США, но идеально подходит для оказания давления на РК и Японию. В результате ЯО КНДР вынуждает РК и Японию оказывать, в свою очередь, давление на США, подталкивая их к нормализации отношений с КНДР с целью урегулирования "северокорейской ядерной проблемы".

На дипломатическом уровне КНДР активно вовлекает и сами США. Северокорейское руководство использует перспективы возобновления диалога с США для предотвращения попыток соседних стран (особенно Китая) злоупотреблять своим влиянием. В случае резкого изменения геополитической ситуации КНДР

может сдерживать своих соседей подобно тому, как сейчас сдерживает США. О понимании переменчивости геополитической обстановки руководством КНДР свидетельствуют положения ее ядерной доктрины. Например, если ранее речь шла о "ядерных угрозах республике со стороны США", то в законе от 2022 г. противник не конкретизирован. Действительно, в будущем может произойти все, что угодно – от изменения внутривосточной ситуации в Китае и/или России до изменения их отношений с КНДР. И тогда КНДР может столкнуться с угрозами от ныне дружественных стран. Для сдерживания этих крупных ядерных держав КНДР может прибегнуть к помощи не менее крупной ядерной страны – США и начать "дружить с дальним и воевать с ближним" [2, с. 478]. Следует отметить, что в прошлом руководство КНДР уже давало понять, что не возражает против сохранения военных баз США в США в случае нормализации отношений [29], так как военное присутствие США в регионе служит гарантией сдерживания Китая и России.

Несмотря на то, что, согласно В.Нарангу, каталитический подход присущ странам, не имеющим потенциала ответного удара и ТЯО, что противоречит тенденциям развития РЯП КНДР, приверженность страны к каталитическому подходу очевидна, и следует ожидать, что КНДР будет применять его в своей ядерной стратегии и впредь в дополнение к политико-дипломатическому подходу.

Стратегия гарантированного возмездия. На данный момент КНДР уже обладает региональным потенциалом ответного удара (системы, способные доставить ядерный заряд на территорию РК и Японии) и активно развивает твердотопливные МБР. Для любого ядерного государства надежное ядерное сдерживание предполагает наличие потенциала, достаточного для нанесения неприемлемого ущерба противнику в ответном ударе. Крупнейшие ядерные державы сдерживают друг друга угрозой "массированного возмездия" и "взаимного уничтожения". Размеры территории КНДР, отсутствие возможностей размещения ЯО за пределами страны и ограниченность ее ресурсов делает достижение паритета по числу единиц ЯО с США и другой крупной ядерной державой практически невозможным. Однако в случае с США ядерное возмездие КНДР не обязательно должно быть массированным, с учетом уже отмеченной выше неприемлемости США даже одного ядерного удара по их территории. Даже в случае первого удара со стороны США вероятность выживаемости части МБР КНДР, достаточной для "остаточного возмездия" (residual retaliation) [14], достаточно высока для того, чтобы заставить противника отказаться от своих намерений. Если же считать американские военные базы на территории РК и Японии территорией США, то возможности КНДР по нанесению гарантированного ответного удара по США существенно расширяются.

Естественно, в условиях изменчивости глобальной и региональной обстановки КНДР должна учитывать и иные потенциальные угрозы, в том числе и от стран, с которыми в данный момент поддерживает дружеские или нейтральные отношения. Вероятно, региональный потенциал, который КНДР развивает сейчас для сдерживания США в США, может служить целям сдерживания соседних стран, если в будущем отношения с ними по каким-либо причинам изменятся.

Анализ ядерной доктрины КНДР и тенденций развития РЯП явно свидетельствует о том, что страна активно создает потенциал ответного удара. Поэтому гарантированное возмездие уже можно считать частью ядерной стратегии КНДР и приверженность данному подходу сохранится и в будущем.

Стратегия ведения ядерной войны. С момента ускорения развития ядерной программы после прихода к власти Ким Чен Ына ЯО в официальной риторике называется не только "железным щитом", но и "драгоценным мечом", что намекает на его наступательную функцию. За последние месяцы эскалации на КП руководство КНДР особо подчеркивает готовность к применению ЯО. В частности, Ким Чен Ын в ходе X сессии ВНС КНДР четырнадцатого созыва в январе 2024 г. отметил, что КНДР не будет "ограничиваться только своей защитой и предотвращением войны" и напомнил о "2-й миссии" ядерных вооруженных сил, противопоставляемой "основной миссии ...для сдерживания войны" [26]. В данном контексте интересен также призыв "не считать только чужим делом сегодняшнюю катастрофу варвар-

ской войны на Среднем Востоке". Это говорит о том, что КНДР извлекает уроки из всех нынешних конфликтов: палестино-израильского, кризиса вокруг Украины и т.д. В данные конфликты так или иначе вовлечены ядерные государства, и это, с одной стороны, может свидетельствовать о понимании северокорейским руководством того, что обладание ЯО не гарантирует отсутствие конфликта или оперативное его прекращение. Но, с другой стороны, КНДР может таким образом давать понять оппонентам, что в отличие от других ядерных стран она не станет соблюдать некие "правила" и воздерживаться от применения ЯО, которое было создано ценой титанического труда, санкций и длительного отказа от экономических благ.

В то же время, хотя и данные публикации, и положения ядерной доктрины сигнализируют о готовности КНДР к ведению ядерной войны, не стоит забывать, что данные документы – прежде всего, декларативные. Они служат инструментом внутренней и внешней пропаганды, которая должна внушить и противникам, и собственному населению мысль о том, что ЯО – не просто символ, а практический инструмент ведения войны. В то же время вероятность того, что ведение ядерной войны является основной стратегией КНДР, мала хотя бы потому, что она входит в противоречие с рассмотренными выше стратегиями, доктриной и тенденциями развития РЯП. В случае первого удара КНДР лишится большинства своего ЯО и не сможет реализовать стратегию гарантированного сдерживания. ЯО служит эффективным политико-дипломатическим инструментом, но в случае его военного применения оно перестает быть таким инструментом. Наконец, в случае применения ЯО первой КНДР вряд ли может рассчитывать на одобрение и поддержку дружественных стран, которые несут повышенную ответственность в качестве членов ДНЯО и СБ ООН. Действующим Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНДР и Китаем предусмотрена военная помощь стране, подвергнувшейся нападению, а не агрессору [6]. В случае конвенциональной атаки на КНДР и возникновения угрозы ее территориальной целостности дружественные соседние страны в любом случае будут вовлечены в конфликт для защиты своих интересов, и КНДР не придется прибегать к применению ЯО.

Так что демонстрацию готовности к ядерной войне и превентивным ударам можно считать частью ядерного сдерживания, но при этом руководство КНДР явно "не теряет головы" [2, с. 587] и даже в случае конфликта в регионе не станет намеренно применять ЯО первой.

* * *

Таким образом, анализ ядерной доктрины и тенденций развития РЯП КНДР говорит о том, что для страны наиболее приемлема концепция "ответного удара". Несмотря на неопределенность первого удара и демонстрацию готовности к применению ЯО, взгляды северокорейского руководства носят скорее оборонительный характер, а стратегия ведения ядерной войны является декларативной. Реальная ядерная стратегия КНДР сочетает в себе черты таких подходов, как политико-дипломатический, каталитический и гарантированное возмездие. Взаимодополняемость данных подходов служит на современном этапе системой надежного сдерживания, создавая стратегический баланс между КНДР и ее наиболее вероятным противником и сводя вероятность ядерного конфликта к нулю. Эта стратегия будет эффективна и в случае изменения международной политической ситуации и появления угроз со стороны других стран, ныне нейтральных и дружественных. Для обеспечения реализации данной стратегии КНДР создает универсальный ядерный потенциал, способный нейтрализовать не только текущие угрозы, но и те, что могут возникнуть в будущем.

С учетом особой роли, возлагаемой на ядерный арсенал руководством КНДР и того факта, что в случае применения ЯО может утратить эту роль, вероятность начала ядерного конфликта по инициативе КНДР мала. Впрочем, как и вероятность начала войны с применением обычных вооружений. Ведение войны с технологически более развитым противником неизбежно приведет к применению ЯО для компенсации разрыва в уровнях конвенциональных вооружений, что также про-

творечит интересам КНДР, ее стратегии и роли, возлагаемой на ЯО. Руководство КНДР действительно готовится к войне, но для ее руководства "самая лучшая война – разбить замыслы противника" [4].

Естественно, всегда будет сохраняться вероятность конфликта и применения ЯО по причине технической ошибки, неверной интерпретации действий противника и пресловутого "человеческого фактора". Но это уже тема для отдельного исследования.

Литература

1. Атаманов Г.А. Концепция, доктрина, стратегия: уточнения содержания и соотношения понятий // CISOCLUB. 3.11.2020. URL: <https://cisoclub.ru/konczepczija-doktrina-strategiya-utochnenie-soderzhaniya-i-sootnosheniya-ponyatiij/> (дата обращения: 10.10.2023).
2. Зенгер Х.Ф. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Т. 1, 2. М.: Эксмо, 2004. С. 478–587.
3. Мясников Е.В. Стратегические ядерные силы США и России: ядерные доктрины, состав и программы развития // Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 15.11.2002. URL: <https://www.armscontrol.ru/course/lectures02b/evm021115a.htm> (дата обращения: 10.10.2023).
4. Сунь-Цзы. Искусство войны // Милитера. URL: <http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Энциклопедия Министерства обороны РФ // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://xn--d1abichglj9dyd8a.xn--90anlfbebar6i.xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12150@morfDictionary> (дата обращения: 10.10.2023).
6. 1961 Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance Between the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea. July 11, 1961. URL: https://www.marxists.org/subject/china/documents/china_dprk (дата обращения: 10.10.2023).
7. Bennett, Bruce W. Is North Korea Really Getting Ready for a War Against America? // The National Interest. 17.01.2024. URL: <https://nationalinterest.org/feature/north-korea-really-getting-ready-war-against-america-208654> (дата обращения: 05.03.2024).
8. Boyd, Dallas. Avoiding Self-inflicted Wounds to the Credibility of the U.S. Nuclear Deterrent // Nonproliferation Review. 2019. No. 1–2. P. 117.
9. Carlin, Robert L., Hecker, Siegfried S. Is Kim Jong Un Preparing for War? // 38North. 11.01.2024. URL: <https://www.38north.org/2024/01/is-kim-jong-un-preparing-for-war/> (дата обращения: 05.03.2024).
10. Denyer, Simon. Confusion over North Korea's definition of denuclearization clouds talks // The Washington Post. 16.01.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/confusion-over-north-koreas-definition-of-denuclearization-clouds-talks/2019/01/15/c6ac31a8-16fc-11e9-a896-f104373c7ffd_story.html?utm_term=.a608bd330636 (дата обращения: 10.10.2023).
11. Estimating North Korea's Nuclear Stockpiles: An Interview With Siegfried Hecker // 38 North. 30.04.2021. URL: <https://www.38north.org/2021/04/estimating-north-koreas-nuclear-stockpiles-an-interview-with-siegfried-hecker/> (дата обращения: 10.10.2023).
12. Great Programme for Struggle Leading Korean-Style Socialist Construction to Fresh Victory. On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK // KCNA. 09.01.2021. URL: <http://kcnk.kp> (дата обращения: 01.12.2023).
13. Important Weapon Test and Firing Drill Conducted in DPRK // KCNA. 24.03.2023 URL: <http://kcnk.kp> (дата обращения: 05.03.2024).
14. Ingram, Paul. Nuclear doctrine. Global enterprise to strengthen nonproliferation and disarmament discussion paper // NTI. January 2019. URL: https://media.nti.org/documents/Discussion_Paper-Nuclear_Doctrine.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
15. Ji, Da-gyum. Over 60% of S. Koreans lack trust in US nuclear umbrella: survey // The Korea Herald. 5.02.2024 URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240205000663> (дата обращения: 05.03.2024).
16. Kim Jong Un Guides Test-Fire of New Multiple Launch Rocket System // KCNA. 04.03.2016. URL: <http://kcnk.kp> (дата обращения: 01.12.2023).
17. Kippe, Halvor. Nuclear Weapons Capabilities and Doctrines in North Korea // Norwegian Defence Research Establishment. 18.02.2019. URL: <https://ffi-publikasjoner.archive.knowledgearc.net/bitstream/handle/20.500.12242/2535/18-01830.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
18. Law on Consolidating Position of Nuclear Weapons State Adopted // KCNA. 01.04.2013. URL: <http://kcnk.kp> (дата обращения: 01.12.2023).
19. Law on DPRK's Policy on Nuclear Forces Promulgated // KCNA. 9.09.2022. URL: <http://kcnk.kp> (дата обращения: 01.12.2023).
20. Morgan, Patrick M. Nuclear Strategy // Oxford Research Encyclopaedia of International Studies. 11.01.2018. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/> (дата обращения: 10.10.2023).
21. Narang, Vipin. Nuclear Strategy in the Modern Era: Regional Powers and International Conflict. Princeton

University Press, 2014. P. 14–15.

22. Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance // Arms Control Association. June 2023. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat> (дата обращения: 05.03.2024).

23. Panda, Ankit. US Intelligence: North Korea's ICBM Reentry Vehicles Are Likely Good Enough to Hit the Continental US // The Diplomat. 12.08.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/08/us-intelligence-north-koreas-icbm-reentry-vehicles-are-likely-good-enough-to-hit-the-continental-us/> (дата обращения: 1.12.2023).

24. Park, Y.H., Lee, S.G. 2023. North Korea's Nuclear Warhead Quantity Estimates and Prospects // Korean Institute for Defense Analysis. 11.01.2023. URL: <https://www.kida.re.kr/frt/board/frtNormalBoardDetail.do?sidx=2184&idx=818&depth=2&lang=kr> (дата обращения: 10.10.2023).

25. Respected Comrade Kim Jong Un Makes Congratulatory Speech at Ceremony for Launching Newly-Built Submarine // KCNA. 8.09.2023. URL: <http://kcna.kp> (дата обращения: 05.03.2024).

26. Respected Comrade Kim Jong Un Makes Policy Speech at 10th Session of 14th SPA // KCNA. 16.01.2024. URL: <http://kcna.kp> (дата обращения: 05.03.2024).

27. Smith, Shane. North Korea's Evolving Nuclear Strategy // North Korea's Nuclear Future Series. U.S.–Korea Institute at SAIS. August 2015. URL: <https://wmdcenter.ndu.edu/Portals/97/Documents/Publications/Articles/Evolving-Nuclear-Strategy.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

28. Spokesman for Ministry of National Defence of DPRK Issues Press Statement // KCNA. 19.01.2024. URL: <http://kcna.kp> (дата обращения: 05.03.2024).

29. Supreme Leader Kim Jong Un's Report to the Seventh Congress of the Workers' Party of Korea on the Work of the Central Committee (Full Text) // KCNA. 20.06.2016. URL: <http://kcna.kp> (дата обращения: 05.03.2024).

30. Sutton, H I. North Korea's New Submarine Carries 10 Nuclear Missiles // Naval News. 8.09.2023. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2023/09/north-koreas-new-submarine-carries-10-nuclear-missiles/> (дата обращения: 05.03.2024).

31. Ward, Alexander. 2023. North Korea displays enough ICBMs to overwhelm U.S. defense system against them // Politico, February 8, 2023. URL: <https://www.politico.com/news/2023/02/08/north-korea-missile-capability-icbms-00081993> (дата обращения: 01.12.2023).

32. Wertz, Daniel. The U.S., North Korea and Nuclear Diplomacy // The National Committee on North Korea, October 2018. <https://www.ncnk.org/resources/briefing-papers/all-briefing-papers/history-u.s.-dprk-relations> (дата обращения: 01.12.2023).

33. Xu, Tianran. Emerging Capabilities? The Unflown SLBMs of the DPRK // Open Nuclear Network, 25.07.2022. URL: <https://opennuclear.org/publication/emerging-capabilities-unflown-slbms-dprk> (дата обращения: 10.10.2023).

References

1. Atamanov G.A. Concept, doctrine, strategy: clarification of the content and relationship of concepts // CISOCLUB: website. URL: <https://cisoclub.ru/konczepczija-doktrina-strategiya-utochnenie-soderzhaniya-i-sootnosheniya-ponyatij/> (accessed 10.10.2023). (In Russ.).

2. Senger, H.V. Stratagems. About the Chinese art of living and surviving. Vol. 1, 2. M.: Eksmo, 2004. P. 478-587. (In Russ.).

3. Myasnikov E.V. Strategic nuclear forces of the U.S. and Russia: nuclear doctrines, composition and development programs // Center for the Study of Problems of Disarmament, Energy and Ecology at MIPT: website. URL: <https://www.armscontrol.ru/course/lectures02b/evm021115a.htm> (accessed 10.10.2023). (In Russ.).

4. Sun Tzu. The Art of War // Militera: website. URL: <http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.).

5. Encyclopedia of the Ministry of Defense of the Russian Federation // Ministry of Defense of the Russian Federation: website. URL: <https://xn--d1abichgllj9dyd8a.xn--90anfbbar6i.xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12150@morfDictionary> (accessed 10.10.2023). (In Russ.).

6. 1961 Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance Between the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea. July 11, 1961: website. URL: https://www.marxists.org/subject/china/documents/china_dprk.htm (accessed 10.10.2023).

7. Bennett, Bruce W. Is North Korea Really Getting Ready for a War Against America? // The National Interest. 17.01.2024. URL: <https://nationalinterest.org/feature/north-korea-really-getting-ready-war-against-america-208654> (accessed 05.03.2024).

8. Boyd, Dallas. Avoiding Self-inflicted Wounds to the Credibility of the U.S. Nuclear Deterrent // Nonproliferation Review. 2019. No. 1–2. P. 117.

9. Carlin, Robert L., Hecker, Siegfried S. Is Kim Jong Un Preparing for War? // 38North. 11.01.2024. URL: <https://www.38north.org/2024/01/is-kim-jong-un-preparing-for-war/> (accessed 5.03.2024).

10. Denyer, Simon. Confusion over North Korea's definition of denuclearization clouds talks // The Washington Post. 16.01.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/confusion-over-north-koreas-definition-of-denuclearization-clouds-talks/2019/01/15/c6ac31a8-16fc-11e9-a896-f104373c7ffd_story

html?utm_term=.a608bd330636 (accessed 10.10.2023).

11. Estimating North Korea's Nuclear Stockpiles: An Interview With Siegfried Hecker // 38 North. 30.04.2021. URL: <https://www.38north.org/2021/04/estimating-north-koreas-nuclear-stockpiles-an-interview-with-siegfried-hecker/> (accessed 10.10.2023).

12. Great Programme for Struggle Leading Korean-Style Socialist Construction to Fresh Victory. On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK // KCNA. 9.01.2021. URL: <http://kcna.kp> (accessed 01.12.2023).

13. Important Weapon Test and Firing Drill Conducted in DPRK // KCNA. 24.03.2023 URL: <http://kcna.kp> (accessed 05.03.2024).

14. Ingram, Paul. Nuclear doctrine. Global enterprise to strengthen nonproliferation and disarmament discussion paper // NTI. January 2019. URL: https://media.nti.org/documents/Discussion_Paper-Nuclear_Doctrine.pdf (accessed 10.10.2023).

15. Ji, Da-gyum. Over 60% of S. Koreans lack trust in US nuclear umbrella: survey // The Korea Herald. 5.02.2024 URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240205000663> (accessed 05.03.2024).

16. Kim Jong Un Guides Test-Fire of New Multiple Launch Rocket System // KCNA. 4.03.2016. URL: <http://kcna.kp> (accessed 01.12.2023).

17. Kippe, Halvor. Nuclear Weapons Capabilities and Doctrines in North Korea // Norwegian Defence Research Establishment. 18.02.2019. URL: <https://ffi-publikasjoner.archive.knowledgearc.net/bitstream/handle/20.500.12242/2535/18-01830.pdf> (accessed 01.12.2023).

18. Law on Consolidating Position of Nuclear Weapons State Adopted // KCNA. 1.04.2013. URL: <http://kcna.kp> (accessed 01.12.2023).

19. Law on DPRK's Policy on Nuclear Forces Promulgated // KCNA. 9.09.2022. URL: <http://kcna.kp> (accessed 01.12.2023).

20. Morgan, Patrick M. Nuclear Strategy // Oxford Research Encyclopaedia of International Studies. 11.01.2018. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/> (accessed 10.10.2023).

21. Narang, Vipin. Nuclear Strategy in the Modern Era: Regional Powers and International Conflict. Princeton University Press, 2014. P. 14–15.

22. Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance // Arms Control Association. June 2023. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat> (accessed 05.03.2024).

23. Panda, Ankit. US Intelligence: North Korea's ICBM Reentry Vehicles Are Likely Good Enough to Hit the Continental US // The Diplomat. 12.08.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/08/us-intelligence-north-koreas-icbm-reentry-vehicles-are-likely-good-enough-to-hit-the-continental-us/> (accessed 01.12.2023).

24. Park, Y.H., Lee, S.G. 2023. North Korea's Nuclear Warhead Quantity Estimates and Prospects // Korean Institute for Defense Analysis. 11.01.2023. URL: <https://www.kida.re.kr/frt/board/frtNormalBoardDetail.do?sidx=2184&idx=818&depth=2&lang=kr> (accessed 10.10.2023).

25. Respected Comrade Kim Jong Un Makes Congratulatory Speech at Ceremony for Launching Newly-Built Submarine // KCNA. 8.09.2023. URL: <http://kcna.kp> (accessed 05.03.2024).

26. Respected Comrade Kim Jong Un Makes Policy Speech at 10th Session of 14th SPA // KCNA. 16.01.2024. URL: <http://kcna.kp> (accessed 05.03.2024).

27. Smith, Shane. North Korea's Evolving Nuclear Strategy // North Korea's Nuclear Future Series. U.S.–Korea Institute at SAIS. August 2015. URL: <https://wmdcenter.ndu.edu/Portals/97/Documents/Publications/Articles/Evolving-Nuclear-Strategy.pdf> (accessed 05.09.2023).

28. Spokesman for Ministry of National Defence of DPRK Issues Press Statement // KCNA. 19.01.2024. URL: <http://kcna.kp> (accessed 05.03.2024).

29. Supreme Leader Kim Jong Un's Report to the Seventh Congress of the Workers' Party of Korea on the Work of the Central Committee (Full Text) // KCNA. 20.06.2016. URL: <http://kcna.kp> (accessed 05.03.2024).

30. Sutton, H I . North Korea's New Submarine Carries 10 Nuclear Missiles // Naval News. 08.09.2023. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2023/09/north-koreas-new-submarine-carries-10-nuclear-missiles/> (accessed 05.03.2024).

31. Ward, Alexander. 2023. North Korea displays enough ICBMs to overwhelm U.S. defense system against them // Politico, February 08, 2023. URL: <https://www.politico.com/news/2023/02/08/north-korea-missile-capability-icbms-00081993> (accessed 01.12.2023).

32. Wertz, Daniel. The U.S., North Korea and Nuclear Diplomacy // The National Committee on North Korea, October 2018. <https://www.ncnk.org/resources/briefing-papers/all-briefing-papers/history-u.s.-dprk-relations> (accessed 01.12.2023).

33. Xu, Tianran. Emerging Capabilities? The Unflown SLBMs of the DPRK // Open Nuclear Network, 25.07.2022. URL: <https://opennuclear.org/publication/emerging-capabilities-unflown-slbms-dprk> (accessed 10.10.2023).

Анастасия Олеговна БАРАННИКОВА, канд. ист. наук, научный сотрудник Научной лаборатории пространственной логистики Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток, Россия, e-mail: aobarannikova@gmail.com

Anastasia O. BARANNIKOVA, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Research Laboratory of Spatial Logistics, Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, e-mail: aobarannikova@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 17.03.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 02.06.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Развитие ядерной энергетики в Северо-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы

Максим Валерьевич КОРНИЮК

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, maksim030400@yandex.ru

Аннотация. В статье даётся обзор становления и развития атомной отрасли в странах Северо-Восточной Азии: Китая, Японии, Республики Корея и Тайваня. Анализируется влияние аварии на АЭС "Фукусима-1" в 2011 г. на перспективы развития атомной энергетики в США. Также даётся характеристика политики стран региона в области развития "мирного атома" и изучается их экспортный потенциал в данной сфере. Делается вывод о том, что "синдром Фукусимы" не оказал фатального влияния на развитие ядерной энергетики стран региона.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, КНР, Япония, Республика Корея, Тайвань, атомная электростанция, ядерный реактор, ядерная энергия

Для цитирования: Корниук М.В. Развитие ядерной энергетики в Северо-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 85–96. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/85-96>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/85-96>

Nuclear energy development in Northeast Asia: history, trends, prospects

Maksim V. KORNIYUK

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, maksim030400@yandex.ru

Abstract. The article provides an overview of the formation and development of the nuclear industry in the countries of Northeast Asia: China, Japan, the Republic of Korea, and Taiwan. The impact of the accident at the Fukushima-1 nuclear power plant in 2011 on the prospects for the development of nuclear energy in Northeast Asia is analyzed. A description of the policies of the countries of the region in the field of development of the "peaceful atom" is also given and their export potential in this area is studied. It is concluded that the "Fukushima syndrome" did not have a fatal impact on the development of nuclear energy in the countries of the region.

Keywords: Northeast Asia, China, Japan, Republic of Korea, Taiwan, nuclear power, plant, nuclear reactor, nuclear energy

For citation: Korniyuk M.V. Nuclear energy development in Northeast Asia: history, trends, prospects // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 85–96. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/85-96>

Введение

В период бурного экономического роста четыре развитые экономики – КНР, Япония, Республика Корея и Тайвань – сталкивались с необходимостью увеличения генерации электроэнергии при динамично растущем её потреблении. За исключением Китая, обладающего значительными запасами угля, страны США не имеют значимых запасов ископаемых энергоносителей, поэтому атомная генерация явилась для них одним из возможных выходов. Кризис 2022 г., вызвавший скачки цен на энергоносители, и растущая напряженность вокруг "тайваньской проблемы", ставящая под вопрос безопасность логистики в регионе, показали уязвимость зависимости от масштабного импорта ископаемого топлива. Кроме того, развитая атомная энергетика позволяет в случае необходимости быстро создать ядерное оружие. Это особенно актуально для таких стран, как Япония и Южная Корея. В статье будет рассмотрено состояние ядерной отрасли стран США, проанализированы возможности в сфере экспорта ядерных технологий и дана оценка влияния аварии на АЭС "Фукусима-1" на развитие атомной энергетики в Китае, Японии, Республике Корея и Тайване.

Китай

История ядерной энергетики в США берет своё начало с китайской ядерной программы. Во время холодной войны первоначальная мотивация Пекина к развитию ядерной энергетики была обусловлена соображениями безопасности. Между 1950 и 1958 гг. развитие атомной отрасли в Китае во многом зависело от сотрудничества с СССР. 29 апреля 1955 г. был подписан "Советско-китайский договор о сотрудничестве в атомной сфере", согласно которому, в частности, СССР поставил Китаю экспериментальный реактор и циклотрон для ядерных исследований, а китайские студенты начали прибывать в Советский Союз для участия в совместных исследованиях.

В июне 1959 г. СССР официально прекратил любую форму ядерной помощи Китаю, отозвав технических специалистов. В целом в 1960-е годы Китай сделал акцент именно на военной составляющей ядерных исследований, что дало свои плоды: 16 октября 1964 г. было проведено успешное испытание ядерной бомбы, а 17 июня 1967 г. – водородной.

Отправной точкой развития "мирного атома" в Китае стало 8 февраля 1970 г. В этот день по результатам общения с властями города Шанхая, сообщившими о дефиците электроэнергии на протяжении зимы, премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем было принято историческое решение о развитии атомной энергетики [33].

Отставание страны в области технологий АЭС привело к решению использовать иностранный опыт. В 1978 г. был дан старт двум проектам – началось проектирование АЭС "Циньшань" и АЭС "Даявань". Первая была создана по китайским технологиям, на её блоке №1 установлен реактор CNP-300, а вторая – в сотрудничестве с французскими специалистами с использованием импортных реакторов M310 [1]. Станции были введены в эксплуатацию в 1991 и 1994 гг. соответственно. Эти проекты определили развитие атомной энергетики Китая на десятилетия вперёд.

1990-е годы стали временем кризиса в атомной сфере: случилась разрушительная авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 г. Возникший скепсис в отношении мирного атома не обошёл стороной и Китай – согласование новых проектов было приостановлено почти на десять лет. В 1996 и 1998 гг. началось сооружение АЭС "Циньшань-2" и АЭС "Циньшань-3", использующих китайские реакторы. Продолжалось сотрудничество и с иностранными поставщиками: на АЭС "Линьао", строительство которой началось в 1997 г., было принято решение установить французские реакторы, а на АЭС "Тяньвань", сооружение которой стартовало в 1999 г., – российские [20]. В целом данный период характеризовался средними темпами развития атомной отрасли.

Развитие ядерной энергетики в Китае на современном этапе характеризуется следующими трендами.

Во-первых, к середине 2000-х годов стала заметна неспособность Китая в полной мере обеспечить себя энергоносителями. Так, например, в 2007 г. впервые импорт угля превысил его экспорт. Наряду с этим всё острее вставал вопрос загрязнения окружающей среды, негативно влияющий как на уровень жизни в стране, так и на её международный имидж. 11-й пятилетний план (2006–2010 гг.) включал конкретные положения по охране окружающей среды, которые предусматривали 20-процентное снижение энергопотребления на одну единицу ВВП [14, р. 5]. Кроме того, в него было заложено строительство 14 реакторов. В целом в период начиная с 2005 г. по настоящее время совокупная мощность АЭС страны возростала быстрыми темпами.

Во-вторых, к этому времени оформилась стратегия локализации реакторов, заключающаяся в следующем: на начальном этапе Пекин стремится продемонстрировать преимущества китайского рынка и привлечь к сотрудничеству зарубежные компании. После заимствует технологии и создает решения, свободные от иностранных авторских прав, параллельно стремясь к максимальной локализа-

ции компонентов и ресурсной базы. Финальной частью стратегии является выход на внешние рынки.

Так, подобную цепочку можно построить для французского реактора М310. После завершения строительства АЭС "Даявань" КНР заключила ещё один контракт с французской стороной на сооружение двух блоков АЭС "Линьао-1" с использованием реактора этой же модели. Однако в этом проекте уже частично использовались китайские комплектующие, их доля составила 30% [13, р. 968]. Следующим этапом стало создание собственной вариации проекта М310, получившей название CPR-1000. Данная модель всё ещё являлась французской интеллектуальной собственностью, однако общая степень локализации оборудования выросла с 50% для первого энергоблока АЭС "Линьао-2" до 85% на четвёртом энергоблоке АЭС "Ниндэ" [20]. В ходе дальнейшего развития проекта была разработана модель АСРР-1000, уже являющаяся китайской интеллектуальной собственностью. Предполагалось, что данная модель будет использоваться как в АЭС Китая, так и поставляться на экспорт, однако авария на АЭС "Фукусима-1" заставила китайское руководство пересмотреть свои планы. В качестве второго примера можно привести историю модели Хуалун-1. В ней сочетаются технические решения уже упоминаемого реактора АСРР-1000 с конструкцией АСР-1000, которая, в свою очередь, ведёт своё начало от первых блоков АЭС "Циньшань" [10]. Данная модель поставляется на экспорт и используется на двух энергоблоках пакистанской АЭС "Карачи" [3, с. 129]. В феврале 2022 г. был также заключён контракт с Аргентиной на сооружение АЭС "Атуча-3" с использованием реактора Хуалун-1 [9].

Итого на декабрь 2023 г. КНР располагает 55 реакторами установленной мощностью 56,91 ГВт, ещё 27 реакторов суммарной мощностью 28,88 ГВт находятся в стадии сооружения. Ядерная энергетика составляет 1,95% от всей установленной мощности генерации страны, равной 2919,65 ГВт [34]. Авария на АЭС "Фукусима-1" вызвала сдержанную реакцию Пекина. Госсоветом было принято решение провести комплексные проверки безопасности на действующих и строящихся АЭС. Временно было приостановлено одобрение новых площадок, но о приостановке эксплуатации и тем более закрытии атомных станций речи не шло. Правительство КНР продолжает рассматривать ядерную энергетiku в качестве неотъемлемого компонента в обеспечении энергобезопасности страны и имеет амбициозные планы по её дальнейшему развитию. Ожидается, что общая мощность введённых в эксплуатацию энергоблоков Китая к 2030 г. достигнет 130 ГВт, к 2035 г. – 170 ГВт, а к 2050 г. – 340 ГВт, а их доля от общей установленной мощности всех станций в стране соответственно составит 4,5%, 5,1% и 6,7% [3, с. 136]. Китай не отказался от планов по дальнейшему развитию атомной энергетики, однако есть основания полагать, что руководство страны скорректировало приоритеты в сторону большего развития возобновляемой энергетики. Так, с 2013 г. по 2023 г. мощность атомной генерации выросла в 3,9 раза, ветряной – в 5,8 раза, солнечной – в 41, 2 раза, составив, соответственно 56,91, 441,34 и 609,49 ГВт [34].

Япония

Атомная отрасль Японии начала своё развитие в 1954 г. после решения парламента о выделении 230 миллионов иен на ядерные исследования. Это решение стало возможным благодаря дипломатической подготовке, включавшей подписание Сан-Францисского мирного договора и ряда японо-американских соглашений, снявших возражения США относительно ядерных исследований в Японии [5, с. 2]. В 1955 г. был принят Основной закон об атомной энергии, ограничивающий использование ядерных технологий в мирных целях. В июле 1957 г. Япония присоединилась к МАГАТЭ.

Первым реактором, производящим электроэнергию в Японии, был прототип кипящего реактора – Японский энергетический демонстрационный реактор (JPDR), который работал с 1963 по 1976 гг. [16]. Первым коммерческим реактором, введенным в эксплуатацию на первом энергоблоке АЭС "Токай" в июле 1966 г., стал британский Магнох мощностью 160 МВт, разработанный компанией GEC. Предполагалось, что он станет основой реакторного парка страны, однако на эта-

пе строительства был выявлен ряд технических недостатков, устранение которых привело к значительному удорожанию АЭС "Токай-1", вследствие чего дальнейшее осуществление данного плана было признано экономически нецелесообразным. Описанные трудности побудили японское правительство переориентироваться на американские технологии легководных реакторов (LWR). [2, с. 27–28]. В дальнейшем в Японии строились только реакторы двух подвидов данной технологии: кипящие водо-водяные реакторы (BWR) и водо-водяные реакторы под давлением (PWR) [21].

Активный рост японской экономики в 1970-е, 1980-е и первой половине 1990-х годов диктовал необходимость увеличения мощностей электрической генерации, поэтому в эти годы темпы ввода в строй новых энергоблоков были высокими. Если в 1966 г. доля АЭС в энергобалансе страны составляла 0,3%, то в 1987 – уже 14,4.% [2, с. 19]. Однако во второй половине 1990-х годов ряд неблагоприятных факторов замедлил прогресс в японской ядерной отрасли. Их можно разделить на внешние и внутренние – к первым относятся нарастание радиофобии в мире из-за произошедшей в 1986 г. аварии на Чернобыльской АЭС; вопросы, связанные с увеличением числа ядерных отходов и проблемами их безопасной утилизации; тренд на развитие возобновляемой энергетики. К внутренним – сложности подбора удовлетворяющих всем требованиям сейсмической безопасности площадок для строительства новых АЭС; внедрение энергосберегающих технологий; снижение цен на нефть в 1990-х годах и начало закупок сжиженного природного газа; общее снижение темпов экономического роста страны. Результатом этого стало то, что японская ядерная отрасль в 1996 г. "вышла на плато", и в следующие 15 лет прирост мощности практически прекратился.

Начало 2010-х годов японская ядерная энергетика встретила в следующем состоянии: действовало 17 АЭС, общее количество энергоблоков на них составляло 54. Установленная мощность данных станций составляла 42,56 ГВт [21].

Событием, в корне изменившим положение дел и нанесшим серьёзнейший урон японской ядерной энергетике, стала произошедшая 11 марта 2011 г. авария на АЭС "Фукусима-1". Правительством было принято решение об остановке всех реакторов и ужесточен спектр нормативных требований к атомной отрасли. Возможность потенциального перезапуска АЭС призвано было оценивать Управление по ядерному регулированию (NRA) – новый регулятор, созданный в рамках реформы отрасли [19].

Демократическая партия, имевшая в то время большинство в парламенте и известная своим скептическим отношением к ядерной энергетике, приняла решение отказаться от неё к 2040 г. Проведённые через несколько месяцев после аварии соцопросы зафиксировали значительное увеличение доли респондентов, выступающих за отказ от ядерной энергетике [26].

В то же время некоторые эксперты отмечали, что для Японии стратегически невыгодно полностью отказываться от развития мирного атома. В частности, Д.В. Стрельцов в 2012 г. указывал на необходимость сохранения АЭС для поддержания технологического потенциала в ядерной области как для внутренних проектов, так и с прицелом на международный рынок. Он также отмечал, что "развитие атомной энергетике является для Японии сознательной формой сохранения потенциала создания ядерного оружия в случае непредсказуемого развития ситуации" [6, с. 112–113].

Дальнейшее развитие событий во многом подтвердило эти соображения. Так, уже на следующих парламентских выборах, прошедших 16 декабря 2012 г., к власти вернулась Либерально-демократическая партия, взявшая курс на постепенное возрождение японской ядерной энергетике. В 2014 г. был принят Четвёртый стратегический энергетический план, согласно которому доля АЭС в производстве электроэнергии к 2030 г. должна достичь 20–22%. Данное решение было позже подтверждено также в Пятом (2018 г.) и Шестом (2021 г.) стратегических энергетических планах [25, р. 12]. В августе и октябре 2015 г. были перезапущены первые 2 реактора. На январь 2024 г. возвращены в эксплуатацию 12 энергоблоков, а еще

14 действующих реакторов находятся на различных стадиях процесса утверждения перезапуска [21]. С 2010 г. ведётся сооружение АЭС "Ома", однако сроки введения в эксплуатацию постоянно переносятся.

Основным экспортным предложением Японии в сфере ядерной энергетики являются Улучшенные кипящие водяные реакторы (ABWR), предлагаемые компаниями GE Hitachi Nuclear Energy и Toshiba и Экономичные упрощенные кипящие ядерные реакторы (ESBWR), разработанные GE Hitachi Nuclear Energy. Последние также имеют уменьшенную разновидность BWRX-300.

Реакторы модели ABWR установлены на нескольких АЭС в самой Японии, планировалось их использование на АЭС "Лунгмень" (Тайвань) и АЭС Саус-Тексас (США), однако работа над обоими проектами была прекращена – в первом случае из-за решения правительства Тайваня об отказе от ядерной энергетики, а во втором из-за невозможности найти инвесторов [29; 30]. С реакторами моделей ESBWR и BWRX-300 связано больше перспективных проектов: 31 мая 2017 г. Комиссия по ядерному регулированию США выдала лицензию на сооружение энергоблока № 3 АЭС "Норт Анна" с использованием такой модели реактора; 2 декабря 2021 г. компания Ontario Power Generation выбрала BWRX-300 SMR для использования на АЭС "Дарлингтон" с предварительным сроком ввода в эксплуатацию в 2028 г.; 17 декабря 2021 г. было объявлено о планах разместить в Польше не менее 10 реакторов BWRX-300 в начале 2030-х годов; 14 марта 2022 г. Kärnfull Future AB подписала Меморандум о взаимопонимании с GE Hitachi Nuclear Energy о развертывании BWRX-300 в Швеции; 27 июня 2022 г. Saskatchewan Power Corporation выбрала BWRX-300 SMR для потенциального развертывания в Саскачеване в середине 2030-х годов; 8 февраля 2023 г. компания Fermi Energia AS выбрала BWRX-300 SMR для строительства АЭС в Ляэне-Вирумаа (Эстония) [4].

Республика Корея

Республика Корея начала проявлять интерес к ядерной энергетике в 1956 г., когда с США было заключено Соглашение "О сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии". В 1957 г. Республика Корея стала членом МАГАТЭ, а в 1958 г. был принят Закон об атомной энергии. На этом этапе страна всецело полагалась на США в развитии своей ядерной отрасли. Первый исследовательский реактор Южной Кореи, TRIGA Mark-II мощностью 100 кВт, начавший свою работу в 1962 г., был спроектирован американской компанией General Atomics. Кроме того, американская сторона контролировала весь ход сооружения объекта и взяла на себя половину расходов по данному проекту [17, p. 97]. В 1972 г. был запущен в эксплуатацию второй исследовательский реактор TRIGA Mark-III мощностью уже 2 МВт (2000 кВт) [17, p. 97–98].

В 1972 г. началось сооружение первой атомной станции страны – АЭС "Кори", а в 1978 г. первый её энергоблок был введён в эксплуатацию. Данный проект также был претворен в жизнь иностранным подрядчиком – американской компанией Westinghouse Electric Corporation [17, p. 100–102]. До конца XX века в строй были введены 16 энергоблоков, развитие атомной отрасли Южной Кореи на данном этапе отличало стремление к поэтапному сокращению участия иностранных компаний и к диверсификации поставщиков оборудования ради большей энергобезопасности. В частности, при сооружении первых четырёх энергоблоков АЭС "Большон" выбор был сделан в пользу тяжеловодных водо-водяных ядерных реакторов (тип PHWR, модель CANDU) производства Канады [32], а первые два энергоблока АЭС "Хануль" построены с использованием французских реакторов (тип PWR, модель France CPI) [15]. К середине 1980-х годов правительство Южной Кореи поставило задачу по созданию "национального" реактора. В качестве прототипа было выбрано решение американской компании Combustion Engineering – реактор модели System 80 (тип PWR). Необходимые лицензии были приобретены в 1987 г., на основе упомянутой выше модели был разработан реактор KSNP (Korean Standard Nuclear Power Plant, с 2005 г. носит название OPR-1000) [17, p. 106, 109]. 31 марта 1995 г. данный реактор впервые был введён в эксплуатацию на третьем энергоблоке АЭС "Ханбит". На всех энергоблоках, сооружённых после 2000 г., использу-

ются локализованные реакторы типа PWR модели OPR-1000 или её усовершенствованной разновидности APR-1400.

Ядерная энергетика Республики Корея продолжила своё динамичное развитие и в XXI веке. В 2000–2010 в строй были введены 4 энергоблока; принятый при президенте Ли Мёнбаке в 2010 г. Пятый базовый план спроса и предложения на электроэнергию (на 2010–2024 гг.) предполагал сооружение 14 новых энергоблоков к 2024 г. [35, p. 28]. В 2010-х годах, однако, отрасль столкнулась с вызовами – уже упомянутая на страницах данной работы авария на японской АЭС "Фукусима-1" повлекла масштабные проверки южнокорейских АЭС на предмет соблюдения протоколов безопасности. Возросла и радиофобия в южнокорейском обществе – в этом отношении показателен опрос жителей города Самчхок, где планировалось возведение новой атомной электростанции: если в марте 2011 г. (до катастрофы в Японии), 75 % респондентов высказались в поддержку размещения АЭС в своем городе, то уже семь месяцев спустя уровень одобрения проекта упал до 50 % [24]. Следующее замедление темпов развития отрасли связано с приходом в 2017 г. к власти президента Мун Чжэина, предвыборным обещанием которого был поэтапный отказ от ядерной энергетики. Основные положения его политики в энергетической сфере предполагали развитие энергетики с ориентацией на производство электроэнергии с помощью возобновляемых источников и сжиженного природного газа.

Однако довольно быстро стало понятно, что планы правительства подрывают стабильность национальной энергосистемы, они не оправданы с экономической точки зрения и не способствуют борьбе с изменением климата. Правительство президента Юн Согёля, занявшего свой пост в мае 2022 г., осознавая недочеты энергетического курса прошлой администрации и принимая во внимание нестабильную ситуацию на мировом энергетическом рынке, отказалось от планов по сокращению использования атомной энергии. Более того, новый президент возлагает большие надежды на развитие атомной энергетики, уделяя особое внимание поддержке экспорта достижений южнокорейского "мирного атома". На начало 2024 г. страна располагает 26 реакторами установленной мощностью 25,83 ГВт, ещё 2 реактора суммарной мощностью 2,68 ГВт находятся в стадии сооружения [22].

Республика Корея имеет два основных экспортных продукта в атомной сфере. Первый – реактор модели APR-1400. На территории самой Южной Кореи эксплуатируется 4 энергоблока с его использованием, 2 строятся, 2 находятся на согласовании. Четыре реактора этой модели используются на АЭС "Барака" в ОАЭ. [11]. Основной недостатком данных реакторов заключается в зависимости от американской интеллектуальной собственности (Combustion Engineering, на разработках которой был создан OPR-1000, предшественник APR-1400, была поглощена Westinghouse Electric). Судебные разбирательства с Westinghouse Electric и необходимость получения одобрения Министерства энергетики США на экспорт технологий тормозят потенциал данного проекта и могут помешать реализации планов по строительству АЭС южнокорейского проекта в Чехии и Польше [31]. Вторым экспортным продуктом является малогабаритный реактор SMART (System-integrated Modular Advanced Reactor). На момент написания настоящей работы реакторы этой модели ещё нигде не эксплуатируются, в качестве одной из первых площадок рассматривается канадская провинция Альберта. Также озвучиваются планы выхода на рынки США, Индии и Узбекистана [8].

Тайвань

Интерес тайваньского правительства к ядерным исследованиям возник почти сразу после поражения Чан Кайши и его сил в гражданской войне. Он был связан с амбициями по возвращению контроля над материковым Китаем и относился в первую очередь к военным атомным технологиям. На этом этапе гражданская ядерная программа рассматривалась правительством острова как своего рода "прикрытие" для военных исследований. В 1955 г. Тайвань и США достигли соглашения о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии, что по-

зволило Тайбэю получить ключевые технологии и отправить ученых и военных за границу для обучения. В 1968 г. был учрежден Институт исследований ядерной энергии (INER), который был тесно связан с военными, хотя правительство публично настаивало на том, что его деятельность носит исключительно гражданский характер. В 1969 г. Тайвань приобрел у Канады, а в 1973 г. ввёл в эксплуатацию исследовательский тяжеловодный реактор, позволявший нарабатывать оружейный плутоний [28, p. 101]. Военные ядерные исследования не являются объектом исследования настоящей работы, а потому относительно них лишь отметим, что под давлением США все они были свёрнуты к 90-м годам XX века.

Проект первой атомной станции Тайваня – АЭС "Цзиньшань" был одобрен в августе 1969 г. В 1970 г. для неё были приобретены два реактора типа BWR-4 производства американской компании General Electric мощностью 636 МВт каждый [18, p. 159, 162]. Оба энергоблока были введены в эксплуатацию в 1977 и 1978 гг. Нефтяной кризис 1973 г. продемонстрировал, насколько опасна зависимость от импорта ископаемых энергоресурсов, и ускорила процесс одобрения строительства новых станций – в 1975 г. началось строительство АЭС "Куошен". Два её реактора типа BWR-6 производства General Electric мощностью 985 МВт каждый были введены в эксплуатацию в 1981 и 1982 гг. В 1984 и 1985 гг. на юге острова были сооружены два энергоблока АЭС "Мааншань", использующие два реактора типа PWR мощностью 937 МВт каждый [23]. В 1985 был достигнут пик установленной мощности АЭС страны – 5,05 ГВт [18, p.162].

Динамичное развитие "мирного атома" на Тайване было остановлено политическими изменениями, произошедшими на острове в середине 1980-х годов. В 1987 г. было отменено военное положение и начат процесс демократизации. В авангарде этого процесса встала сформированная в 1986 г. Демократическая Прогрессивная Партия (ДПП). Изменения в политической жизни Тайваня происходили одновременно с мировым кризисом в сфере "мирного атома", вызванным аварией на Чернобыльской АЭС. Молодая партия воспользовалась этим, сделав противодействие ядерной энергетике одним из пунктов своей программы. В 1990-е годы основным объектом политической дискуссии о будущем энергетике острова стало строительство четвертой атомной станции Тайваня – АЭС "Лунгмень". Предполагалось строительство двух энергоблоков с реакторами третьего поколения типа ABWR японского производства. Общая мощность данной АЭС должна была составить 2700 МВт, что сделало бы её крупнейшей в Тайване. Сооружение началось в 1999 г., однако пришедший к власти на президентских выборах 2000 г. представитель ДПП Чэнь Шуйбянь заморозил строительство. Гоминьдан, сохранявший на тот момент контроль над парламентом, начал давление на президента, парализовав работу исполнительной власти. Это вынудило ДПП пойти на уступки, в результате чего строительство станции было возобновлено [23].

Противостояние ДПП и Гоминьдана вновь обострилось в 2011 г. после аварии на АЭС "Фукусима-1". ДПП настаивала на необходимости срочно переходить на возобновляемые источники энергии. Опасаясь общественных волнений, теперь уже Гоминьдан и находившийся в тот период на президентском посту его представитель Ма Инцзю были вынуждены пойти на уступки и остановить строительство АЭС "Лунгмень", хотя на тот момент первый энергоблок уже был готов к пуску. В апреле 2014 г. первый энергоблок АЭС был законсервирован, а строительство второго было заморожено [29]. В 2016 г. на президентских выборах одержала победу кандидат от ДПП Цай Инвэнь. Одним из пунктов её предвыборной программы был полный отказ от использования АЭС к 2025 г. Вскоре, однако, выяснилось, что реализовать эти планы без ущерба для энергосистемы будет непросто. На 2016 г. доля атомной энергии в энергобалансе страны составляла 13,5%. Компенсировать столь значительный выпадающий объём генерации развитием "зелёной" энергетике не удалось – на острове стали возникать перебои с электроэнергией. Перед ДПП встал выбор: либо продолжать реализовывать декларируемую политику в энергетической сфере, подвергая дальнейшим рискам экономику и энергобезопасность; либо пересмотреть планы, рискуя оттолкнуть часть электората.

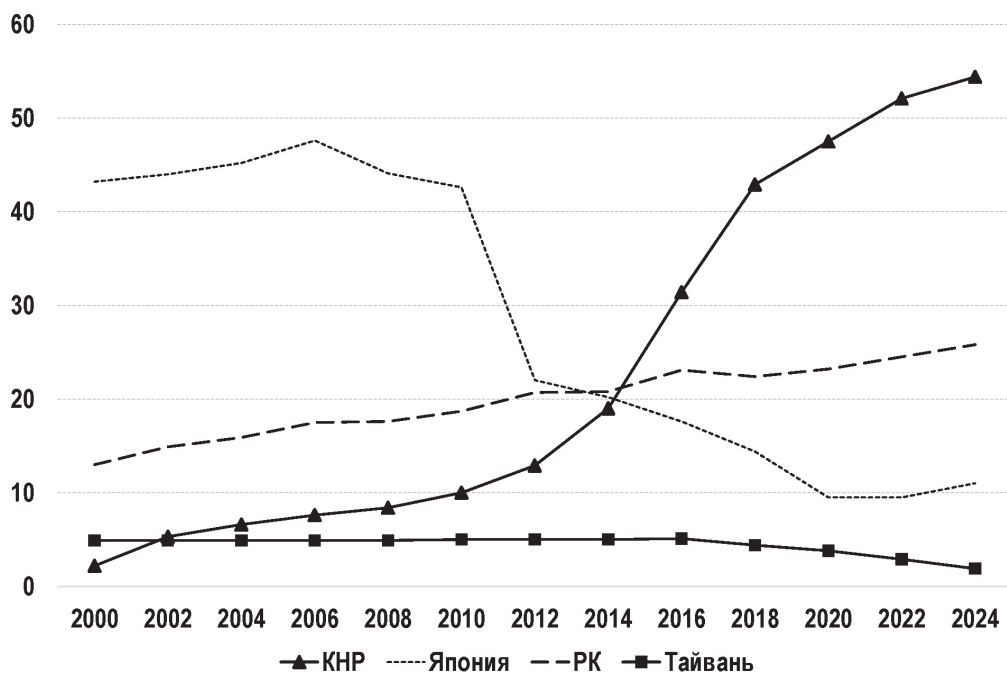

Рис. 1. Динамика суммарной мощности АЭС стран СВА в 2000–2024 гг. (в ГВт).

Источник: [20; 21; 22; 23].

Fig. 1. Dynamics of the total capacity of Northeast Asia countries nuclear power plants in 2000–2024 (in GW).

Source: [20; 21; 22; 23].

Было принято решение о проведении референдума, который состоялся 24 ноября 2018 г. параллельно с выборами в местные органы самоуправления. На референдуме большинство граждан высказалось против отказа от ядерной энергетики, а на региональных выборах победу одержал Гоминьдан. В итоге парламент пообещал отменить план по отказу от АЭС к 2025 г [7].

Тем не менее тайваньское общество осталось в значительной степени разделённым по этому вопросу, а принятое в 2018 г. решение не стало окончательным. На последнем на данный момент референдуме по вопросу ввода в эксплуатацию законсервированной АЭС "Лунгмень", состоявшемся 18 декабря 2021 г., большинство граждан не поддержало эту инициативу [27]. 40-летние сроки эксплуатации энергоблоков АЭС "Цзиньшань" и АЭС "Куошен" истекли и в отсутствие заявок на продление срока службы они были закрыты в 2018–2019 и 2021–2023 гг. соответственно. Сроки эксплуатации энергоблоков АЭС "Мааншань" истекают 26 июля 2024 г. и 17 мая 2025 г., заявки на продление по ним также не были поданы.

Во время президентской гонки 2024 г. основные оппозиционные партии Тайваня выступали за возобновление эксплуатации выведенных из эксплуатации АЭС. Избранный от партии ДПП президент Лай Циндэ намерен продолжать энергетическую политику своей предшественницы, однако и он заявил о возможности использования атомной энергии при решении проблем безопасности и утилизации ядерных отходов [12]. Отказ от ядерной энергетики может сделать Тайвань более уязвимым в эпоху повышенной геополитической напряженности, так как повышает зависимость от внешних поставщиков и морских торговых путей. Тем не менее Тайвань ещё сохраняет возможность пересмотреть отношение к ядерной энергетике, однако времени для такого шага остается всё меньше.

Заключение

Общая динамика ядерной энергетики в СВА представлена на рисунке 1. График наглядно иллюстрирует тенденции, изложенные в основной части работы, а именно: устойчивый рост, ставший близким к экспоненциальному в Китае в 2012–2018 гг. с некоторым замедлением в более поздний период; стагнацию с резким снижением из-за аварии на АЭС "Фукусима-1" в Японии; планомерное увеличение мощности в Республике Корея; застой, а затем и снижение мощностей атомной генерации на Тайване из-за доминирования противников ядерной энергетики.

Наблюдаемые тенденции позволяют заявить о смене лидеров в развитии ядерной энергетики в СВА к середине 2010-х годов. Безоговорочное первенство в отрасли занял Китай. В абсолютных цифрах мощность его атомной генерации значительно больше, чем у любой другой страны в СВА. Однако в масштабах страны ядерная энергетика давно уступила "зелёной".

Стратегические соображения, такие как необходимость диверсифицировать сектор электроэнергетики и защититься от скачков цен на энергоресурсы в связи с обострениями международной обстановки, желание сохранить позиции на высококонкурентном рынке экспорта атомных технологий, а также стремление сохранить потенциал для перспективы создания ядерного оружия, перевесили общественные опасения и продиктовали необходимость сохранения атомной энергетики в Японии и Республике Корея. Но если в Южной Корее правительству удалось воздержаться от резких шагов, то в Японии большая часть мощностей была выведена из эксплуатации.

Указанные страны всё более активно включаются в конкуренцию на перспективных рынках с пионерами отрасли – Россией, США и Францией. Позиция Тайваня несколько выбивается из этого ряда, однако и там высшее политическое руководство оставляет за островом право вернуться к ядерной энергетике в случае серьёзных угроз национальной безопасности. Дополнительным фактором в пользу отказа от АЭС на Тайване могло послужить отсутствие экспортного потенциала – на острове использовались исключительно импортные реакторы, вследствие чего в роли экспортёра атомных технологий он никогда не выступал.

В целом мы можем говорить о том, что "синдром Фукусимы" оказал значительное, однако не фатальное влияние на атомную отрасль региона. Указанный процесс подорвал позиции прежнего лидера – Японии, однако наиболее ярко его негативное воздействие проявилось на Тайване.

Литература

1. Гончарук А. В. Атомная отрасль Китая: Новый большой скачок? // Индекс безопасности. 2011. № 4. С. 77–88.
2. Доценко В.Н. Атомная энергетика Японии: Техничко-экономические и социальные аспекты. М.: Наука, 1989. 176 с.
3. Заглязьминская Е. О. Экспорт ядерно-энергетических технологий КНР: между политикой и экономикой / Е. О. Заглязьминская, В. А. Сычев // Россия и АТР. 2021. № 2. С. 121–141.
4. Новости – BWRX-300 // Информационный портал Атомная энергия 2.0. URL: <https://www.atomic-energy.ru/BWRX-300> (дата обращения: 15.04.2024).
5. Пасмурцев А. В. Атомная энергетика Японии во второй половине XX- начале XXI в.: динамика развития, достижения и проблемы // Вестник центра изучения международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе. Т. 5. Хабаровск: Издательство ТОГУ, 2021. С 31–43.
6. Стрельцов Д.В. Уроки Фукусимы: куда пойдет развитие национальной электроэнергетики? // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №1. С. 108–113.
7. Aspinwall N. Cabinet Says It Will Cancel Plan to Abolish Nuclear Energy by 2025 // The News Lens: website. 06.12.2018. URL: <https://international.thenewslens.com/feature/bluewave/109658> (дата обращения: 15.04.2024).
8. Chang Dong-woo. Hyundai Engineering, KAERI sign MOU for small modular reactor export cooperation / Chang Dong-woo // Yonhap News. 12.12.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231212003500320> (дата обращения: 15.04.2024).
9. China inks \$8 bln nuclear power plant deal in Argentina // Reuters: website. 02.02.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/china-inks-nuclear-power-plant-deal-with-argentina-2022-02-02/> (дата обращения: 15.04.2024).

10. China's new nuclear baby // World Nuclear News. 02.09.2014. URL: <https://www.world-nuclear-news.org/E-Chinas-new-nuclear-baby-0209141.html> (дата обращения: 15.04.2024).
11. Ferziger J.H. Barakah nuclear plant's fourth unit connected to UAE grid / J.H.Ferziger // Circuit.news. 25.03.2024. URL: <https://circuit.news/2024/03/25/barakah-nuclear-plants-fourth-unit-connected-to-uae-grid/> (дата обращения: 15.04.2024).
12. Gov't will not rule out nuclear power if safety is guaranteed: DPP's Lai // Focus Taiwan. 19.10.2023. URL: <https://focustaiwan.tw/politics/202310190018> (дата обращения: 15.04.2024).
13. Guang Y., Wenjie H. The Status Quo of China's nuclear power and the Uranium Gap Solution // Energy Policy. 2010. № 2. С. 966–975.
14. Guidelines of the Eleventh Five-Year Plan for National Economic and Social Development // Asia Pacific Energy Portal. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/11th%20Five-Year%20Plan%20%282006-2010%29%20for%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20%28EN%29.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).
15. Hanul Nuclear Power Site // Korea Hydro Nuclear Power. URL: <https://nutech.khnp.co.kr/eng/contents.do?key=2002> (дата обращения: 15.04.2024).
16. JPDR (Japan Power Demonstration Reactor) // International Atomic Energy Agency Database. URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/ReactorDetails.aspx?current=333> (дата обращения: 15.04.2024).
17. Lee, T. J., Lee, Y. J. Technological Catching-up of Nuclear Power Plant in Korea: The Case of OPR1000 // Asian Journal of Innovation and Policy. 2016. № 1. P. 92–115.
18. Ness P. V., Gurtov M. Learning from Fukushima: Nuclear power in East Asia / P. V. Ness., M. Gurtov. Canberra, ACT.: ANU Press, 2017. 386 p.
19. New Japanese regulator takes over // World Nuclear News. 19.09.2012 URL: https://www.world-nuclear-news.org/rs-new_japanese_regulator_takes_over-1909125.html (дата обращения: 15.04.2024).
20. Nuclear Energy Information Library – China // World Nuclear Association Database. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power.aspx> (дата обращения: 15.04.2024).
21. Nuclear Energy Information Library – Japan // World Nuclear Association Database. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/japan-nuclear-power.aspx> (дата обращения: 15.04.2024).
22. Nuclear Energy Information Library – South Korea // World Nuclear Association Database. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/south-korea.aspx> (дата обращения: 15.04.2024).
23. Nuclear Energy Information Library – Taiwan // World Nuclear Association Database. URL: <https://world-nuclear.org/Information-Library/Country-Profiles/Others/Nuclear-Power-in-Taiwan> (дата обращения: 15.04.2024).
24. O'Donnell, Jill Kosch. Nuclear power in South Korea's Green Growth strategy // Council on foreign relations. 28.06.2013. URL: <https://www.cfr.org/report/nuclear-power-south-koreas-green-growth-strategy#chapter-title-0-3> (дата обращения: 15.04.2024).
25. Outline of Strategic Energy Plan, October, 2021 // Agency for Natural Resources and Energy. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/6th_outline.pdf (дата обращения: 15.04.2024).
26. Ramana M. V. Nuclear power and the public / M.V. Ramana // Bulletin of the Atomic Scientists. 03.08.2011. URL: <https://thebulletin.org/2011/08/nuclear-power-and-the-public/> (дата обращения: 15.04.2024).
27. Resumption of Fourth Nuclear Power Plant rejected // Taipei Times. 19.12.2021. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2021/12/19/2003769851> (дата обращения: 15.04.2024).
28. Solingen E. Nuclear Logics: Contrasting Paths in East Asia and the Middle East / E. Solingen. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2007. 424 p.
29. Taiwan to halt construction of fourth nuclear power plant // Reuters: website. 28.04.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSL3N0NJ08C/> (дата обращения: 15.04.2024).
30. Toshiba scraps project to build ABWRs in Texas // World Nuclear News. 31.05.2018. URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Toshiba-scraps-project-to-build-ABWRs-in-Texas> (дата обращения: 15.04.2024).
31. US stalls South Korea's NPP export plans // Nuclear Engineering International: website. 11.04.2023. URL: <https://www.neimagazine.com/news/newsus-stalls-south-koreas-npp-export-plans-10747925> (дата обращения: 15.04.2024).
32. Wolsong Nuclear Power Site // Korea Hydro Nuclear Power. URL: <https://nutech.khnp.co.kr/eng/contents.do?key=2001> (дата обращения: 15.04.2024).
33. 中国核工业65周年发展之路：从筚路蓝缕到完整核工业产业链 // 中国核电信息网, 2020年1月18日 = Путь развития атомной отрасли Китая к 65-летию: от тернистой дороги к полной производственной цепочке атомной отрасли, 1 января 2020 г. // Heneng.net.cn: сайт. URL: <http://www.heneng.net.cn/home/zc/infotwo/id/58078/sid/9/catId/162.html> (дата обращения: 15.04.2024).
34. 中华人民共和国2023年国民经济和社会发展统计公报, 2024年2月29日 = Статистический отчет об экономической и социальной деятельности КНР за 2023 год, 29 февраля 2024 г. // Национальное бюро статистики Китая: сайт. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228_1947915.html (дата обра-

щения: 15.04.2024).

35. 제5차 전력수급기본계획 (2010 ~ 2024년) // 지식 경제부. 2010. = 5-й Базовый план спроса и предложения на электроэнергию (2010–2024 гг.) // Министерство экономики и знаний РК. 2010.

References

1. Goncharuk A. V. Chinese nuclear industry: A new big leap? // Security index. 2011. No. 4. P. 77–88. (In Russ.).
2. Dotsenko V. N. Nuclear energy in Japan: Technical, economic, and social aspects. M.: Nauka, 1989. 176 p. (In Russ.).
3. Zakliazminskaia E. O., Sychev V. A. Export of China's nuclear power technologies: between politics and economy // Russia and the Pacific. 2021. No. 2. P. 121–141. (In Russ.).
4. News – BWRX-300 // Information portal Nuclear energy 2.0. URL: <https://www.atomic-energy.ru/BWRX-300> (accessed 15.04.2024) (In Russ.).
5. Pasmurcev A. V. Nuclear power industry in Japan in the second half of the XX – early XXI centuries: The dynamics of the development, achievements and challenges. Vol. 5. Khabarovsk: PNU Press, 2021. P. 31–43. (In Russ.).
6. Streltsov D. V. The Lessons of Fukushima: Where Will the National Power Industry Proceed in the Future? // MGIMO Review of International Relations. 2012. No. 1. P. 108–113. (In Russ.).
7. Aspinwall N. Cabinet Says It Will Cancel Plan to Abolish Nuclear Energy by 2025 // The News Lens: website. 06.12.2018. URL: <https://international.thenewslens.com/feature/bluewave/109658> (accessed 15.04.2024).
8. Chang Dong-woo. Hyundai Engineering, KAERI sign MOU for small modular reactor export cooperation / Chang Dong-woo // Yonhap News. 12.12.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231212003500320> (accessed 15.04.2024).
9. China inks \$8 bln nuclear power plant deal in Argentina // Reuters: website. 02.02.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/china-inks-nuclear-power-plant-deal-with-argentina-2022-02-02/> (accessed 15.04.2024).
10. China's new nuclear baby // World Nuclear News. 02.09.2014. URL: <https://www.world-nuclear-news.org/E-Chinas-new-nuclear-baby-0209141.html> (accessed 15.04.2024).
11. Ferziger J.H. Barakah nuclear plant's fourth unit connected to UAE grid / J.H.Ferziger // Circuit.news. 25.03.2024. URL: <https://circuit.news/2024/03/25/barakah-nuclear-plants-fourth-unit-connected-to-uae-grid/> (accessed 15.04.2024).
12. Gov't will not rule out nuclear power if safety is guaranteed: DPP's Lai // Focus Taiwan. 19.10.2023. URL: <https://focustaiwan.tw/politics/202310190018> (accessed 15.04.2024).
13. Guang Y., Wenjie H. The Status Quo of China's nuclear power and the Uranium Gap Solution // Energy Policy. 2010. №2. – С. 966–975.
14. Guidelines of the Eleventh Five-Year Plan for National Economic and Social Development // Asia Pacific Energy Portal. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/11th%20Five-Year%20Plan%20%282006-2010%29%20for%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20%28EN%29.pdf> (accessed 15.04.2024).
15. Hanul Nuclear Power Site // Korea Hydro Nuclear Power. URL: <https://nutech.khnp.co.kr/eng/contents.do?key=2002> (accessed 15.04.2024).
16. JPDR (Japan Power Demonstration Reactor) // International Atomic Energy Agency Database. URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/ReactorDetails.aspx?current=333> (accessed 15.04.2024).
17. Lee, T. J., Lee, Y. J. Technological Catching-up of Nuclear Power Plant in Korea: The Case of OPR1000 // Asian Journal of Innovation and Policy. 2016. №1. P. 92–115.
18. Ness P. V., Gurtov M. Learning from Fukushima: Nuclear power in East Asia / P. V. Ness., M. Gurtov. Canberra, ACT.: ANU Press, 2017. 386 p.
19. New Japanese regulator takes over // World Nuclear News. 19.09.2012 URL: https://www.world-nuclear-news.org/rs-new_japanese_regulator_takes_over-1909125.html (accessed 15.04.2024).
20. Nuclear Energy Information Library – China // World Nuclear Association Database. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power.aspx> (accessed 15.04.2024).
21. Nuclear Energy Information Library – Japan // World Nuclear Association Database. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/japan-nuclear-power.aspx> (accessed 15.04.2024).
22. Nuclear Energy Information Library – South Korea // World Nuclear Association Database. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/south-korea.aspx> (accessed 15.04.2024).
23. Nuclear Energy Information Library – Taiwan // World Nuclear Association Database. URL: <https://world-nuclear.org/Information-Library/Country-Profiles/Others/Nuclear-Power-in-Taiwan> (accessed 15.04.2024).
24. O'Donnell, Jill Kosch. Nuclear power in South Korea's Green Growth strategy // Council on foreign relations. 28.06.2013. URL: <https://www.cfr.org/report/nuclear-power-south-koreas-green-growth-strategy#chapter-title-0-3> (accessed 15.04.2024).

25. Outline of Strategic Energy Plan, October, 2021 // Agency for Natural Resources and Energy. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/6th_outline.pdf (accessed 15.04.2024).
26. Ramana M. V. Nuclear power and the public / M.V. Ramana // Bulletin of the Atomic Scientists. 03.08.2011. URL: <https://thebulletin.org/2011/08/nuclear-power-and-the-public/> (accessed 15.04.2024).
27. Resumption of Fourth Nuclear Power Plant rejected // Taipei Times. 19.12.2021. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2021/12/19/2003769851> (accessed 15.04.2024).
28. Solingen E. Nuclear Logics: Contrasting Paths in East Asia and the Middle East / E. Solingen. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2007. 424 p.
29. Taiwan to halt construction of fourth nuclear power plant // Reuters: website. 28.04.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSL3N0NJ08C/> (accessed 15.04.2024).
30. Toshiba scraps project to build ABWRs in Texas // World Nuclear News. 31.05.2018. URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Toshiba-scraps-project-to-build-ABWRs-in-Texas> (accessed 15.04.2024).
31. US stalls South Korea's NPP export plans // Nuclear Engineering International: website. 11.04.2023. URL: <https://www.neimagazine.com/news/newsus-stalls-south-koreas-npp-export-plans-10747925> (accessed 15.04.2024).
32. Wolsong Nuclear Power Site // Korea Hydro Nuclear Power. URL: <https://nutech.khnp.co.kr/eng/contents.do?key=2001> (accessed 15.04.2024).
33. China's nuclear industry development path to the 65th anniversary: from the rough road to the complete nuclear industry supply Chain, January 1, 2020 // Heneng.net.cn: website. URL: <http://www.heneng.net.cn/home/zc/infotwo/id/58078/sid/9/catId/162.html> (accessed 15.04.2024) (In Chin.).
34. Statistical Bulletin of the People's Republic of China on National Economic and Social Development in 2023, February 29, 2024 // National Bureau of Statistics of China: website. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228_1947915.html (accessed 15.04.2024) (In Chin.).
35. The 5th Basic Plan for Electricity Supply and Demand (2010 ~ 2024) // Ministry of Knowledge Economy. 2010. (In Kor.).

Максим Валерьевич КОРНИЮК, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: maksim030400@yandex.ru

Maksim V. KORNIYUK, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: maksim030400@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 18.04.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 21.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Периодизация внешней политики КНР в отношении Центрально-Азиатского региона (1990–2024 гг.)

Денис Алексеевич БОРИСОВ

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, denisborisov@mail.ru

Лидия Анатольевна КАРМАНОВА

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, karm.lida@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен обзор развития внешнеполитических стратегий Китая в отношении стран Центральной Азии. Автор фокусируется на изменениях и трансформациях, произошедших в течение трех последних десятилетий. Основное внимание уделяется выявлению различных аспектов эволюции и постепенного укрепления политики КНР в отношении стран Центральной Азии. Выделены и рассмотрены четыре ключевых этапа развития и трансформации внешней политики Китая в отношении региона за последние 30 лет. Рассматривается развитие внешнеполитических устремлений КНР, связанных с развитием инфраструктурных проектов, укреплением экономических связей, а также активизацией сотрудничества с ЦА в сфере поддержания региональной безопасности. Утверждается, что с 2022 г. в условиях растущей международной напряженности Китай и страны Центральной Азии вступают в новую фазу развития межгосударственных взаимоотношений. Отмечено, что четвертый этап характеризуется не только укреплением традиционных сфер сотрудничества, но и появлением новых вызовов и возможностей, которые определяют будущую динамику в отношениях между КНР и центрально-азиатским регионом.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, внешняя политика, экономическое сотрудничество, этапы, безопасность, нестабильность, инфраструктура, энергетические ресурсы, инициатива "Один пояс, один путь"

Для цитирования: Борисов Д.А., Карманова Л.А. Периодизация внешней политики КНР в отношении Центрально-Азиатского региона (1990–2024 гг.) // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 97–108. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/97-108>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/97-108>

Periodization of China's foreign policy towards the Central Asian region (1990–2024)

Denis A. BORISOV

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, denisborisov@mail.ru

Lidiya A. KARMANOVA

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, karm.lida@yandex.ru

Abstract. This article provides an overview of China's foreign policy strategies towards Central Asian countries, focusing on changes and transformations that have occurred over the past three decades. The author emphasizes the identification of various aspects of the evolution and gradual strengthening of China's policy towards Central Asian countries. Four key stages of development and transformation in China's foreign policy towards the region over the last 30 years are identified and examined. The article explores the development of China's foreign policy aspirations related to infrastructure projects, the reinforcement of economic ties, and the intensification of cooperation with Central Asia in maintaining regional security. It is argued that, starting from 2022, amidst growing international tensions, China and Central Asian countries are entering a new phase in the development of their political and trade-economic relations. It is noted that the fourth stage is characterized not only by the consolidation of traditional areas of cooperation but also by the emergence of new challenges and opportunities that shape the future dynamics of relations between China and the Central Asian region.

Keywords: China, Central Asia, foreign policy, economic cooperation, stages, security, instability, infrastructure, energy resources, Belt and Road Initiative

For citation: Borisov D.A., Karmanova L.A. Periodization of China's foreign policy towards the Central Asian region (1990–2024) // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 97–108. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/97-108>

Введение

С началом XXI в. КНР становится ключевым и определяющим игроком в развитии стран региона Центральной Азии (ЦА), в чьих региональных процессах наблюдается усиление динамики отношений с восточным соседом. Возрастающий политико-экономический вес Китая вынуждает страны ЦА непременно учитывать китайский фактор при формировании стратегий внутренней и внешней политики. Об этом свидетельствуют некоторые документы внешнеполитического планирования центральноазиатских стран. Например, в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 гг. отмечается, что развитие всестороннего стратегического партнерства с КНР является приоритетом региональной и многосторонней дипломатии [10]. Таджикистан в своей Концепции внешней политики рассматривает взаимовыгодное сотрудничество с КНР как одну из важнейших задач политики на азиатском направлении [6].

Такие вопросы, как региональная безопасность, транспортная инфраструктура, модернизация экономики, энергетические вопросы и иные аспекты, требуют от центральноазиатских стран тесного взаимодействия с Китаем для достижения устойчивого и сбалансированного развития в ЦА. На протяжении более трех десятилетий КНР усиливает своё влияние, расширяет спектр межгосударственного взаимодействия, укрепляя позиции важного партнера в формировании политического и экономического ландшафта в этом регионе.

Более чем тридцатилетний период развития и трансформации внешней политики КНР в отношении ЦА можно разделить на четыре соответствующих этапа. Первым является этап 1990-х гг., который можно назвать "осмотрительность в установлении связей". В данный этап китайская внешняя политика была направлена на то, чтобы осмыслить новые реалии постсоветского будущего региона и осторожно выстроить дипломатические отношения для обеспечения стабильности и безопасности новой архитектуры межгосударственных отношений в регионе. Второй этап, следует обозначить как "участие через многосторонние институциональные механизмы", начинается в 2000-е гг. с началом становления в ЦА таких институциональных форматов, как ШОС, ставшей основным механизмом китайского участия в региональной повестке дня. Третий этап, который можно озаглавить "продвижение через инициативу "Один пояс, один путь"", начинается с выдвижения инициативы "Один пояс, один путь" и активного вовлечения ЦА в стратегические экономические и инвестиционные инициативы КНР. Наконец, четвертый этап, который именуется как "укрепление глобальных позиций в условиях нестабильности", начинается с 2020 г. и обусловлен сформированным Китаем форматом C5+1, когда на фоне растущей международной напряженности Китай стремится к пересмотру и укреплению своих позиций в регионе не только в экономической, но и в политической сфере.

Этап 1990-х годов: осмотрительность в установлении связей

Основной целью внешней политики Китая в начале 1990-х гг. стало формирование наиболее благоприятной международной обстановки и установление "пояса стабильности" вдоль всей китайской границы с целью обеспечения успешной реализации социально-экономических реформ. В течение длительного времени Китай рассматривал Центральную Азию главным образом в контексте общего комплекса отношений между Китаем и СССР. Традиционно Китай видел Центральную Азию как зону жизненно важных интересов России, на гегемонию которой он не претендовал [11, с. 76]. Однако развал СССР и образование нескольких независимых государств в Центрально-Азиатском регионе вынудило Китай пересмотреть свой подход к внешнеполитической стратегии в этом регионе.

Пекин стремился максимально избегать внутренних проблем Центральной Азии и фокусироваться на решении общих задач развития отношений между Китаем и странами региона. В основном это касалось установления дипломатических связей, совместного с Россией урегулирования вопросов безопасности и разработки согласованных подходов к проблемам регионального сепаратизма. В этой связи Китай стал одним из первых государств, официально признавших не-

зависимость стран региона, и в первую неделю января 1992 г. установил с ними дипломатические отношения.

По приглашению китайской стороны с февраля 1992 г. по октябрь 1993 г. главы пяти государств ЦА посетили Китай в рамках официальных визитов и подписали декларации о сотрудничестве, свидетельствующие о высоком уровне взаимопонимания. Пик дипломатической активности пришелся на весну 1994 г., когда премьер-министр КНР Ли Пэн провел турне по странам Центральной Азии. В течение 1992–1994 гг. Китай в целом заключил более 90 двусторонних межправительственных соглашений со странами Центральной Азии.

Несмотря на дипломатические успехи в отношениях со странами региона, в этот период правительство КНР по-прежнему склонно было рассматривать отношения с Россией и странами Центральной Азии как единое целое. В дополнение к развитию двусторонних связей, важным этапом в установлении непосредственно институционального сотрудничества между КНР и странами Центральной Азии стало формирование в 1992 г. рабочей группы в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Китая, известной как формат модели "4+1" [27, с. 36]. Группа фокусировалась на решении традиционных вопросов безопасности по поводу прохождения границ. В последствии такой многосторонний межгосударственный формат в 1996 г. был перезапущен в виде "Шанхайской пятерки", но по более широкой повестке безопасности. Инициированный Китаем переговорный процесс в рамках рабочей группы фокусировался на наиболее значимых для него аспектах безопасности, связанных с высоким уровнем военного присутствия в районах приграничья и усилением проявлений уйгурского сепаратизма. Катализаторами обеспокоенности Пекина стали массовые протесты уйгуров и киргизов против центрального правительства Китая в Барине 1990 г.

Первые документы, которые заложили фундамент для сотрудничества между пятью государствами в области безопасности, включают в себя Соглашение об укреплении военного доверия в районе границы, подписанное 26 апреля 1996 г. в г. Шанхай (установило обязательства по предотвращению военных действий и поддержке стабильности в районе границы, ограничения на использование вооруженных сил, проведение военных учений) [13], и Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанное 24 апреля 1997 г. в г. Москва (подтвердило стремление сократить вооруженные силы в районе границы на основе взаимной безопасности) [14].

В целях обеспечения региональной безопасности Китай стал более предметно налаживать сотрудничество со странами ЦА. К концу 1999 г. были налажены связи между спецслужбами и правоохранительными органами Китая и стран ЦА, после чего Китай стал постепенно оказывать региональным державам помощь военно-технического характера [24, с. 67].

Урегулирование спорных пограничных вопросов и совместное сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, национальным сепаратизмом и наркотической контрабандой с целью обеспечения безопасности региона также стало основой для работы формата "Шанхайской пятерки" [22]. Тем самым за достаточно короткий срок КНР стал активным участником формирующейся системы центральноазиатской безопасности.

Кроме вопросов безопасности, Китай также проявлял интерес к экономическим аспектам сотрудничества. К концу 1990-х гг. было подтверждено наличие значительных запасов нефти и газа в регионе, что сделало его важным источником энергоресурсов для удовлетворения растущих потребностей китайской экономики [7, с. 148]. Возникла необходимость четко определить долгосрочный энергетический интерес Китая к ЦА и сопутствующим территориям. Центральная Азия стала объектом увеличивающегося внимания также в рамках программы ускоренного развития центральных и западных провинций Китая [15, с. 149].

Так, к 1992 г. общий объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии составил 460 млн. долл [25, с. 113]. Этот показатель имеет научное и практическое значение, поскольку демонстрирует начальный этап развития

экономических связей на постсоветском пространстве. Особое внимание в этом аспекте заслуживает тот факт, что значительная часть этой суммы приходилась на торговлю с Казахстаном. Это подчеркивает геополитическую и экономическую значимость Казахстана в рамках данного регионального блока. Китай активно начал экспортировать широкий спектр потребительских товаров в страны Центральной Азии, что привело к насыщению потребительских рынков региона. Расширяя торговые связи с государствами Центральной Азии, КНР выражал свой интерес к энергетическим ресурсам, в частности, казахстанским. В период 1996–1997 гг. был реализован китайско-казахстанский проект по добыче нефти на западе Казахстана, а также подписан ряд соглашений о строительстве нефтепроводов и нефтеперерабатывающих предприятий.

Первый период внешней политики КНР в регионе можно охарактеризовать следующими акцентами: не проявляя своих общерегиональных политических амбиций, акцент на обеспечение традиционной безопасности и купирование локальных угроз новой безопасности в контексте узких национальных интересов вокруг "уйгурского вопроса" при локальном продвижении своих экономических интересов в энергетической сфере.

Этап 2001–2012 гг.:

участие через многосторонние институциональные механизмы

В 2001 г. конференционный формат "Шанхайской пятёрки" получил институциональное развитие – создание Шанхайской организации сотрудничества знаменовало начало нового этапа китайской политики в ЦА [4, с. 77]. ШОС стала ключевым инструментом для осуществления китайской общерегиональной стратегии в регионе, играя важную роль в процессе формирования сотрудничества в различных областях. Китай выступил не только в качестве одного из инициаторов совместно с Россией, но и ведущей силой в создании этой многопрофильной структуры [3, с. 24]. Важно, что предложенный многосторонний формат позволил всем странам-участницам ШОС деликатно подойти к решению вопросов безопасности, где проблемы религиозного экстремизма и сепаратизма с использованием террористических методов, исходящие от религиозных организаций, решались коллективно. Более того, инициативы РФ по обеспечению безопасности в деятельности ШОС, позволяя китайской стороне работать в направлении борьбы с "уйгурской проблемой" на территории всей Центральной Азии, оставаясь в тени РФ.

При этом КНР действовали более инициативно по экономическому вектору ШОС, что проявилось в рамках Делового совета и Межбанковского объединения, где были предприняты попытки наладить координацию усилий финансовых и предпринимательских кругов для последующего систематического внедрения проектов в различных отраслях экономики [2, с. 47]. ШОС способствовала Китаю стать активным участником региональных процессов обеспечения безопасности и экономического развития Центральной Азии, обеспечив проницаемость национальных и региональных интересов стран региона для осуществления китайской внешней политики.

Дополнительно в этот период начал проявлять себя геополитический фактор, активизируется деятельность США в регионе. К началу 2000-х гг. Центральная Азия и Каспийский регион были определены как зона жизненно важных интересов США, что было отражено в концепции, известной как "доктрина Тэлботта". США заявляли, что не стремятся устанавливать монопольное стратегическое влияние в Центральной Азии, но подчеркнули свое нежелание терпеть подобное воздействие со стороны других великих держав. После терактов 11 сентября 2001 г. новая линия США в отношении Центральной Азии стала составной частью их стратегии национальной безопасности, и регион оказался стратегически важным в качестве составной части единого фронта в борьбе против международного терроризма и объектом стратегии обеспечения энергетической безопасности [21, с. 583].

В рассматриваемый период Китай начал динамично усиливать свое экономическое присутствие в регионе, что проявилось в заметном увеличении объемов

торговли и финансовых вложений. С 2001 по 2012 гг. товарооборот между КНР и странами Центральной Азии увеличился примерно в 25 раз. В 2000 г. общий товарооборот составлял 1,817 млрд долл., а к 2012 г. этот показатель вырос до 45,94 млрд долл. [26, с. 65]. Пекин активно стремился обеспечить гарантированный доступ к сырьевым ресурсам, прежде всего к нефтегазовым, в регионе ЦА. Благодаря стремительному экономическому росту, Китай мог мобилизовать значительные финансовые ресурсы для реализации проектов и поддержки стабильности социально-политических систем в регионе.

Примечательным моментом стало подписание в 2006 г. договора между Китаем и Туркменистаном о строительстве газопровода "Средняя Азия – Китай". Проект, финансируемый в основном со стороны Китая путем предоставления кредитов Туркменистану, обеспечил разработку месторождения Южный Иолотань-Осман, строительство газопровода и долгосрочные поставки газа в Китай на протяжении следующих 30 лет [16, с. 38]. В 2010 г. Китай расширил свои энергетические связи, заключив соглашения с Казахстаном и Узбекистаном о соединении газопровода "Средняя Азия – Китай" с их энергетическими системами, что обеспечило транспортировку природного газа в обе стороны, укрепив стратегическую позицию Китая в регионе. Также в 2007 г. Китай укрепил сотрудничество с Казахстаном в сфере производства ядерного топлива для китайских АЭС, обеспечивая Казахстан статус основного поставщика ядерного топлива для КНР. С Киргизской Республикой было развито сотрудничество в разработке нефтегазовых месторождений в южной части страны, а также Китаю было предоставлено право участвовать в разработке киргизских месторождений (Май-луу-Суу, Восточный Избаскент, Чангырташ и Чыырчик) [5, с. 93].

Наконец, мы видим, что на втором этапе начинает активироваться гуманитарный вектор межгосударственного сотрудничества между КНР и странами ЦА. С 2004 г. в регионе стали открываться Институты Конфуция, оперирующие на базе образовательных центров в ЦА, применяя модель софинансирования. Основной упор в процессе деятельности данных институтов делается на изучение традиционной китайской культуры и языка, укрепляя гуманитарный вектор сотрудничества. Согласно замыслу китайского руководства, зарубежные общества должны фокусироваться на изучении именно традиционной китайской культуры в контексте социалистических ценностей, ориентированных на специфику китайского социализма [8, с. 273]. К 2012 г. в четырех странах Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан) насчитывалось восемь Институтов Конфуция.

Таким образом, в рассматриваемый период Китай провёл институционализацию региональной политики. Приоритетом внешнеполитических устремлений в области безопасности стало построение региональной системы безопасности в тандеме с РФ через коллективные стратегии противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму. В экономической сфере продолжилось усиление китайской стороны в энергетической сфере региона через развитие внешней торговли, инвестиций и крупных трубопроводов. Активное проникновение китайского бизнеса в регион началось сопровождаться расширением гуманитарного сотрудничества.

Этап 2013 г. – 2020-е гг.: продвижение через инициативу "Один пояс, один путь"

Новый этап развития внешнеполитических устремлений КНР в ЦА начался с выдвижения глобальной инициативы "Один пояс, один путь" (ПиП), которая стала фундаментальным элементом внешней и внешнеэкономической политики Китая как мирового лидера. В нашем контексте, ПиП на качественном уровне демонстрирует трансформацию внешнеполитического подхода КНР к Центральной Азии: регион стал рассматриваться как элемент китайской международной стратегии. С одной стороны, страны Центральной Азии представляют значительный интерес для Китая в силу своего богатства природными ресурсами. Китайская экономика стремится обеспечить беспрепятственный доступ к этим ресурсам, которые явля-

ются критически важными для ее собственных потребностей. С другой – стремление Китая к расширению рынков за пределами своих границ подталкивает его активно участвовать в инфраструктурных проектах и развитии региональных экономических связей [17].

Более того, позиционирование Китая как глобального лидера через межгосударственные взаимодействия в Центральной Азии, можно проследить на примере сотрудничества в зеленой энергетике. С 2013 г., когда была объявлена инициатива "Один пояс и один путь", Китай начал активно сотрудничать со странами Центральной Азии в области зеленой энергетике. За последние годы КНР заключила со странами ЦА соглашения на реализацию нескольких крупных проектов в сфере ВИЭ (ветряная электростанция Жанатас и солнечная ферма в Жангизтобе в Казахстане; солнечные электростанции в Бухарской и Кашкадарьинской областях Узбекистана). Активизация Китая в области сотрудничества в области ВИЭ обоснована не только экономическими и экологическими соображениями, но это элемент позиционирования КНР как глобального игрока, который продвигает повестку ООН в области Целей устойчивого развития. Таким образом, Китай способствует реализации международной "зеленой" повестки в регионе.

По количественным изменениям третий этап отличается резким увеличением инвестиционной активности китайской стороны. Мониторинг китайских инвестиций в мире показывает, что общий объем китайских инвестиций и контрактов в рамках инициативы за период с 2013 по 2020 гг. составил около 755,17 млрд долл. Согласно данным Министерства коммерции КНР, в 2022 г. накопленный объем прямых китайских инвестиций в пять стран ЦА достиг 40 млрд долл., тогда как в 2013 г. китайские ПИИ составляли 8,9 млрд долл [19].

Важной особенностью третьего этапа можно считать появление полноценного военно-технического сотрудничества. Страны Центральной Азии остаются важными для Китая с точки зрения обеспечения безопасности и развития военного сотрудничества. Если в начале XXI в. Китай не имел своего военного присутствия в данном регионе, предпочитая защищать свои интересы через инструменты ШОС и полагаясь на военное присутствие России, то с течением времени ситуация стала меняться. Китай активно поставляет военное оборудование в регион, предоставляет обучение в области военных технологий и оказывает помощь в сфере военной подготовки в странах Центральной Азии [18, с. 295]. В 2016 г. Китай поставил Казахстану два беспилотника Wing Loong-1. В 2018 г. Казахстан стал первой страной ЦА, которой был поставлен самолет Y-8F200WA от китайской компании "AVIC Xi'an Aircraft Industry". Осознавая слабость вооруженных сил Киргизии, в последнее время КНР увеличивает поставки военной помощи в страну, например, в 2021 г. Китай передал Киргизии пакет военно-технической помощи на безвозмездной основе. Примечательным является и пример Таджикистана, где правительство достигло соглашения с Китаем о строительстве пограничных застав и учебных центров вдоль таджикско-афганской границы в 2016 г. [20]. Для Туркменистана Китай является основным поставщиком оружия, доля которого составляет около 27% от всего китайского военного импорта. Подобные действия подчеркивают стремление Китая укреплять своё присутствие в регионе не только традиционными экономическими инициативами, но и укреплять своё влияние в области региональной безопасности. Таким образом, в данном периоде наблюдается начало развития военной сферы на локальном уровне.

Наконец, на третьем этапе продолжает развиваться гуманитарное направление межгосударственного сотрудничества между КНР и странами ЦА. К 2017 г. всего было открыто тринадцать Институтов Конфуция в четырех странах Центральной Азии. В Казахстане функционируют 5 институтов Конфуция (Астана – 1; Алмата – 2, Карагада – 1, Актобе – 1). В Кыргызстане действуют 4 института (Бишкек – 2; Ош – 1 и Джалал-Абад – 1). И по два – в Таджикистане и Узбекистане. В Туркменистане Институты Конфуция отсутствуют.

Таким образом, реализация инициативы "Один пояс, один путь" во внешней политике КНР привело к качественным изменениям в китайско-центральноазиат-

ских отношениях. С 2013 г. Китай начинает выстраивать инклюзивные отношений со странами региона по широкому спектру межгосударственного взаимодействия, которые вписываются в глобальную стратегию КНР как лидера современных международных отношений.

Этап с 2020 г. по настоящее время: укрепление глобальных позиций в условиях нестабильности

С 2020 г. началась работа по формированию самостоятельного китайского диалога региональной дипломатии между КНР и странами ЦА, что косвенно фиксировалось в экспертном дискурсе на страницах "Желтой книги по Центральной Азии" [28]. В документе подчеркивалась озабоченность КНР вопросами новой безопасности в регионе, но большие вызовы для Китая экспертное сообщество усматривало в начале "игры крупных держав" с учетом сохранения за США статуса значимой силы в Центральной Азии. В этом контексте Китай начал планировать институциональное развитие своих инклюзивных отношений со странами региона через популярный в региональной дипломатии формат "С5+1". Этот процесс сопровождался постепенной трансформацией роли ШОС в центральноазиатской подсистеме международных отношений: из организации по гармонизации межгосударственных отношений России, Китая и пяти стран ЦА после присоединения Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси (в 2024 г.) шанхайский процесс начал смещать акценты на евразийскую (макрорегиональную) проблематику. В такой диспозиции начал развиваться разрыв в процессе формирования общей повестки китаецко-центральноазиатских отношений.

Пандемия отсрочила первый очный саммит лидеров Китая и пяти стран Центральной Азии. Встреча "Китай + страны ЦА" в мае 2023 г. стала знаковым событием, оформившим становление нового этапа китайской внешней политики в Центрально-Азиатском регионе: региональный многосторонний формат, но без участия РФ. По словам лидера КНР Си Цзиньпина, "наш саммит создал новую платформу и открыл новые перспективы сотрудничества Китая и Центральной Азии, и Китай воспользуется этим как возможностью активизировать координацию со всеми сторонами для хорошего планирования, развития и прогресса сотрудничества между Китаем и Центральной Азией" [12].

На этом этапе можно выделить два трека китайской дипломатии в Центральной Азии. Первый – это продолжение инициативы "ПиП" на основе широкой повестки торгового, инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества. Этот вектор получает конференционную институционализацию в рамках регулярных Форумов международного сотрудничества "Один пояс и один путь". Например, в октябре 2023 г. состоялся 3-й Форум, результаты которого наглядно демонстрирует дипломатическую практику этого трека. Казахстан подписал около 30 инвестиционных и торговых соглашений общей стоимостью 16,54 млрд долл. Один из важных документов – соглашение об увеличении пропускной способности Транскаспийского международного транспортного маршрута в пять раз до 500 тысяч контейнеров в год. Президент К.-Ж. Токаев провел ряд переговоров с представителями китайского бизнеса, включая руководство китайской компании "SINOPEC", где обсуждался совместный проект на сумму 7,7 млрд долл. по производству полиэтилена. В области инфраструктурного сотрудничества между странами было подписано соглашение на сумму 1,3 млрд долл. между АО "Қазақстан темір жолы" и "CRRC Corporation Limited", которое предусматривает приобретение 200 маневровых и магистральных тепловозов, а также создание инжиниринговых и сервисных центров по обслуживанию железнодорожной техники в Казахстане [1]. Другие центральноазиатские делегации также заключили соглашения с китайскими партнерами по различным проектам в первичном и вторичном отраслях экономики.

Второй трек китайской дипломатии – это развитие отношений в политической и идеологической сферах межгосударственного взаимодействия, который институционализируется в дипломатическом формате "Китай – Центральная Азия". На майской встрече был подсвечен ценностный акцент китайской дипломатии в регионе на базе диалога между цивилизациями. Политическое руководство КНР на

примере взаимодействия со странами Центральной Азии популяризирует цивилизационное видение ценностей нового мировоззрения в глобальной политике, которое базируется на принципах разумной достаточности и сбалансированности действий великих мировых держав [30]. Декларируется стремление к обеспечению национальных интересов с учётом интересов других государств. В качестве подтверждения таких ценностных установок на практике Китай на встрече "Китай + ЦА" впервые анонсировал предоставление масштабной финансовой помощи на сумму 3,8 млрд долл. странам региона для борьбы с бедностью.

Помимо аксиологии политический трек китайско-центральноазиатских отношений начинает консолидировать проблематику безопасности в контексте китайской "Инициативы глобальной безопасности" [23]. На встрече "Китай + ЦА" обсуждались вопросы укрепления правоохранительных и оборонных возможностей региона, а также Си Цзиньпин в своем обращении к руководителям стран Центральной Азии остановился на вопросах внутренней безопасности и противодействия событиям, аналогичным "цветным революциям". Озвучены планы проведения совместных военных учений [12]. Заметны усилия китайской стороны по расширению повестки сотрудничества в сфере безопасности за счет актуализации вопросов кибербезопасности и совместного противодействия угроз в цифровой среде. Данное направление находит свое отражение в Белой книге КНР 2023 г. и вписывается отдельным нарративом в центральноазиатский дипломатический пакет предложения для стран региона от Китая [29].

Таким образом, главной особенностью этого этапа стал формат "С5+1", который дал КНР возможность играть самостоятельную глобальную роль в вопросах безопасности и экономики в Центральной Азии. Четвертый этап характеризуется политизацией центральноазиатского вектора внешней политики КНР в проекции на открытую и комплексную конфронтацию с США [9, с. 90]. Помимо интенсификации помощи в целях развития государствам ЦА, включая содействие сотрудничеству в области сокращения бедности, продовольственной безопасности, Китай делает акценты на идеях межкультурного взаимодействия. К традиционным направлениям сотрудничества добавились инициативы совместного обеспечения кибербезопасности и сотрудничества в цифровой сфере. По мере евроазиатизации деятельности ШОС китайская сторона делает ставку на развитие инклюзивных межгосударственных отношений со странами Центральной Азии на основе двух институциональных практик – Форум "ПиП" и "С5+Китай".

Заключение

С 1990 гг. и до настоящего времени внешняя политика Китая в Центральной Азии претерпела значительную эволюцию, отражая реакцию на важные стратегические сдвиги и глобальные изменения в мировой политике.

Первый этап можно обозначить как "осмотрительность в установлении связей" или локальный. В этот период 1990-х гг. Китай проявлял осторожность в отношении новых региональных суверенитетов, воздерживаясь от активных стратегических шагов и инициатив. Экономические интересы Китая формировались на основе торгово-экономических интересов через получение дешевых сырьевых ресурсов в обмен на готовую продукцию массового потребления на двухстороннем уровне со странами ЦА. При этом Китай начал тестировать многосторонний дипломатический формат "4+1", который был посвящен решению в первую очередь вопросов по государственным границам между Китаем и Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном. Под конец периода этот формат получил развитие, включив в свою повестку безопасности проблематику новой безопасности в контексте борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Второй этап мы назвали "участие через многосторонние институциональные механизмы" или региональный. Ключевым событием в изменении внешней стратегии Китая по отношению к Центральной Азии стало создание ШОС в 2001 г. Институционализация в центральноазиатском подходе внешней политики КНР позволила расширить и политические, и экономические позиции в регионе через развитие многосторонней дипломатии вокруг широкой повестки безопасности. С

одной стороны, ШОС позволяла Китаю под коллективным прикрытием шанхайского тандема купировать чувствительную проблему вокруг уйгурского сепаратизма. С другой – многосторонний формат ШОС снижал властное давление от усиливающихся экономических позиций китайской стороны, формируя комплементарную атмосферу для более интенсивного развития двухсторонних торгово-экономических и инвестиционных взаимоотношений с центральноазиатскими странами.

Третий этап можно назвать как "продвижение через инициативу "Один пояс, один путь" или глобальный. С 2013 г. развитие инициативы "Один пояс, один путь" (ОПОП) ознаменовало начало нового этапа китайской политики в Центральной Азии. Пекин выразил явный стратегический интерес на дальнейшее развитие экономических и культурных связей с Центральной Азией, но уже не столько для упрочнения своих позиций на центральноазиатском пространстве, а как элемент глобальной стратегии КНР в качестве мирового лидера. Инициатива ОПОП стала многосторонним инструментом дипломатии КНР для конвертации своей экономической мощи в международных отношениях в целом и в Центральной Азии в частности. За этот период Китай усилил влияние в регионе через проекты по транспортной и энергетической инфраструктуре, продолжилось закрепление позиций Пекина в качестве ведущего торгового, инвестиционного, логистического партнера. Более того, изменение подхода во внешней политике КНР к Центральной Азии заметно по изменению функциональной роли ШОС: снятие моратория на расширение этой организации за счет Индии и Пакистана стало признаком "евраизации" деятельности ШОС, что начало размывать центральноазиатскую компоненту в шанхайском дипломатическом процессе.

Четвертый этап, который именуется как "укрепление позиций глобального игрока" или лидерский. В 2023 г. КНР инициировал создание институционального формата сотрудничества с ЦА C5+1. Данный формат стал дебютом Китая в самостоятельной многосторонней дипломатии со странами региона в политической сфере, что качественно характеризует изменения в китайском центральноазиатском подходе. Пекин начал уделять внимание идеологическим и дискурсивным вопросам на основе цивилизационных ценностей, концепции многополярного мира и критике западнцентричного однополярного порядка. Продвигаются не только нарративы о необходимости более прочных отношений между Китаем и странами ЦА в контексте строительства нового евразийского сообщества, но китайская сторона готова предоставлять безвозмездную помощь для развития региона по пути построения более справедливого многополярного мира.

Эволюция внешней политики КНР в отношении Центральной Азии наглядно демонстрирует изменение роли Китая в мировой политике, где Пекин из "вещи в себе и для себя" трансформируется в глобального игрока с проактивной позицией и своим взглядом на принципы межгосударственного взаимодействия в XXI веке. Сегодня китайская стратегия в отношении ЦА демонстрирует инициативность и напористость, оперируя разнообразными инструментами во всех сферах жизнедеятельности. Такая ситуация приводит к росту неопределенности, что требует от всех участников центральноазиатской подсистемы международных отношений более взвешенного стратегического и тактического подхода для поддержания баланса интересов и прогнозируемого управления процессами сотрудничества и конкуренции.

В контексте роста глобального и регионального влияния КНР Россия сталкивается с неотложной необходимостью переосмысления своих стратегических и тактических подходов и приоритетов в этом регионе. Снижается роль ШОС как инструмента согласования российско-китайских отношений в Центральной Азии, что приводит к расширению транзакционного разрыва в треугольнике "РФ – страны ЦА – КНР". При этом сложно переоценить значение ЦАР для устойчивости стратегического партнерства между Москвой и Пекином, что формирует объективный запрос на особое внимание к центральноазиатской проблематике в стратегическом диалоге между РФ и Китаем для превентивной проработки потенциальных

противоречий при реализации самостоятельных внешнеполитических курсов в регионе.

Литература

1. Глава Казахстана принял председателя правления и исполнительного директора CRRC Corporation Limited Сунь Юнцзя // Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 17 октября 2023. URL: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-predsdatelya-pravleniya-i-ispolnitelnogo-direktora-crrc-corporation-limited-sun-yunca-ya-1794825> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Гордиенко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 37. С. 44–66.
3. Дмитриева Д.А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. 2021. № 20. С. 20–28.
4. Каукунов А. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3. С. 73–89.
5. Керим Г. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1991–2018 гг.) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 2. С. 86–95.
6. Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. // Официальный сайт МИД Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 11.12.2023).
7. Лян Чжэньпэн. Китайская внешняя политика в Центральной Азии в 1990-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 145–155.
8. Махмутова Е.В. Китайская "мягкая сила" в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2022, № 2, С. 268–283.
9. Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 1. С. 88–99.
10. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 годы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 11.12.2023).
11. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. № 4. С. 74–89.
12. Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите "Китай – Центральная Азия" // Синьхуа, 19 мая 2023. URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 28.11.2023).
13. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 г. // ИНПРАВО. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base925/text925v168i463.htm> (дата обращения: 14.12.2023).
14. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы от 25 апреля 1997 // ИНПРАВО. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base552/text552v978i288.htm> (дата обращения: 14.12.2023).
15. Сыроежкин К. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнёрству // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 3, С. 47–61.
16. Сыроежкин К. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 1. С. 23–46.
17. Талига Х. Инициатива "Один пояс – один путь" в Центральной Азии. Кабинетное исследование // Аналитический отчет Международной конфедерации профсоюзов и МКП и Фонда им. Ф. Эберта, 2021. URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/belt_and_road_initiative_in_central_asia_ru.pdf (дата обращения: 26.11.2023).
18. Томберг И.Р. Военное и военно-техническое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в XXI веке // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9. С. 289–300.
19. Умаров Т. На пути к Pax Sinica // IPG Journal: Журнал о международной политике и обществе, 8 апреля 2020. URL: <https://www.ipg-journal.io/ru/regiony/azija/na-puti-k-pax-sinica-1035/> (дата обращения: 27.11.2023).
20. Шелудякова М. Погранзаставы в Таджикистане: экономическая экспансия Китая дала плоды // Журнал Sputnik, 28 сентября 2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160928/1020750849.html> (дата обращения: 14.02.2024).
21. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. The Main Vectors of the US Foreign Policy Strategy in Central Asia // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2022. Vol. 92. No. 7. P. 581–588.
22. Scobell A., Ratner E., Beckley M. China's Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress // The RAND Corporation's Research Report, 2014. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_

reports/RR500/RR525/RAND_RR525.pdf (accessed: 23.11.2023).

23. The Global Security Initiative Concept Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, February 21, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html (accessed: 29.11.2023).

24. 柳丰华. 中国在中亚: 政策的演变 = Лю Фэнхуа. Китай в Центральной Азии: эволюция политик // Россия, Восточная Европа, Центральная Азия исследования. 2007. вып. 6. С. 63–75.

25. 王海燕. 经济合作与发展: 中亚五国与中国新疆 = Ван Хайян. Экономическое сотрудничество и развитие: Пять стран Центральной Азии и Синьцзян, Китай // Урумчи: Синьцзянское народное издательство. 2003. 476 с.

26. 王海燕. 中国与中亚国家经贸合作30年: 成就与前景 = Ван Хайян. Тридцать лет экономического и торгового сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии: достижения и перспективы // Евразийская экономика. 2023. вып. 4. С. 62–88.

27. 趙竹成. 中國大陸對於中亞的外交政策 = Чжао Чжучен. Внешняя политика материкового Китая в отношении Центральной Азии // Журнал стратегического анализа и безопасности. 2015. вып. 117. С. 32–41.

28. 中亚黄皮书: 中亚国家发展报告 (2020) = Желтая книга Центральной Азии: Отчет о развитии стран Центральной Азии (2020) // Экономико-торговый отдел Посольства КНР в Республике Казахстан. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/scdy/202004/20200402954394.shtml> (дата обращения: 30.01.2024).

29. 共建“一带一路”: 构建人类命运共同体的重大实践 = Совместное строительство инициативы "Один пояс, один путь": основные практики построения сообщества с единым будущим для человечества. Белая книга // Официальный сайт центрального правительства Китая. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 17.12.2023).

30. 携手谱写多极化世界文明进步新篇章—习近平主席在欧亚经济联盟第二届欧亚经济论坛全会开幕式上致辞引发热烈反响 = Объединитесь, чтобы написать новую главу в развитии цивилизации в многополярном мире: Выступление Председателя Си Цзиньпина на церемонии открытия Второго Евразийского экономического форума ЕАЭС // Сеть новостей Коммунистической партии Китая, 26 мая 2023. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0526/c64387-32695244.html> (дата обращения: 27.11.2023).

References

1. The Head of Kazakhstan met with the Chairman and Executive Director of CRRC Corporation Limited, Sun Yongcai // Official website of the President of the Republic of Kazakhstan, October 17, 2023. URL: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-predsedatelya-pravleniya-i-ispolnitelnogo-direktora-crrc-corporation-limited-sun-yuncaya-1794825> (accessed 10.12.2023). (In Russ.).

2. Gordienko D.V. The Shanghai Cooperation Organization as a Platform for Dialogue on Regional Security Issues // National Interests: Priorities and Security. 2015. No. 37. P. 44–66. (In Russ.).

3. Dmitrieva D.A. Russian and Chinese Interests in Central Asia // Russia in the Global World. 2021. No. 20. P. 20–28. (In Russ.).

4. Kaukenov A. China's Policy in the Shanghai Cooperation Organization // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 3. P. 73–89. (In Russ.).

5. Kerim G. China's Economic Policy in Post-Soviet Central Asia (1991–2018) // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2021. No. 2. P. 86–95. (In Russ.).

6. The Concept of the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan from January 27, 2015 // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (accessed 11.12.2023). (In Russ.).

7. Liang Zhengpen. Chinese Foreign Policy in Central Asia in the 1990s // Oikumena. Regional Studies. 2017. No. 3. P. 145–155. (In Russ.).

8. Makhmutova E.V. Chinese "Soft Power" in Central Asia: Prospects and Limitations // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2022. No. 2. P. 268–283. (In Russ.).

9. Makhmutova E.V. On China's New Political Mechanism in Central Asia // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2023. No. 1. P. 88–99. (In Russ.).

10. On the Concept of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020 – 2030 // Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (accessed 11.12.2023). (In Russ.).

11. Paramonov V., Stokov, A., Stolpovsky, O. China's Foreign Policy in Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 74–89. (In Russ.).

12. Full text of Xi Jinping's keynote speech at the "China-Central Asia" Summit // Xinhua, May 19, 2023. URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (accessed 28.11.2023). (In Russ.).

13. Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, and the People's Republic of China on Strengthening Military Trust in the Border Area of April 26, 1996 // INPRAVO. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base925/text925v168i463.htm> (accessed 14.12.2023). (In Russ.).

14. Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the

Republic of Tajikistan, and the People's Republic of China on Mutual Reduction of Armed Forces in the Border Area of April 25, 1997 // INPRAVO. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base552/text552v978i288.htm> (accessed 14.12.2023). (In Russ.).

15. Syroezhkin K. China in Central Asia: From Trade to Strategic Partnership // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 3. P. 47–61. (In Russ.).

16. Syroezhkin K. China's Presence in the Energy Sector of Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2012. No. 1. P. 23–46. (In Russ.).

17. Taliga H. The "Belt and Road" Initiative in Central Asia. Desk Research // Analytical Report of the International Trade Union Confederation and ITUC and the F. Ebert Foundation, 2021. URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/belt_and_road_initiative_in_central_asia_ru.pdf (accessed 26.11.2023). (In Russ.).

18. Tomberg I.R. Military and Military-Technical Cooperation of China with Central Asian Countries in the 21st Century // Problems of the Post-Soviet Space. 2022. No. 9. (In Russ.).

19. Umarov T. On the Way to Pax Sinica // IPG Journal: Journal on International Politics and Society, April 8, 2020. URL: <https://www.ipg-journal.io/ru/regiony/azija/na-puti-k-pax-sinica-1035/> (accessed 27.11.2023). (In Russ.).

20. Sheludyakova M. Border Outposts in Tajikistan: China's Economic Expansion Bears Fruit // Sputnik Journal, September 28, 2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160928/1020750849.html> (accessed 14.02.2024). (In Russ.).

21. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. The Main Vectors of the US Foreign Policy Strategy in Central Asia // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. No. 7. P. 581–588.

22. Scobell A., Ratner E., Beckley M. China's Strategy Toward South and Central Asia. An Empty Fortress // The RAND Corporation's Research Report, 2014. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR525/RAND_RR525.pdf (accessed 23.11.2023).

23. The Global Security Initiative Concept Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 21.02.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html (accessed 29.11.2023).

24. Liu Fenghua. China in Central Asia: Evolution of Policy // Russian Eastern Europe Central Asia Studies. 2007. Issue 6. P. 63–75. (In Chin.).

25. Wang Haiyan. Economic Cooperation and Development: The Five Central Asian Countries and China's Xinjiang // Urumqi: Xinjiang People's Publishing House. 2003. 476 p. (In Chin.).

26. Wang Haiyan. 30 Years of China's Economic and Trade Cooperation with Central Asian Countries: Achievements and Prospects // Eurasian Economy. 2023. Issue 4. P. 62–88. (In Chin.).

27. Zhao Zhucheng. Mainland China's Foreign Policy Towards Central Asia // Strategic Security Analysis. 2015. Issue 117. P. 32–41. (In Chin.).

28. Central Asia Yellow Book: Central Asian Countries Development Report (2020). URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/scdy/202004/20200402954394.shtml> (accessed 30.01.2024). (In Chin.).

29. White Paper: Jointly Building the Belt and Road: A Major Practice in Building a Community with a Shared Future for Mankind. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (accessed 17.12.2023). (In Chin.).

30. Join Hands to Compose a New Chapter of Civilization Progress in a Multipolar World – President Xi Jinping's Address at the Opening Ceremony of the Second Eurasian Economic Forum of the Eurasian Economic Union Sparks Enthusiastic Responses. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0526/c64387-32695244.html> (accessed 27.11.2023). (In Chin.).

Денис Алексеевич БОРИСОВ, канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: denisborisov@mail.ru

Лидия Анатольевна КАРМАНОВА, аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: karm.lida@yandex.ru

Denis A. BORISOV, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: denisborisov@mail.ru

Lidiya A. KARMANOVA, Postgraduate Student, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: karm.lida@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 04.03.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 27.05.2024

Принята к публикации

(Accepted) 08.06.2024

Китай и Камбоджа: модель международного сотрудничества в рамках инициативы "Пояс и Путь"

Жуй ВАН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, van.zhui3@dvfu.ru

Аннотация. Камбоджа является одним из наиболее активных государств-участников инициативы "Пояс и Путь". Стратегия экономического развития Камбоджи "Четыре угла" гармонично согласуется с данной китайской инициативой, особенно в вопросах восстановления и реконструкции инфраструктуры. В последние годы сотрудничество Китая и Камбоджи в рамках "Пояса и Пути" достигло значительных результатов, прежде всего в строительстве инфраструктуры. Сформировавшаяся модель успешного международного сотрудничества открывает для двух государств перспективы создания сообщества единой судьбы.

Ключевые слова: Китай, Камбоджа, "Пояс и Путь", международное сотрудничество, Сообщество единой судьбы

Для цитирования: Ван Жуй. Китай и Камбоджа: модель международного сотрудничества в рамках инициативы "Пояс и Путь" // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 109–119. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/109-119>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/109-119>

China-Cambodia: A Model for International Cooperation under the Belt and Road Initiative

Rui WANG

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, van.zhui3@dvfu.ru

Abstract. Cambodia is one of the most active participating States of the Belt and Road Initiative. Cambodia's Four Corners Economic Development Strategy is in harmony with this Chinese initiative, especially in infrastructure rehabilitation and reconstruction. In recent years, China-Cambodia cooperation under the Belt and Road Initiative has achieved significant results, especially in infrastructure construction. This model of successful international cooperation opens up the prospect of Community of shared future for the two countries.

Keywords: China, Cambodia, Belt and Road, International Cooperation, Community of shared future

For citation: Wang Rui. China-Cambodia: a model for international cooperation under the Belt and Road Initiative // Oriental Institute Journal. 2024. No. 2. P. 109–119. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/109-119>

Введение

Одной из важных составляющих инициативы "Пояс и Путь" является "Морской шелковый путь", призванный прежде всего соединить страны Юго-Восточной Азии в единое пространство и способствовать созданию сообщества единой судьбы со странами Юго-Восточной Азии. Камбоджа стала первой страной, присоединившейся к "Поясу и Пути", и первой, предложившей создать сообщество единой судьбы с Китаем на двустороннем уровне. Оба государства имеют большой потенциал для сотрудничества в рамках "Пояса и Пути", особенно в области строительства инфраструктуры. В последние годы, на фоне ускорения общего прогресса совместной кооперации, Китай и Камбоджа углубили сотрудничество в различных областях, достигнув существенных результатов, развивая региональную интеграцию и повышая перспективы создания сообщества единой судьбы.

В данном исследовании рассматривается текущее состояние и развитие китайско-камбоджийских политических отношений, их экономического и торгового взаимодействия, процесс китайско-камбоджийского сотрудничества в рамках инициативы "Пояс и Путь" и, в частности, области инфраструктуры, а также возможности создания сообщества единой судьбы между двумя странами.

В первой половине 2010-х годов руководство КНР выдвинуло инициативу "Пояс и путь". Сутью инициативы стало создание "Нового экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути XXI века" с использованием географических, транспортных и торговых ресурсов, унаследованных от древнего Шелкового пути и Морского Шелкового пути.

В рамках инициативы планируется создание многосторонних торговых механизмов и региональных платформ торгового сотрудничества с соответствующими странами, а также сообщества интересов, судеб и ответственности, характеризующихся взаимным политическим доверием, экономической интеграцией и культурной терпимостью. Инициатива оказывает важное влияние на внешнюю политику Китая и систему международных отношений. Инициатива "Пояс и путь" является ключевым компонентом стратегии председателя КНР Си Цзиньпина "Дипломатия великой державы" (大国外交). Согласно этой стратегии, Китай должен играть более значительную руководящую роль в мировых делах, соответствующую его растущим мощи и статусу. Основным направлением инициативы "Пояс и путь" является укрепление региональных связей и создание сообщества единой судьбы человечества.

Одним из главных маршрутов "Пояса и пути" является "Морской шелковый путь", который соединяет Китай со странами Юго-Восточной Азии и призван способствовать созданию сообщества единой судьбы Китая и стран Юго-Восточной Азии. Камбоджа стала одной из первых стран, присоединившихся к инициативе "Пояс и путь". Камбоджийская стратегия экономического развития "Четыре угла"¹ в значительной степени созвучна инициативе "Пояс и путь", и в 2019 г. Китай и Камбоджа приступили к формированию концепции создания двустороннего сообщества единой судьбы [15]. Двустороннее сотрудничество имеет большой потенциал в области инфраструктурного строительства, включающего дороги и мосты, водохранилища, электросети, порты, транспортные терминалы, аэропорты и т.п. [20]. На фоне ускорения прогресса инициативы "Один пояс, один путь" Камбоджа превратилась в одного из самых активных её участников, вследствие чего удалось достигнуть довольно значимых результатов [9].

Развитие отношений Китая и Камбоджи в политической сфере

Китай и Камбоджа имеют долгую историю политического сотрудничества. 19 июля 1958 г. между государствами были официально установлены дипломатические отношения. Во второй половине 1970-х годов у власти в Камбодже находились "красные кхмеры", проводившие крайне левую политику. Также в 1970-х гг., находясь именно в Китае, осуществлял свою деятельность глава правительства Камбоджи в изгнании многолетний руководитель государства (в т.ч. продолжительное время в качестве короля) Нородом Сианук. В ходе военного конфликта Камбоджи (тогда Кампучии) с Вьетнамом в 1980-х годах, Китай оказывал важную поддержку режиму красных кхмеров. Таким образом, между лидерами Китая и Камбоджи сложились крепкие дружеские связи, заложив прочный фундамент для долгосрочного стабильного развития отношений между двумя странами.

На рубеже XX и XXI вв., включившего в себя такие знаковые события, как реставрация в Камбодже монархии и восстановление Королевства Камбоджа в 1993 г., а также камбоджийский кризис июля-сентября 1997 г. (государственный переворот, в результате которого второй премьер-министр Хун Сен изгнал первого премьер-министра Нородома Ранарита и полностью захватил власть в стране.), Китай и Камбоджа продолжали поддерживать тесные дипломатические отношения. Камбоджа также твердо признала дипломатический принцип "одного Китая", имеющий для КНР принципиальное значение. [10]. В декабре 2010 г. Китай и Кам-

¹ Экономическая стратегия "Четыре угла" включает в себя четыре главных компонента: 1) увеличение объема сельскохозяйственного производства; 2) развитие частного сектора экономики и увеличение занятости; 3) восстановление и реконструкция инфраструктуры; 4) обучение и развитие человеческих ресурсов.

боджа объявили о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, ознаменовавшем новый этап в развитии двусторонних отношений.

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу "Пояс и путь". Камбоджа активно приняла выдвинутую инициативу, что создало предпосылки для сотрудничества стран во многих областях. В октябре 2016 г. Си Цзиньпин посетил Камбоджу с государственным визитом, в ходе которого был подписан ряд документов о сотрудничестве в рамках "Пояса и пути". В мае 2017 г. стороны согласовали предварительный план сотрудничества по совместному продвижению создания "Пояса и пути", ускорив процесс сопряжения китайского проекта с камбоджийской стратегией "Четыре угла" [19]. В январе 2018 г. страны договорились о дальнейшем продвижении в двусторонних отношениях, целью которого должно было стать создание сообщества единой судьбы между Китаем и Камбоджой. В апреле 2019 г. премьер-министр Камбоджи Хун Сен посетил Китай, и в ходе этого визита был подписан "План действий по созданию китайско-камбоджийского сообщества единой судьбы" [14]. В ходе следующего визита Хун Сена в КНР (в феврале 2023 г.) стороны опубликовали "Совместное заявление о создании китайско-камбоджийского сообщества единой судьбы в новую эпоху", таким образом объявив о достижении своей ранее заявленной цели [19].

22 августа 2023 г. новым премьер-министром Камбоджи стал Хун Манет, старший сын экс-премьер-министра Хун Сена. Свой первый зарубежный визит в новой должности он совершил в Китай, причем уже 15 сентября. Этот шаг наглядно иллюстрирует большое значение, придаваемое новым камбоджийским руководством укреплению и развитию китайско-камбоджийского партнерства. В ходе визита был принят "Китайско-камбоджийский план действий по созданию китайско-камбоджийского сообщества единой судьбы в новую эпоху (2024–2028)", а также подписан ряд документов о сотрудничестве [19]. Камбоджийский лидер заявил, что только создание китайско-камбоджийского сообщества единой судьбы и сообщества единой судьбы человечества позволит Камбодже обеспечить устойчивую, гармоничную и стабильную жизнь как для народов Китая и Камбоджи, так и для всего человечества [9].

С 2013 г. Китай и Камбоджа провели в общей сложности 54 встречи на уровне высшего руководства, в том числе 11 встреч между главами государств, включая три встречи в 2023 г. [23]. Две страны часто обмениваются визитами высокого уровня и поддерживают тесную координацию и сотрудничество в международных и региональных делах.

Торгово-экономическое взаимодействие Китая и Камбоджи

Китайско-камбоджийское экономическое и торговое сотрудничество началось в 1950-х годах и развивалось до конца 1978 г., когда Камбоджа подверглась интервенции из Вьетнама. Объем двусторонней торговли с КНР в 1978 г. составил 52 млн. долларов. После подписания Парижского соглашения по урегулированию конфликта в Камбодже в октябре 1991 г. китайско-камбоджийское экономическое и торговое сотрудничество было восстановлено и начало развиваться [12].

После своего возобновления масштаб торгово-экономического сотрудничества в ходе 1990-х годов постоянно расширялся, а общий объем торговли увеличивался. Камбоджа поставляла в Китай в основном продукцию легкой промышленности, сырье, сельскохозяйственные культуры и т.п. Китай, в свою очередь, экспортировал в Камбоджу трикотажные ткани, хлопок, электромеханическую продукцию [13]. За десятилетие с 1995 по 2005 гг. общий объем импорта и экспорта в двусторонней торговле вырос с 57 млн. долларов (в 1995 г.) до 515 млн. долларов (в 2005), таким образом показав рост почти в десять раз [12].

В декабре 2010 г. Китай и Камбоджа объявили о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, что ознаменовало новую фазу в развитии отношений между двумя странами. В октябре 2020 г. Китай и Камбоджа официально подписали соглашение о свободной торговле (ССТ), которое вступило в силу с 1 января 2022 г. В соответствии с соглашением Китай предоставил Камбодже 97,53 % нулевых та-

рифных линий для торговли товарами, а Камбоджа предоставила Китаю 90 % нулевых тарифных линий [18].

В 2022 г., после вступления в силу соглашения о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (RCEP) и Соглашения о свободной торговле (ССТ) между Китаем и Камбоджей, годовой объем их двусторонней торговли достиг суммы в 16,02 млрд. долларов, увеличившись за год на 17,5 % [9]. Объем торговли между двумя странами за последние 11 лет увеличился в 4,5 раза [6]. Китай остается главным торговым партнером Камбоджи [19]. Значительно упростились процедурные формальности в торговле между двумя странами. На фоне дальнейшего развития RCEP и ССТ камбоджийско-китайское торговое и инвестиционное сотрудничество будет продолжать углубляться, а сферы взаимодействия – расширяться.

Инфраструктурные проекты в рамках инициативы "Пояс и путь" в Камбодже

Особая экономическая зона Сиануквиль. Сиануквильская особая экономическая зона (ОЭЗ) является знаковым проектом китайско-камбоджийского сотрудничества в рамках инициативы "Пояса и пути" и единственной национальной особой экономической зоной, установленной правительством.

Предприятия в ОЭЗ Сиануквиль пользуются благоприятной налоговой политикой, такой как освобождение от импортных и экспортных пошлин, отсутствие валютного контроля, а также высококачественными вспомогательными услугами, такими как "единое окно" административных услуг, помощь в привлечении финансовых средств и т.д.

Общая площадь ОЭЗ составляет 11,13 кв. км, и общий объем инвестиций составляет около 3,2 миллиарда долларов. ОЭЗ привлекла 170 предприятий из Китая, стран Европы, Америки, Юго-Восточной Азии и других регионов, создав около 30 тысяч рабочих мест. После более чем десяти лет развития и строительства крупномасштабная, обеспеченная инфраструктурой особая экономическая зона функционирует.

ОЭЗ Сиануквиль стала образцовым проектом сотрудничества Китая и Камбоджи в рамках инициативы "Пояса и пути" [7].

Скоростная автомагистраль Пномпень-Сиануквиль. Скоростная магистраль Пномпень-Сиануквиль является важнейшим совместным проектом Китая и Камбоджи в рамках "Пояса и пути". Управление строительством и эксплуатацией, а также инвестиции в проект осуществляет Китайская компания по строительству дорог и мостов (China Road and Bridge Corporation, CRBC), входящая в группу предприятий Китайской компании строительства и коммуникаций (China Communications Construction Company). Протяженность данной скоростной магистрали составляет 187,05 км, она имеет четыре полосы движения в обоих направлениях и проходит по территории пяти провинций и городов Камбоджи. Магистраль соединяет столицу Камбоджи город Пномпень с портом Сиануквиль (Вестпорт) [14]. Расстояние между городами составляет около 223 км, и поездка на автомобиле раньше занимала почти 8 часов.

После ввода скоростной автомагистрали в эксплуатацию время в пути от Пномпеня до Вестпорта сократилось до 2 часов, улучшив логистическую ситуацию в регионе [16]. Строительство скоростной дороги длилось в течение трех лет и было успешно завершено за счет прямых инвестиций компании CRBC на общую сумму около 2 млрд. долларов [19]. Движение по автомагистрали было официально открыто в октябре 2022 г.

Гидроэлектростанция на реке Сан. Гидроэлектростанция на реке Сан расположена в ее главном течении в западной горной местности провинции Стынгтраенг (сама провинция находится в северо-восточной части Камбоджи). Длина плотины электростанции составляет 6,5 километров и считается самой протяженной плотиной среди всех ГЭС в Азии. Гидроэлектростанция разработана китайской компанией Huaneng, а эксплуатируется китайской компанией Sanghe. ГЭС Сангхе II является ключевым проектом как в рамках "Пояса и пути", так и для развития энергетики самой Камбоджи. Общий объем водохранилища ГЭС составляет 2,72

миллиарда кубических метров, общая установленная мощность станции – 400 тыс. киловатт, что составляет почти 20% от общей установленной мощности всей Камбоджи. Электрогенерацию обеспечивают восемь агрегатов китайского производства мощностью в 50 тыс. кВт каждый [12].

С момента ввода в эксплуатацию в октябре 2018 г. ГЭС Сангхе II обеспечивает Камбоджу почти 2 млрд. кВт/ч чистой энергии в год. С учетом численности населения Камбоджи в 14 миллионов человек и ежегодного социального потребления электроэнергии в 8,8 млрд. кВт/ч, одна ГЭС Sanghe II способна решить проблему потребления электроэнергии примерно для 3 миллионов камбоджийцев в течение года [12].

Больница китайско-камбоджийской дружбы "Коссамак". Больница китайско-камбоджийской дружбы "Коссамак" была построена при безвозмездной помощи китайского правительства. О начале ее строительства премьер-министр Камбоджи Хун Сен торжественно объявил во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Камбоджу в октябре 2018 г. Завершилось строительство в декабре 2021 г. Площадь нового медицинского комплекса составляет 33 000 квадратных метров, он рассчитан на 400 коек, включая амбулаторно-поликлиническое отделение, отделение неотложной помощи, медицинское и техническое отделения, медицинские и хирургические палаты, а также сопутствующие вспомогательные помещения. При проектировании госпиталя был заложен принцип углеродной нейтральности, что достигалось за счет установки атриумов, бризеров, вентиляционных и дождевых жалюзи, а также открытого движения воздуха для обеспечения хорошей естественной вентиляции во всей больнице. 40% общей площади госпиталя – это открытая территория, где одновременно сочетаются солнечные фотоэлектрические системы, системы нагрева воды с помощью солнечных коллекторов и другие зеленые технологии, адаптированные к местным условиям для снижения энергозависимости, а также сокращения расходов на эксплуатацию и техническое обслуживание. Помимо имеющегося высококлассного медицинского оборудования в больнице также есть специальное отделение китайской медицины. 16 марта 2022 г. правительство Китая направило в больницу первую группу экспертов по китайской медицине [21].

Кроме того, при китайской поддержке в формате безвозмездной помощи были завершены и сданы один за другим такие проекты, как скоростная автомагистраль Пномпень-Бавет, больница в провинции Тебун Кемун, образцовая деревня для борьбы с бедностью в округе Бати, камбоджийский национальный стадион, новый аэропорт Сиенреап Ангкор. Это значительно повысило уровень развития камбоджийской инфраструктуры и предоставило новые возможности населению Камбоджи [9].

Китайские предприятия инвестируют в данные проекты в основном по формату BOT (Build-Operate-Transfer, "строительство-управление-передача") [11]. Речь идет о своего рода концессионном соглашении с камбоджийским правительством, по которому китайская компания, являющаяся инвестором и оператором проекта, организует его финансирование, принимает на себя риски и занимается его реализацией. В свою очередь, правительство Камбоджи обеспечивает необходимые условия для работы китайских компаний над проектом, открывая рынок для строительства и эксплуатации инфраструктуры в стране.

Предполагается, что после завершения проекта китайская компания будет заниматься его эксплуатацией в течение ограниченного периода времени, до погашения кредита. После этого управление ОЭЗ будет передано правительству Камбоджи на безвозмездной основе.

В некоторых западных СМИ и исследовательских институтах высказывается точка зрения, что Китай использует кредиты для намеренного вовлечения стран Азии и Африки в "долговую ловушку". Бывший премьер-министр Камбоджи Хун Сен, отвечая на вопрос в отношении подобных рисков для его страны, отметил, что Китай является не единственным кредитором Камбоджи, а также что Китай не хочет и не может создать долговую ловушку для Камбоджи [16].

Данные опросов, проведенных в Камбодже, показывают, что 52% респондентов в целом положительно относятся к Китаю. 64% опрошенных считают, что китайская диаспора имеет сильное экономическое влияние, а 17% – что это влияние очень сильное. Говоря о политическом влиянии, 38% респондентов считают, что граждане Китая оказывают сильное политическое влияние, 15% полагают политическое влияние очень сильным. Считается, что китайская диаспора оказывает значительное влияние на политические и экономические институты Камбоджи. Кроме того, говоря о социальной интеграции, отношения между камбоджийцами и китайцами считают напряженными 45%, а очень напряженными – 14%. Причины этого кроются в основном из-за отсутствия взаимопонимания и уважения, языкового барьера и недопонимания, а также неподобающего поведения некоторых новых этнических китайцев [8].

Количество этнических китайцев, проживающих в Камбодже, насчитывает примерно 1,1 млн. чел., что составляет около 5 процентов от всего населения страны. Большинство из них занимают в Камбодже важные политические и экономические позиции. Камбоджийцы и этнические китайцы Камбоджи вместе формировали камбоджийскую нацию и вместе пережили сложный исторический период. Большинство этнических китайцев относятся к строительству проектов в рамках "Пояса и пути" положительно и благосклонно, оказывая влияние на их успешное продвижение [8].

Народная партия Камбоджи (НПК) (ранее – Народно-революционная партия), являющаяся правящей в стране, относится к Китаю и китайским проектам благожелательно, поскольку китайская государственная помощь и частные инвестиции способствовали экономическому росту Камбоджи и повышению уровня государственных услуг, что благоприятно влияет на восприятие политики самой НПК и повышает ее легитимность [22].

Большинство жителей Камбоджи поддерживают китайские проекты в рамках "Пояса и пути", поскольку дороги, мосты и другие объекты инфраструктуры, построенные с помощью Китая, облегчают жизнь местного населения. В то же время люди, живущие в районах, непосредственно затронутых подобными проектами, столкнулись с земельными спорами и протестами из-за экспроприации земли. Китайские компании полагаются в данном случае на правительство Камбоджи, которое предоставляет денежную компенсацию людям, чьи земли были экспропрированы (так, в 2022 г. подобную компенсацию получили 1 333 семьи). Однако остаются опасения по поводу насильственного принудительного перемещения населения, особенно в сельской местности [1].

Основными участниками в реализации проектов "Пояса и пути" на территории Камбоджи являются как государственные предприятия, так и частные компании. Китайские инфраструктурные компании и камбоджийские власти активно взаимодействуют, страны наладили прочные экономические и политические связи, а строительство инфраструктурных проектов будет способствовать обмену и сотрудничеству между Китаем и Камбоджей в различных областях, таких как политика, экономика, торговля и культура. Всё это будет способствовать созданию китайско-камбоджийского всеобъемлющего стратегического партнерства, поэтому правительство КНР активно содействует инвестициям и строительству инфраструктурных проектов "Пояса и пути" в Камбодже.

Проблемы и трудности в реализации инфраструктурного строительства "Пояса и пути" в Камбодже выражаются в следующем:

- 1) отсутствие всеобъемлющей правовой базы, неясность и неэффективность механизма реализации и надзора за проектами;
- 2) в Камбодже нет четкой институциональной базы, ввиду чего такие процессы, как подача заявки, отбор проектов и их утверждение, проходят проблемно, на достаточно низком профессиональном уровне;
- 3) отсутствует система государственного управления для надзора за процессом реализации проекта и политика компенсации за отвод земли, что приводит к

Название проекта	Реализующие компании	Начало и окончание строительства	Общая стоимость контракта (в млн. долл.)	Условия финансирования	Операционная модель
ОЗЗ Сиануквиль	Jiangsu Hongdou Group Wuxi Huatai Investment and Real Estate Co. Cambodia International Investment Development Group	февраль 2008 – продолжается	3200	Совместное	ВОТ
Скоростная автомагистраль Пномпень-Сиануквиль	China Road and Bridge Corporation (CRBC)	март 2019 – октябрь 2022	2000	Китайские инвестиции	ВОТ
Скоростная автомагистраль Пномпень-Бавет	China Road and Bridge Corporation (CRBC)	июнь 2023 – продолжается (предполагаемое окончание в июне 2027)	140	Китайские инвестиции	ВОТ
Гидроэлектростанция на реке Сан	Royal Group of Cambodia Vietnam Ministry of Planning and Investment and Electricity China Huaneng Group	октябрь 2013 – октябрь 2018	-	Совместное Предприятие между китайскими и иностранными предприятиями	ВОТ
Больница китайско-камбоджийской дружбы "Коссамак"	China State Construction Corporation Limited	октябрь 2018 – декабрь 2021	77	Безвозмездный грант китайского правительства	PPP
Образцовая деревня для борьбы с бедностью в округе Бати	Китайский фонд развития мира (CFPD)	январь 2021 – январь 2024	1.4	Безвозмездный грант Китайского фонда развития мира	PPP
Международный аэропорт Сиемпреан Ангкор	China Yunnan Aviation Industry Investment Group	июль 2018 – октябрь 2023	1100	Китайские инвестиции	ВОТ

Примечание:

PPP – Государственно-частное партнерство (от англ. Public Private Partnership)

Табл. 1. Список инфраструктурных проектов в рамках инициативы "Пояс и путь" в Камбодже.

Источник: составлено автором.

Table 1. List of infrastructure projects under the Belt and Road Initiative in Cambodia.

Source: compiled by the author.

заметным негативным общественным настроениям и фактическому сопротивлению реализации проекта [2].

Хотя инициатива "Пояс и путь" принесла Камбодже экономические выгоды, существуют и риски. Некоторые камбоджийцы настороженно относятся к инициативе "Пояс и путь", считая, что развитие инфраструктуры Китаем наносит ущерб экологической обстановке в их стране, что приведет к загрязнению окружающей среды и перемещению населения. Также камбоджийцев волнуют повышение коррупции, преступности и социальной нестабильности в стране, спровоцированное быстрым экономическим ростом, вызванным развитием инфраструктуры. Кроме того, они считают, что новые инфраструктурные проекты чрезмерно зависимы от Китая в своей деятельности, и Камбоджа рискует потерять часть своего суверенитета, а это не способствует реализации устойчивого развития данных проектов. Чрезмерная зависимость Камбоджи от Китая из-за очевидного неравенства потенциалов двух государств может ограничить ее внешнеполитические возможности и стратегическую маневренность [6].

Камбоджа занимает важное геополитическое положение в Юго-Восточной Азии, и ее стратегическое значение играет решающую роль для Китая в его попытках оказывать большее влияние на Юго-Восточную Азию и сдерживать гегемонию США. По мнению некоторых экспертов, корабли, пришвартованные в гавани Сиануквиля, могут быть использованы Пекином для укрепления своего военного потенциала в прибрежных районах за пределами Сиамского залива в случае возникновения военных угроз в регионе Южно-Китайского моря в будущем [5]. Китай и Камбоджа не ведут спор о суверенитете над Южно-Китайским морем. Географическое положение позволяет Камбодже оставаться вне конфликта, играя роль балансира в этом региональном споре и являясь точкой стабилизации для треугольника Филиппины-Малайзия-Вьетнам. Южно-Китайское море не приносит Камбодже выгод, поэтому она традиционно сохраняет нейтральную позицию, выступая посредником в данном споре. Таким образом, Камбоджа становится стратегическим "внешним" балансиром для Китая в геополитическом раскладе региона Южно-Китайского моря. Хотя Камбоджа и не очень большая страна, она признается "маленькой, но стратегически важной страной" для обеспечения национальных интересов Соединенных Штатов Америки. С "возвращением" США во Вьетнам становится очевидным, что эти два государства могут объединить свои усилия для сдерживания Китая. В этих условиях Камбоджа является для Китая своего рода "гео-ключом", способным расстроить американо-вьетнамский альянс [25].

Заключение

В Юго-Восточной Азии наиболее успешно Китай сотрудничает именно с Камбоджей, в том числе и в реализации проектов в рамках инициативы "Пояса и пути". Главные причины этого в том, что, с одной стороны, Китай и Камбоджа имеют долгую историю политического взаимодействия, а между двумя государствами существует высокая степень взаимного доверия. Кроме того, в геополитическом плане у Китая и Камбоджи нет прямого конфликта интересов. С другой стороны, Камбоджа имеет уникальные условия с точки зрения строительства инфраструктуры. Это, во-первых, тропический муссонный климат, предоставляющий практически круглогодичные благоприятные условия для строительства, вкупе с рабочей силой в Камбодже, которая многочисленна и дешева. Во-вторых, Камбоджа, как небольшая развивающаяся страна, поздно начала развивать свою инфраструктуру и в настоящий момент имеет не до конца формализованную систему строительства объектов, что облегчает иностранному капиталу работу в этой стране.

В последние годы, благодаря инициативе Китая по строительству "Одного пояса и одного пути" и камбоджийской "Стратегии четырех углов", обе страны совместно открыли много новых возможностей для развития, еще больше расширив свое сотрудничество в области инфраструктуры, и достигли существенных результатов, построив особую модель международной кооперации. Таким образом, нынешняя модель двусторонних отношений Китая и Камбоджи может быть

охарактеризована как успешная модель сотрудничества между великой державой и малой страной глобального Юга.

Литература

1. Cambodian Perception of the New Chinese // Yusof Ishak Institute. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/03/ISEAS_Perspective_2022_42.pdf (дата обращения: 24.03.2024).
2. Luo J.J., Kheang U. China's Role in the Cambodian People's Party's Quest for Legitimacy // Contemporary Southeast Asia. 2021. Vol. 43, No. 2. P. 395–419. <https://doi.org/10.1355/cs43-2h>. URL: <https://www.jstor.org/stable/27041360> (дата обращения: 24.03.2024).
3. Sar B. Chea M. Ung C. Public-Private Partnerships in Cambodia: Issues and Solution // Open Journal of Business and Management. 2020. Vol. 8, No. 3. P. 1216–1225. <https://doi.org/10.4236/ojbm.2020.83078>. URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=100368> (дата обращения: 24.03.2024).
4. Sigfrido B. Sophal E. China's Strategic Interests in Cambodia: Influence and Resources // Asian Survey. 2010. Vol. 50, No. 3. P. 615–639. <https://doi.org/10.1525/as.2010.50.3.615>. URL: https://www.jstor.org/stable/10.1525/as.2010.50.3.615?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 24.03.2024).
5. Sokvy Rim. China: Needed but not well-loved in Cambodia / Sokvy Rim // ThinkChina: сайт. URL: <https://www.thinkchina.sg/china-needed-not-well-loved-cambodia> (дата обращения: 24.03.2024).
6. Vannarith Chheang. Heng Pheakdey. Cambodian Perspective on the Belt and Road Initiative. NIDS ASEAN 2019. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/joint_research/series17/pdf/chapter01.pdf (дата обращения: 11.05.2024).
7. "Одну дорожку" строительство национальных стандартов в рамках инициативы "Пояс и путь" – Камбоджа // Национальный институт стандартизации КНР: сайт. URL: https://www.cnis.ac.cn/bydt/kydt/202207/t20220729_53618.html (дата обращения: 24.03.2024).
8. 西哈努克港经济特区投资介绍. 中华人民共和国商务部 = Введение в инвестирование в Особую экономическую зону Сиануквиля // Министерство коммерции КНР: сайт. URL: <http://cb.mofcom.gov.cn/article/zxhz/sbmy/200904/20090406149906.shtml> (дата обращения: 24.03.2024).
9. 一带一路"视阈下柬埔寨华人华侨的群体特征分析与政策选择. 顾佳赞 亚非研究 (2016年第1辑/总第9辑) 2016年07月 社会科学文献出版社 = Гу Цзяюнь. Анализ групповых характеристик и политической ориентации китайской диаспоры в Камбодже в контексте инициативы "Одного пояса и одного пути" / Гу Цзяюнь // Академия Сяньсяо: сайт. URL: <https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/4433433.html> (дата обращения: 24.03.2024).
10. 杜明明,胡泽曦,刘慧. 柬埔寨学者: 共建"一带一路"释放柬发展潜力. 人民网 = Ду Миньмин, Ху Цзэси, Лю Хуэй. Камбоджийские ученые: совместное строительство "Пояса и пути" раскрывает потенциал развития Камбоджи / Ду Миньмин, Ху Цзэси, Лю Хуэй // People's Daily Online: сайт. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/02U17UIJ.html> (дата обращения: 24.03.2024).
11. 柬埔寨副首相兼财政大臣: 共建"一带一路"合作为柬中"铁杆"友谊注入新内涵. 国新网 = Заместитель премьер-министра и министр финансов Камбоджи: совместное сотрудничество в продвижении "Пояса и пути" придало новые оттенки "сверхкрепкой" дружбе между Камбоджей и Китаем // Информационная служба Государственного совета КНР: сайт. URL: http://www.scio.gov.cn/gxzl/ydyj_26587/gfgz_26597/gfgz_26598/202307/t20230701_719576.html (дата обращения: 24.03.2024).
12. 柬埔寨-中国自由贸易区. 中华人民共和国商务部 = Камбоджийско-китайская зона свободной торговли // Министерство коммерции КНР. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/rcep/rcep/pdf/jianpuzhai.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).
13. 中柬关系. 中华人民共和国驻柬埔寨王国大使馆 = Китайско-камбоджийские отношения // Посольство Китайской Народной Республики в Королевстве Камбоджа: сайт. URL: <http://kh.china-embassy.gov.cn/zgjx/> (дата обращения: 24.03.2024).
14. 中柬务实合作持续深化. 人民日报 = Китайско-камбоджийское практическое сотрудничество продолжает углубляться // People's Daily Online: сайт. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0211/c1002-32621662.html> (дата обращения: 24.03.2024).
15. 刘梦. "一带一路"简明知识手册必备. 中国一带一路网 = Краткая справочная информация об инициативе "Один пояс, один путь" / Лю Мэн // China Belt and Road Network: сайт. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/86670.html> (дата обращения: 24.03.2024).
16. 毛鹏飞. "一带一路"与柬"四角战略"对接发展—中柬经贸互联谱新篇. 新华社 = Мао Пэнфэй. Инициатива "Пояс и путь" и "Стратегия четырех углов" Камбоджи находятся в синергии и развитии / Мао Пэнфэй // Информационное агентство Синьхуа: сайт. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-01/08/content_5254422.htm (дата обращения: 24.03.2024).
17. 2023年8月进出口商品主要国别(地区)总值表(美金). 中华人民共和国海关总署 = Общая стоимость импортированных и экспортированных товаров по основным странам (регионам), август 2023 г. (долл. США) // Главная администрация Таможенного управления КНР: сайт. URL: <http://search.customs.gov.cn/search/pcRender?pagelid=f5261418ddc74f03b27e3590c531102b> (дата обращения: 24.03.2024).

18. 中国政府援柬埔寨考斯玛中柬友谊医院正式启用. 国家国际发展合作署 = При поддержке правительства КНР официально открыта больница китайско-камбоджийской дружбы "Коссамак" // Агентство международного сотрудничества и развития КНР: сайт. URL: http://www.cidca.gov.cn/2022-03/23/c_1211619470.htm (дата обращения: 24.03.2024).

19. 拓宽领域 创新形式 实现中柬经贸合作可持续发展. 中华人民共和国商务部 = Расширение сфер и инновационных форм для достижения устойчивого развития китайско-камбоджийского торгово-экономического сотрудничества // Министерство коммерции КНР: сайт. URL: <http://cb.mofcom.gov.cn/article/zwrenkou/200511/20051100707367.shtml> (дата обращения: 24.03.2024).

20. 中国参与建设的这条高速公路,成就"柬版深圳". 新华社 = Скоростная автомагистраль, в строительстве которой участвовал Китай, стала "камбоджийской версии Шэньчжэня" // Информационное агентство Синьхуа: сайт. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/10/content_5726012.htm (дата обращения: 24.03.2024).

21. 武传兵. 一带一路"助力中柬命运共同体建设行稳致远. 中国青年报 = У Чуаньбин. "Один пояс, один путь" помогает Китаю и Камбодже построить сообщество с общим будущим для устойчивого и долгосрочного прогресса / У Чуаньбин // China Youth Daily: сайт. URL: http://news.cyol.com/gb/articles/2023-08/23/content_992QPMtaG4.html (дата обращения: 24.03.2024).

22. 赵益普. 桑河二级水电站为柬埔寨经济发展提供强大动力支撑. 人民日报. = Чжао Ипу. Гидроэлектростанция Санхе II обеспечит мощную энергетическую поддержку экономическому развитию Камбоджи / Чжао Ипу // People's Daily Online: сайт. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0109/c1002-30510991.html> (дата обращения: 24.03.2024).

23. 陈子帅. 东南亚人看中国,好感中各有侧重. 环球网. = Чэнь Цзышуй. Жители Юго-Восточной Азии смотрят на Китай с разными взглядами и чувствами / Чэнь Цзышуй // Huanqiu.com: сайт. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4D7nK6oCnbb> (дата обращения: 24.03.2024).

24. 陈玉玲. 柬埔寨第二条高速公路明日开工 金边至巴城只需一个多小时. 柬中时报. = Чэнь Юлин. Открывается вторая автомагистраль в Камбодже, по которой можно добраться из Пномпеня в Бавет чуть больше чем за час / Чэнь Юлин // The Cambodia China Times: сайт. URL: <https://cc-times.com/posts/21658> (дата обращения: 24.03.2024).

25. 方天建. 何跃. 冷战以来柬埔寨地缘政治变动研究. 世界地理研究. = Фан Тяньцзянь, Хэ Юэ. Геополитические изменения в Камбодже после холодной войны / Фан Тяньцзянь, Хэ Юэ // Исследования в области мировой географии: сайт. URL: <https://m.fx361.com/news/2014/12/18/1556730.html> (дата обращения: 11.05.2024).

References

1. Cambodian Perception of the New Chinese // Yusof Ishak Institute. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/03/SEAS_Perspective_2022_42.pdf (accessed 24.03.2024).
2. Luo J.J., Kheang U. China's Role in the Cambodian People's Party's Quest for Legitimacy // Contemporary Southeast Asia. 2021. Vol. 43, No. 2. P. 395-419. <https://doi.org/10.1355/cs43-2h>. URL: <https://www.jstor.org/stable/27041360> (accessed 24.03.2024).
3. Sar B. Chea M. Ung C. Public-Private Partnerships in Cambodia: Issues and Solution // Open Journal of Business and Management. 2020. Vol. 8, No. 3. P. 1216-1225. <https://doi.org/10.4236/ojbm.2020.83078>. URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=100368> (accessed 24.03.2024).
4. Sigfrido B. Sophal E. China's Strategic Interests in Cambodia: Influence and Resources // Asian Survey. 2010. Vol. 50, No. 3. P. 615-639. <https://doi.org/10.1525/as.2010.50.3.615>. URL: https://www.jstor.org/stable/10.1525/as.2010.50.3.615?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 24.03.2024).
5. Sokvy Rim. China: Needed but not well-loved in Cambodia / Sokvy Rim // ThinkChina: website. URL: <https://www.thinkchina.sg/china-needed-not-well-loved-cambodia> (accessed 24.03.2024).
6. Vannarith Chheang. Heng Pheakdey. Cambodian Perspective on the Belt and Road Initiative. NIDS ASEAN 2019. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/joint_research/series17/pdf/chapter01.pdf (accessed 11.05.2024).
7. Analysis of the current status of national standards development under the Belt and Road Initiative – Cambodia // National Institute of Standardisation of the People's Republic of China: website. URL: https://www.cnis.ac.cn/bydt/kydt/202207/t20220729_53618.html (accessed 24.03.2024). (In Russ.)
8. Introduction to Investing in the Sihanoukville Special Economic Zone // Ministry of Commerce of the PRC: website. URL: <http://cb.mofcom.gov.cn/article/zxhz/sbmy/200904/20090406149906.shtml> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).
9. Gu Jiayun. Analysis of group characteristics and political orientation of the Chinese diaspora in Cambodia in the context of the initiative "One Belt and One Road" / Gu Jiayun // Xianxiao Academy: 2019. No. 1. P. 5-8. website. URL: <https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/4433433.html> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).
10. Du Minmin, Hu Jiexi, Liu Hui. Cambodian scientists: joint construction of the "Belt and Road" unlocks Cambodia's development potential / Du Minmin, Hu Jiexi, Liu Hui // People's Daily Online: website. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/02U17UIJ.html> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).
11. Cambodian Deputy Prime Minister and Minister of Finance: joint cooperation in promoting the Belt and

Road has given new shades to the "super strong" friendship between Cambodia and China // Information Service of the State Council of the People's Republic of China: website. URL: http://www.scio.gov.cn/gxzl/ydyl_26587/gfgz_26597/gfgz_26598/202307/t20230701_719576.html (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

12. Cambodia-China Free Trade Zone // Ministry of Commerce of the People's Republic of China: website. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/rcep/rceppdf/jianpuzhai.pdf> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

13. China-Cambodian relations // Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Cambodia: website. URL: <http://kh.china-embassy.gov.cn/zgjx/> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

14. China-Cambodia practical co-operation continues to deepen // People's Daily Online: website. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0211/c1002-32621662.html> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

15. Brief background information on the "One Belt, One Road" initiative / Liu Meng // China Belt and Road Network: website. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/86670.html> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

16. Mao Pengfei. The Belt and Road Initiative and Cambodia's Four Corners Strategy are in synergy and development / Mao Pengfei // Xinhua News Agency: website. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-01/08/content_5254422.htm (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

17. Total value of imported and exported goods by major countries (regions), August 2023 (USD) // General Administration of the PRC Customs: website. URL: <http://search.customs.gov.cn/search/pcRender?pagelId=f5261418ddc74f03b27e3590c531102b> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

18. The Chinese-Cambodian Friendship Hospital "Kossamak" was officially opened with the support of the PRC government // Agency for International Cooperation and Development of the PRC: website. URL: http://www.cidca.gov.cn/2022-03/23/c_1211619470.htm (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

19. Expanding Areas and Innovative Forms to Achieve Sustainable Development of China-Cambodia Trade and Economic Cooperation // Ministry of Commerce of the People's Republic of China: website. URL: <http://cb.mofcom.gov.cn/article/zwrenkou/200511/20051100707367.shtml> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

20. The motorway, in the construction of which China participated, has become "Cambodia's version of Shenzhen" // Xinhua News Agency: website. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/10/content_5726012.htm (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

21. Wu Chuanbing. "One Belt, One Road" helps China and Cambodia build a community with a shared future for sustainable and long-term progress / Wu Chuanbin // China Youth Daily: website. URL: http://news.cyol.com/gb/articles/2023-08/23/content_992QPMTaG4.html (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

22. Zhao Yipu. Sangha II hydropower plant will provide strong energy support for Cambodia's economic development / Zhao Yipu // People's Daily Online: website. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0109/c1002-30510991.html> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

23. Chen Zishuai. Southeast Asians look at China with different views and feelings / Chen Zishuai // Huanqiu.com: website. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4D7nK6oCnbb> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

24. Chen Yulin. The second motorway in Cambodia opens, which can be used to get from Phnom Penh to Bavet in just over an hour / Chen Yulin // The Cambodia China Times: website. URL: <https://cc-times.com/posts/21658> (accessed 24.03.2024). (In Chin.).

25. Fang Tianjian, He Yue. Geopolitical changes in Cambodia after the Cold War / Fang Tianjian, He Yue // Studies in World Geography: website. URL: <https://m.fx361.com/news/2014/1218/1556730.html> (accessed 11.05.2024). (In Chin.).

Жуй ВАН, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: van.zhui3@dvfu.ru

Rui WANG, Postgraduate Student, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: van.zhui3@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 04.04.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 25.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Институциональная структура пограничной политики в северо-восточном Китае

Роман Викторович ТАРАНТУЛ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tarantil@rambler.ru

Артём Леонидович ЛУКИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, artlugin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется структура государственных органов КНР, участвующих в формировании и реализации пограничной политики на северо-востоке страны в отношениях с сопредельными государствами Северо-Восточной Азии (СВА). Основу методологии составляет анализ организационной структуры и функций ключевых институтов пограничной политики КНР в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). Проведённое исследование показало, что структура участвующих в формировании и реализации пограничной политики КНР региональных органов власти формируется в зависимости не только от стоящих перед каждой административно-территориальной единицей конкретных задач развития, но и от государств, с которыми граничит данная территория, а также характера взаимоотношений с ними. Авторы формулируют некоторые рекомендации по учёту особенностей построения институтов пограничной политики северо-восточного Китая (СВК) для повышения эффективности приграничного сотрудничества России с КНР.

Ключевые слова: пограничная политика, северо-восточный Китай, международные отношения в Северо-Восточной Азии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнёрства России и Китая в Восточной Азии".

Для цитирования: Тарантул Р.В., Лукин А.Л. Институциональная структура пограничной политики в северо-восточном Китае // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 120–140. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/120-140>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/120-140>

The institutional structure of border policy in China's Northeast

Roman V. TARANTUL

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tarantil@rambler.ru

Artyom L. LUKIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: artlugin@mail.ru

Abstract. The paper examines the structure of PRC government institutions involved in the formation and implementation of border policy in China's Northeast (CNE). The methodology is based on the analysis of the organizational structure and functions of such institutions in the provinces of Heilongjiang, Jilin, Liaoning and Inner Mongolia Autonomous Region (IMAR). The study is based on the concept of border policy, which is defined as the actions of the state that establish the parameters of border functioning, form appropriate institutions, and determine the degree of border permeability. Border policy contains two circuits. Its first circuit represents the foreign policy of the state and determines the level of integration of the state's border regions with neighboring states. The other contour of border policy encompasses domestic processes and mechanisms related to the interaction between the center and the periphery, including issues of socio-economic development of border areas. The study has shown that the structure of regional authorities involved in the formation and implementation of China's border policy depends on the specific developmental objectives of each administrative-territorial unit. It is also adjusted, depending on the states with which the territory shares the border, as well as the character of China's relations with them. The authors formulate some recommendations to improve the effectiveness of cross-border cooperation between Russia and the PRC, taking into account the peculiarities of border policy institutions in northeastern China.

Keywords: border policy, Northeast China, international relations in Northeast Asia

The research was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-511-93005 "Development of strategic partnership between Russia and China in East Asia".

For citation: Tarantul R.V., Lukin A.L. The institutional structure of border policy in China's Northeast // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 120–140. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/120-140>

Введение

Китайский опыт экономического развития формирует научный запрос на понимание используемых Пекином механизмов акцентуации геополитических преимуществ, важную роль среди которых играет приграничное сотрудничество с сопредельными странами. При этом граничащие с Россией регионы СВК занимают уникальное положение в международных евразийской и тихоокеанской геополитических и логистических системах. С одной стороны, данные территории являются плацдармами экономического сотрудничества КНР с РФ, КНДР и Монголией, с другой – узловыми пунктами транс-евразийских транспортных коридоров. Для России, которая имеет более четырёх тысяч километров границы с Китаем, существует потребность понимания институциональной системы пограничной политики Пекина в континентальной части СВА, её задач и инструментов.

Целью исследования является анализ структуры государственных органов КНР, участвующих в формировании и реализации пограничной политики на северо-востоке страны в отношениях с сопредельными странами СВА. Поставленная цель достигается путём систематизации сведений о соответствующей нормативной базе КНР, исследования институтов центрального и регионального административно-партийного управления, выявления в их составе вырабатывающих и реализующих пограничную политику КНР органов и их подразделений. Основу исследовательской методологии составляет анализ организационной структуры и функций институтов формирования и реализации пограничной политики КНР на северо-востоке страны. Большая часть эмпирического материала, использованного в исследовании, была получена путём изучения правительственных и партийных интернет-сайтов провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и АРВМ. Кроме того, в работе использован сравнительный метод, основанный на сопоставлении институциональных структур пограничной политики КНР на межрегиональном и межгосударственном уровнях.

В основе понятийного аппарата предпринятого исследования находится категория *пограничной политики*, которая определена как действия государства по установлению параметров функционирования границы и степени её проницаемости, регулированию приграничных и трансграничных отношений, формированию соответствующих правовых и властных институтов. При этом государственная граница может являться как непосредственным объектом пограничной политики, так и её средством, и инструментом, позволяющим развивать или блокировать различные виды имеющих трансграничный характер общественных отношений.

Следует учитывать, что пограничная политика представляет собой двухконтурный конструкт. В первом контуре она является составной частью внешней политики государства и определяет уровень интеграции приграничных регионов страны с сопредельными государствами. Второй контур охватывает внутригосударственные процессы и механизмы, связанные с взаимодействием центра и периферии, в том числе вопросы социально-экономического развития приграничных территорий. В этой связи показательно, что в Китае с недавних пор вошло в оборот понятие "экономика пунктов пропуска" (口岸经济) [16]. Под данным термином понимается опирающаяся на погранпереходы многоотраслевая и многоуровневая экономическая система, охватывающая трансграничные потоки людей, грузов, капитала и информации, создание и развитие соответствующей инфраструктуры, а также функционирование экспортно и импортно ориентированных отраслей экономики на приграничных территориях.

Отталкиваясь от двухконтурного содержания пограничной политики, в статье представлены как государственные органы, непосредственно отвечающие за международные контакты СВК (например, провинциальные канцелярии иностранных дел), так органы и подразделения, отвечающие за социально-экономическое развитие СВК, но чей функционал оказывает прямое или косвенное влияние на проницаемость границ и процессы приграничного сотрудничества соответствующих территорий (например, региональные комиссии развития и реформ). Поскольку все четыре административные единицы СВК являются приграничными региона-

ми, для них нельзя провести чёткую грань между процессами международного и приграничного сотрудничества.

В заключении статьи сформулированы полученные в результате исследования выводы и предложены некоторые рекомендации для повышения эффективности сотрудничества России с Китаем.

Общая характеристика институциональной структуры пограничной политики Китая

КНР имеет самую протяжённую сухопутную границу в мире длиной в 22,8 тыс. км. При этом китайское право не содержит формализованного понятия пограничной политики и не использует сочетания терминов "пограничный" и "политика". Вместе с тем отсутствие законодательного определения пограничной политики скорее говорит о гибкости Пекина в управлении границами, нежели об отсутствующей государственной стратегии в пограничной сфере.

Началом становления институтов пограничной политики КНР в их современном виде можно считать состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, объявивший о начале политики "реформ и открытости". Впоследствии китайские власти приняли серию разнопрофильных центральных и региональных нормативных актов, устанавливающих общие принципы, задачи, направления и инструментарий развития приграничных регионов и их взаимодействия с сопредельными странами. Окончательная же формализация современных институтов китайской пограничной политики состоялась в конце 2010-х – начале 2020-х гг. путём принятия Пекином законов "Об иностранных инвестициях" (2019 г.) [37], "О сухопутной границе" (2021 г.) [36] и "О международных отношениях" (2023 г.) [35]. Нормативные акты систематизировали взаимодействие органов власти КНР с зарубежьем, но не сформулировали исчерпывающего перечня участвующих в реализации пограничной политики Пекина государственных структур.

Для анализа соответствующих властных институтов необходимо принять за основу двухконтурный характер пограничной политики КНР, находящейся на стыке процессов внешней политики и внешнего сотрудничества, с одной стороны, и партийного и государственно-административного регулирования внутренних вопросов развития страны, с другой стороны.

Внешнеполитический аспект пограничной деятельности китайских госструктур отражён в законе "О международных отношениях" и отчасти в законе "О сухопутной границе". Согласно данным нормативным актам, высшим органом КНР в области внешней политики является Центральная комиссия по иностранным делам ЦК КПК, возглавляемая генеральным секретарём компартии. Постоянно действующим органом комиссии является канцелярия, находящаяся под управлением одного из членов политбюро ЦК КПК. В настоящее время канцелярию возглавляет Ван И, который в июле 2023 г. ввиду отстранения Цин Гана от должности министра иностранных дел возглавил и МИД КНР.

Всекитайское собрание народных представителей и его Постоянный комитет ратифицируют и отменяют международные договоры и соглашения. Государственный совет КНР осуществляет управление иностранными делами, заключает договоры и соглашения с зарубежными странами. Центральный военный совет организует и осуществляет международные военные обмены и сотрудничество. Министерство иностранных дел (МИД) занимается дипломатическими вопросами и международными обменами, координирует внешние связи по линии иных государственных структур, в том числе на региональном уровне. В пограничных вопросах МИД КНР участвует в "управлении сухопутными границами" [36], проводит соответствующие переговоры, заключает соглашения, обеспечивает содержание пограничных знаков.

В рамках "внутреннего контура" важную роль в управлении границами играет и Центральная комиссия КПК по политическим и правовым вопросам, которая курирует правоохранительные органы Китая, в том числе осуществляющую пограничный контроль Национальную иммиграционную администрацию. В мае 2023 г. нынешний глава комиссии и член Политбюро ЦК КПК Чэнь Вэньцин совершил ра-

бочий визит в Россию, где последним пунктом его поездки стал Приморский край. Примечательно, основной темой переговоров Чэнь с губернатором российского региона стало развитие пунктов пропуска, а территорию РФ глава комиссии покинул через один из автомобильных погранпереходов на границе с СВК [1].

Правительства китайских провинций уполномочены поддерживать международные контакты, в то же время выполняя обязанности "управления границами" [36]. Согласно "Закону о сухопутной границе", региональные собрания народных представителей и их постоянные комитеты обеспечивают соблюдение и исполнение законов и постановлений в пограничной сфере.

Необходимо пояснить, что, согласно ст. 30 Конституции КНР, Китай имеет трёхуровневое административно-территориальное деление [38]. На первом уровне, который в данной статье именуется как "провинциальный", страна состоит из провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Провинции и автономные районы делятся на автономные округа, уезды, автономные уезды и города. Данный уровень мы именуем как "уездный". Уезды и автономные уезды делятся на волости, национальные волости и посёлки. В статье данный уровень именуется "волостной". Вместе с тем в материковом Китае между провинциальным и уездным уровнями создан промежуточный "окружной" уровень, представленный городами окружного значения, округами, автономными округами и аймаками. Большинство единиц окружного уровня составляют города окружного значения, которые фактически не являются "городами" в привычном понимании данного термина. Помимо собственно городской зоны города окружного значения включают прилегающие сельские территории, в связи с чем в русском переводе зачастую используется наименование "городской округ".

На провинциальном уровне стратегию пограничной политики и приграничного сотрудничества формируют руководящие группы по иностранным делам провинциальных комитетов КПК, возглавляемые первыми секретарями провинциальных парткомов. Главы партийных организаций имеют право интерпретировать сформулированные центром задачи развития регионов, в том числе в разрезе пограничной политики, с учётом территориальных особенностей. Губернаторы провинций (автономных районов) осуществляют общее управление иностранными делами и пограничными вопросами через систему административных органов, структура которых зависит от сформулированных центром и региональными партийными структурами задач и направлений развития административно-территориальной единицы.

Особенностью региональных структур пограничной политики КНР является отсутствие единого должностного лица, курирующего вопросы международного и приграничного сотрудничества. Внешние связи регионов распределены по отраслям и территориальным направлениям, в связи с чем управление ими в той или иной степени осуществляют практически все региональные вице-губернаторы, которым подчинены профильные подразделения.

Вопросы формулирования и выработки пограничной политики в составе региональных администраций возложены на территориальные подразделения Государственного комитета по развитию и реформам КНР, которые в структуре региональных правительств представлены комиссиями развития и реформ. Существенная часть полномочий по практическому осуществлению пограничной политики и приграничного сотрудничества возложена на региональные подразделения Министерства коммерции КНР в лице провинциальных департаментов коммерции. Региональные структуры МИДа, представленные провинциальными канцеляриями иностранных дел, занимаются вопросами официальных контактов, которые по своей сути схожи с протокольно-дипломатической работой. Вопросы культурного, гуманитарного, природоохранного, научно-технического и иного взаимодействия возложены на профильные подразделения региональных правительств.

На уровне городских округов модель управления приграничными процессами во многом схожа с провинциальной. Исключение составляют лишь органы, на-

личие которых обусловлено местной территориальной спецификой. К примеру, входящий в состав провинции Хэйлунцзян и граничащий с российским Приморским краем городской округ Цзиси имеет в структуре окружной администрации Комитет по управлению зоной экономического развития Цзиси [5] и Комитет по управлению озером Ханка [6].

Схожая институциональная система сформирована и на уездном уровне. Модификации в ней, как и на уровне городских округов, как правило, связаны с наличием структурных подразделений, чьи задачи и функции обусловлены территориальной спецификой и приграничным положением территорий. Так, в правительстве г. Мишань, который входит в состав городского округа Цзиси и граничит с Ханкайским районом Приморского края, существует Комитет по управлению зоной экономического развития Мишань [40]. Управленческие единицы волостного уровня не наделены полномочиями в сфере приграничного сотрудничества и управления границей.

Таким образом, в Китае создана двуединая партийно-административная система институтов управления пограничной политикой, охватывающая как центральные органы, так и структуры провинциального, окружного и уездного уровней. Партийные организации вырабатывают и формируют общие принципы, задачи и направления пограничной политики применительно к подведомственной территории. Административные органы по большей части осуществляют оперативное управление вопросами пограничной политики.

В составе правительств провинциального уровня функционирует разветвлённая система властных институтов, которая позволяет сформулировать выводы о задачах и направлениях пограничной политики отдельно взятой территории. В статье приведены лишь те структурные подразделения правительства провинциального уровня СВК, которые в своей деятельности тем или иным образом сталкиваются с проблематикой пограничной политики и приграничного сотрудничества, а их функциональные обязанности указаны лишь в тех случаях, когда наименование структурной единицы не даёт однозначного представления о выполняемых задачах и направлениях работы.

При этом исследование институциональной структуры пограничной политики КНР на региональном уровне возможно благодаря высокой степени децентрализации существующей вертикали административных органов в КНР, подразумевающей широкие полномочия региональных правительств в вопросах внешних связей и управления трансграничными отношениями [2, с. 145].

Необходимо пояснить, что СВК в нынешней официальной трактовке КНР включает провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, и также восемь восточных аймаков Внутренней Монголии (рисунок 1). В этой связи предметом исследования в рамках статьи являются народные правительства трёх северо-восточных провинций КНР и администрация АРВМ.

Институты пограничной политики провинции Хэйлунцзян

В таблице 1 представлена структура органов власти, причастных к выработке и реализации пограничной политики в провинции Хэйлунцзян. Ведущую роль играют комиссия развития и реформ и департамент коммерции.

Отдел возрождения и развития в составе комиссии развития и реформ [9] координирует реализацию политики возрождения старых промышленных баз СВК. Отдел содействия строительству "Пояса и пути" курирует осуществление политики "открытости", стратегии "Пояса и пути", руководит канцелярией по координации сотрудничества с Россией, канцелярией руководящей группы поддержки и развития открытости острова Хэйсяцзы (китайское наименование острова Большой Уссурийский).

В провинциальной канцелярии иностранных дел [13] выделяется отдел Евразии, который отвечает за работу с государствами постсоветского пространства, в том числе Россией. Следует пояснить, что в структурах китайских государственных органов термин "Евразия" употребляется для обозначения территории бывшего Советского Союза. Так, существующий в структуре МИД КНР Департамент

Евразии отвечает за работу с государствами постсоветского пространства за исключением стран Балтии, которые являются членами ЕС и отнесены к ведению Департамента Европы. В Министерстве коммерции КНР также существует Департамент Евразии, который отвечает за взаимодействие с государствами постсоветского пространства за исключением стран Балтии.

Департамент сельского хозяйства и сельской местности [11] включает в себя несколько подразделений, выполняющих ряд функций пограничной политики. Управление рыболовства и рыболовной политики реализует двусторонние российско-китайские соглашения о рыболовстве. Отдел управления растениеводством осуществляет карантинный надзор за импортируемыми растениями. Ветеринарный отдел осуществляет борьбу с эпизоотиями, в том числе трансграничным распространением болезней животных.

Отдел экономики и торговли департамента финансов [22] осуществляет бюджетное обеспечение внешней торговли и зарубежных инвестиционных проектов. Канцелярия по водосбережению департамента водных ресурсов [14] курирует вопросы международного сотрудничества на трансграничных водоёмах.

В состав департамента науки и технологий [10] входит отдел обеспечения иностранных специалистов и внешнего сотрудничества, который готовит планы привлечения зарубежных специалистов и международных научных обменов. Отдел научно-технического персонала и популяризации науки вышеупомянутого департамента осуществляет практическую реализацию мероприятий в области привлечения иностранных специалистов. Департамент образования [8] в лице своего отдела международного сотрудничества и обмена осуществляет образовательные обмены, занимается популяризацией китайского языка за рубежом.

Департамент человеческих ресурсов и социального обеспечения [12] включает в себя отдел управления мобильностью трудовых ресурсов, который координирует обмены в области трудовых ресурсов и социального обеспечения, а также отдел кадров государственных учреждений, координирующий трудоустройство иностранцев в госструктурах.

Отдел предотвращения и профилактики заболеваний комиссии по здравоохранению [15] планирует мероприятия по профилактике и предотвращению инфекционных заболеваний, в том числе трансграничных. В составе той же комиссии канцелярия чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения и безопасности производства проводит мониторинг рисков чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения, в том числе оценку рисков трансграничного распространения инфекций.

Институты пограничной политики провинции Цзилинь

В таблице 2 представлена структура органов власти, причастных к выработке и реализации пограничной политики в провинции Цзилинь. Ведущую роль играют комиссия развития и реформ и департамент коммерции.

Отдел комплексного реформирования экономической системы в составе комиссии развития и реформ [17] координирует реализацию программ "внешней открытости". Отдел общего развития курирует реализацию программ возрождения старых промышленных баз СВК. Общий энергетический отдел занимается вопросами международного сотрудничества в энергетике и рассматривает зарубежные инвестиционные проекты.

В составе комиссии развития и реформ также имеется три структурных подразделения, которые занимаются вопросами развития экономического района "Чан-Цзи-Ту". Этот регион площадью 30 тыс. км² расположен в треугольнике между городами Чанчунь, Цзилинь и Тумэнь. Геоэкономический ориентир проекта направлен на развитие района реки Туманной путём усиления приграничной интеграции. Координационный офис открытости "Чан-Цзи-Ту" формулирует политику развития экономического района, координационный отдел планирования "Чан-Цзи-Ту" готовит годовые и долгосрочные планы работы, отдел продвижения проектов "Чан-Цзи-Ту" занимается реализацией конкретных проектов в зоне экономического развития.

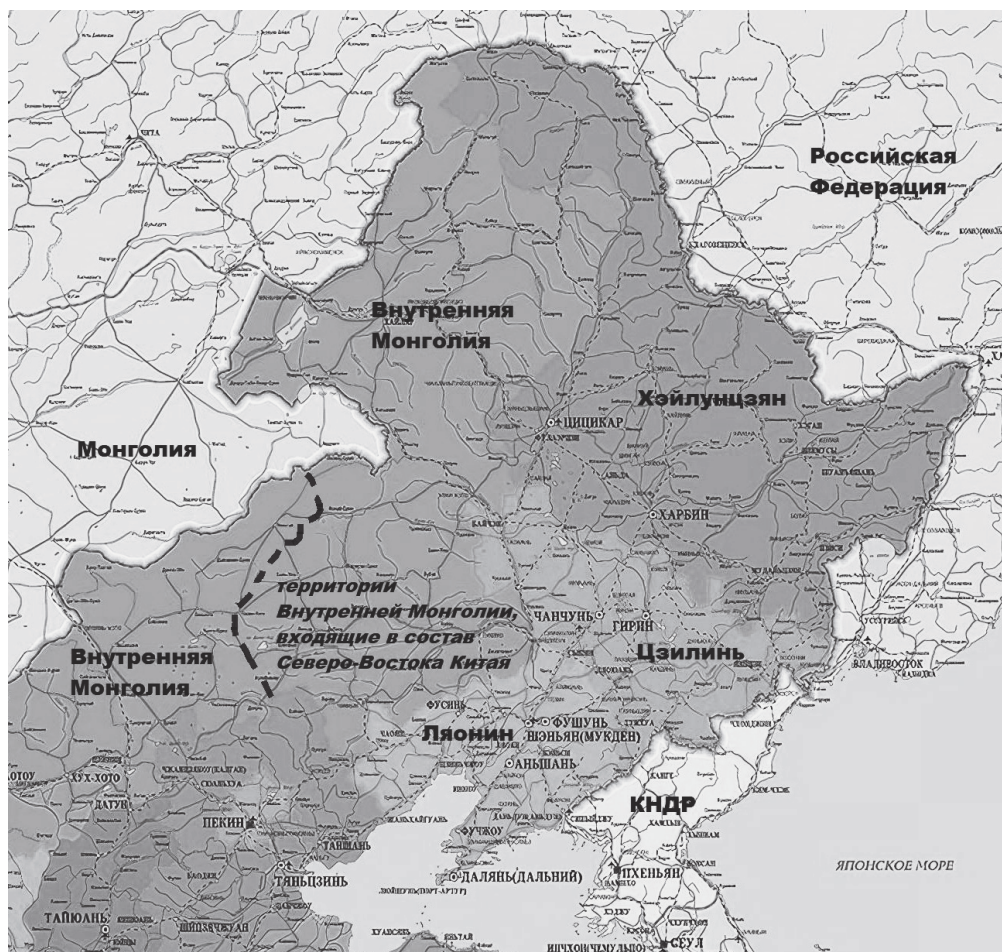

Рис. 1. Карта северо-восточных районов КНР

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Map of the northeastern regions of the People's Republic of China

Source: compiled by the authors.

Канцелярия по управлению транспортом и коммуникациями в пунктах пропуска департамента промышленности и информационных технологий [19] координирует международные перевозки и занимается соответствующими исследованиями.

В провинциальной канцелярии иностранных дел [18] существуют так называемые "первый" и "второй" азиатский отделы. Один из них курирует работу с КНДР, Республикой Корея и Японией, другой – со странами Юго-Восточной, Южной и Западной Азии. Отдел Европы и Америки взаимодействует с со странами Западной Европы, Северной и Южной Америки, Африки, Австралией и Океанией. Отдел Восточной Европы и Центральной Азии курирует работу с государствами соответствующих регионов, включая Россию, а также с Монголией.

Первый консульский отдел канцелярии иностранных дел взаимодействует с находящимися в провинции иностранными консульствами. Второй консульский отдел координирует официальные и деловые поездки жителей провинции за рубеж. В состав канцелярии иностранных дел входит визовый центр в Пекине, который взаимодействует с иностранными посольствами и представительствами в Китае, а также центральными ведомствами КНР.

Комиссия развития и реформ	отдел возрождения и развития
	отдел содействия строительству "Пояса и пути"
	отдел развития транспортной инфраструктуры
	отдел экономики и торговли
	отдел нефти и газа
	отдел внешнего сотрудничества
Департамент коммерции	общий отдел
	отдел регионального сотрудничества и развития
	отдел сопровождения инвестиций
	отдел внешней торговли
	отдел торговли с Россией
	отдел координации и руководства зонами свободной торговли
	отдел институциональных инноваций зон свободной торговли
	отдел управления иностранными инвестициями
	отдел иностранных инвестиций и экономического сотрудничества
	отдел экономического сотрудничества с Россией
	отдел международных экономических и торговых отношений
	канцелярия пунктов пропуска
Департамент промышленности и информационных технологий	отдел внешнеэкономического сотрудничества
Департамент сельского хозяйства и сельской местности	отдел внешнеэкономического сотрудничества
	управление рыболовства и рыболовной политики
	отдел управления растениеводством
	ветеринарный отдел
Департамент финансов	отдел экономики и торговли
Канцелярия иностранных дел	отдел по пограничным вопросам
	отдел управления въездом-выездом
	отдел работы с иностранцами
	консульский отдел
	отдел Америки и Океании
	отдел Европы и Африки
	отдел Евразии
	отдел Азии
Департамент культуры и туризма	отдел внешнего обмена и сотрудничества
Департамент природных ресурсов	отдел науки, технологий и внешнего сотрудничества
Департамент экологии и окружающей среды	отдел науки и технологий и внешнего сотрудничества
Департамент водных ресурсов	канцелярия по водосбережению
Департамент науки и технологий	отдел обеспечения иностранных специалистов и внешнего сотрудничества
	отдел научно-технического персонала и популяризации науки
Департамент образования	отдел международного сотрудничества и обмена

Департамент человеческих ресурсов и социального обеспечения	отдел управления мобильностью трудовых ресурсов
	отдел управления специализированным техническим персоналом
	отдел кадров государственных учреждений
	отдел работы с трудовыми мигрантами.
Комиссия по здравоохранению	отдел предотвращения и профилактики заболеваний
	канцелярия чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения и безопасности производства

Табл. 1. Структура органов пограничной политики провинции Хэйлунцзян.

Источник: [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 22].

Table 1. Structure of border policy authorities in Heilongjiang Province.

Source: [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 22].

Примечательно, что согласно своему официальному функционалу вопросами международного сотрудничества занимается и канцелярия управления традиционной медицины [20].

Институты пограничной политики провинции Ляонин

В таблице 3 представлена структура органов власти, участвующих в выработке и реализации пограничной политики провинции Ляонин. Как и в предыдущих двух регионах, ведущую роль играют комиссия развития и реформ и департамент коммерции.

Заслуживает внимания деятельность канцелярии обеспечения "пяти основных регионов" комиссии развития и реформ [23], которая курирует развитие пяти приморских экономических районов провинции Ляонин, определённых Госсоветом КНР в 2009 г. и образующих "Прибрежную экономическую зону Ляонин".

Отдел управления внешней торговлей департамента коммерции [27] формирует планы внешней торговли, контролирует соблюдение экспортных квот, управляет приграничной торговлей. Отдел обеспечения внешней торговли отвечает за развитие внешней торговли, занимается внешнеэкономической аналитикой. Отдел координации строительства морских и сухопутных коридоров координирует развитие северо-восточного сухопутно-морского коридора и железнодорожного коридора Ляонин-Европа. Под северо-восточным сухопутно-морским коридором понимается ряд транспортно-логистических проектов, направленных на оптимизацию грузовых перевозок между морскими портами провинции Ляонин и пунктами пропуска АРВМ на границе с Монголией [7].

Отдел планирования и координации двух островов департамента коммерции [27] координирует развитие китайско-северокорейских особых экономических зон Хуанцзинпин и Вэйхуа, расположенных на одноимённых островах. Острова Хуанцзинпин (кор. – Хвангумпён) и Вэйхуа (кор. – Вивха) находятся в дельте пограничной реки Ялу, в районе китайского г. Даньдун и северокорейского Синьиджу. В 2010 г. КНР и КНДР подписали соглашение о совместном развитии острова Вэйхуа, в 2011 г. – соглашение по острову Хуанцзинпин. Отдел также отвечает за экономическое сотрудничество с Россией, Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Монголией, КНДР, формулирует планы развития железнодорожного коридора Ляонин-Европа.

Отдел открытости пунктов пропуска департамента коммерции [27] формирует планы развития открытости погранпереходов, вырабатывает меры по модернизации пунктов пропуска. Отдел координации таможенного оформления координирует процессы оптимизации таможенного оформления и улучшения деловой среды в пунктах пропуска. Канцелярия департамента коммерции курирует вопросы деловых заграничных командировок.

Департамент промышленности и информационных технологий [24] также включает ряд подразделений, выполняющих ряд функций пограничной полити-

Комиссия развития и реформ	отдел содействия строительству "Пояса и пути"
	отдел комплексного реформирования экономической системы
	отдел общего развития
	отдел региональной экономики
	отдел использования иностранного капитала и зарубежных инвестиций
	отдел инвестиций в основной капитал
	отдел транспорта и коммуникаций
	отдел экономики и торговли
	общий энергетический отдел
	отдел железных дорог
	отдел технического сотрудничества
	координационный офис открытости района "Чан-Цзи-Ту"
	координационный отдел планирования "Чан-Цзи-Ту"
	отдел продвижения проектов "Чан-Цзи-Ту"
Департамент коммерции	отдел развития внешней торговли
	отдел внешней торговли
	отдел импорта и экспорта промышленной продукции
	отдел импорта и экспорта высокотехнологичной продукции
	отдел импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции
	отдел СВА
	отдел Евразии
	отдел иностранных инвестиций и экономического сотрудничества
	отдел сопровождения иностранных инвестиций
	первый отдел продвижения иностранных инвестиций
	второй отдел продвижения иностранных инвестиций
	координационный отдел комплексного содействия инвестициям
	отдел Бохайского залива
	отдел связи и поддержки торгово-промышленной палаты
	отдел торговли услугами
	конгрессно-выставочный отдел
	канцелярия пунктов пропуска провинции Цзилинь
	отдел планирования и модернизации зон развития
	отдел управления и обслуживания зон развития
	отдел развития и открытости приграничных территорий
	отдел по сотрудничеству с зоной Расон
	центр развития внешней торговли провинции Цзилинь
	центр внешнеэкономического сотрудничества провинции Цзилинь
	центр деловых связей провинции Цзилинь
	центр международного экономического сотрудничества и обменов
центр связи зон развития провинции Цзилинь	
центр содействия инвестициям провинции Цзилинь	

	контактный Центр по экономическому и технологическому сотрудничеству
Департамент промышленности и информационных технологий	отдел международного сотрудничества
	отдел планирования и инвестиций
	отдел транспорта и коммуникаций
	канцелярия управления транспортом и коммуникациями в пунктах пропуска
Департамент науки и технологий	отдел международного сотрудничества
	отдел обеспечения иностранных специалистов
	отдел внедрения зарубежных интеллектуальных ресурсов
Канцелярия иностранных дел	первый азиатский отдел
	второй азиатский отдел
	отдел Европы и Америки
	отдел Восточной Европы и Центральной Азии
	отдел пограничной работы
	первый консульский отдел
	второй консульский отдел
	визовый центр в Пекине
Управление традиционной медицины	канцелярия

Табл. 2. Структура органов пограничной политики провинции Цзилинь.

Источник: [17; 18; 19; 20].

Table 2. Structure of border policy authorities in Jilin Province.

Source: [17; 18; 19; 20].

ки. Общий отдел реализует меры возрождения старых промышленных баз СВК. Отдел промышленно-экономического функционирования исследует ситуацию в зарубежной промышленности, вырабатывает соответствующие рекомендации и прогнозы, координирует и развивает международные обмены. Отдел построения и развития мощного провинциального производства координирует реализацию программы "Сделано в Китае 2025". Программа направлена на повышение доли высокотехнологичной продукции в промышленном производстве КНР и является частью 13-й и 14-й пятилеток КНР (2016–2020 и 2021–2025 гг. соответственно).

В состав департамента транспорта [25] входит отдел общего планирования, который готовит планы развития автомобильного и водного транспорта, курирует вопросы иностранных инвестиций в объекты транспорта. Отдел автомобильного и водного транспорта занимается реализацией проектов развития автодорожной и водной инфраструктуры. Отдел перевозок координирует работу гражданской авиации и железнодорожного транспорта. Отдел управления строительством железных дорог формулирует политику и планы развития железнодорожной сети.

Департамент природных ресурсов [28] включает отдел управления морской акваторией и островами, координирующий использование прилегающего морского пространства и островных территорий. Отдел морского стратегического планирования и экономики реализует стратегии "морской державы" и "морской экономики". В частности, в "морскую экономику" входят производство морских инженерных сооружений и оборудования, использование морских возобновляемых источников энергии, добыча нефти и природного газа на море, судоремонт и судостроение, морские пассажирские перевозки и морской туризм.

Комиссия развития и реформ	отдел работ по строительству "Пояса и пути"
	отдел возрождения старых промышленных баз
	отдел инвестиций в основной капитал
	отдел использования иностранного капитала и зарубежных инвестиций
	отдел развития транспорта
	отдел региональной экономики
	отдел экономики и торговли
	общий энергетический отдел
	канцелярия обеспечения "пяти основных регионов"
Департамент коммерции	общий отдел
	отдел управления внешней торговлей
	отдел обеспечения внешней торговли
	отдел управления иностранными инвестициями
	отдел содействия иностранным инвестициям
	отдел внешнеэкономического сотрудничества
	отдел общего управления ЗСТ
	отдел конгрессно-выставочной индустрии
	отдел торговли услугами и коммерческого сервиса
	отдел управления зонами развития
	отдел обслуживания импорта
	отдел координации строительства морских и сухопутных коридоров
	отдел электронной коммерции
	отдел планирования и координации двух островов
	координационный отдел комплексной открытости
	отдел открытости пунктов пропуска
отдел координации таможенного оформления	
канцелярия	
Департамент промышленности и информационных технологий	общий отдел
	отдел нормативного регулирования
	отдел промышленно-экономического функционирования
	отдел построения и развития мощного провинциального производства
	отдел инвестиций и планирования
Департамент сельского хозяйства	отдел международного сотрудничества
Департамент транспорта	отдел нормативного регулирования
	отдел общего планирования
	отдел автомобильного и водного транспорта
	отдел перевозок
	отдел управления строительством железных дорог

Департамент науки и технологий	отдел привлечения интеллектуальных ресурсов и обеспечения иностранных специалистов
Департамент культуры и туризма	отдел внешнего обмена и сотрудничества
Департамент природных ресурсов	отдел науки, технологий и иностранных дел
	отдел управления морской акваторией и островами
	отдел морского стратегического планирования и экономики
Департамент экологии и окружающей среды	отдел международного сотрудничества
Канцелярия иностранных дел	отдел управления заграничными командировками
	бюро переводов
	отдел зарубежного администрирования
	отдел протокола, культуры и прессы
	отдел Европы и Америки
	отдел Евразии и Африки
	отдел Азии
	отдел управления пограничными вопросами
	отдел нормативного регулирования

Табл. 3. Структура органов пограничной политики провинции Ляонин.

Источник: [7; 23; 24; 25; 26; 27; 28].

Table 3. Structure of border policy authorities in Liaoning Province.

Source: [7; 23; 24; 25; 26; 27; 28].

В составе канцелярии иностранных дел [26] заслуживает внимания бюро переводов. Подразделение проводит переводческие тренинги, координирует работу переводчиков на международных мероприятиях, согласует публикации о провинции за рубежом. Отдел зарубежного администрирования канцелярии иностранных дел взаимодействует с иностранными консульскими учреждениями. Отдел протокола, культуры и прессы обеспечивает соблюдение регламентов международных встреч, взаимодействует с иностранными информационными агентствами. Отдел управления пограничными вопросами занимается пограничной проблематикой, в том числе взаимодействует с КНДР и с Республикой Корея.

Институты пограничной политики автономного района Внутренняя Монголия

В таблице 4 представлена структура органов власти, занимающихся пограничной политикой в АРВМ. Ведущую роль опять же играют комиссия развития и реформ и департамент коммерции.

Отдел регионального возрождения комиссии развития и реформ [29] курирует реализацию программ возрождения старых промышленных баз СВК, "Пояса и пути", "внешней открытости", взаимодействует с провинциями СВК, координирует создание экономического коридора Китай-Монголия-Россия.

Департамент коммерции [34] включает четыре подразделения, которые занимаются вопросами трансграничных инвестиций. Отдел управления иностранными инвестициями координирует привлечение иностранных инвестиций, планирует и руководит работой зон экономического развития и зон приграничного сотрудничества. Отдел координации инвестиционного сотрудничества осуществляет операционное управление вопросами иностранных инвестиций в районе. Отдел содействия инвестиционному сотрудничеству оказывает практическую поддержку иностранным инвесторам в регионе. Отдел иностранных инвестиций и экономического сотрудничества курирует вопросы инвестиционной деятельности региона за рубежом.

Бюро экономической деятельности департамента промышленности и высоких технологий [21] координирует транспортировку, в том числе трансграничную, угля, электроэнергии и нефти в промышленных целях, исследует рынок энергоресурсов, вырабатывает меры по модернизации инфраструктуры.

Вопросы пограничной политики также касаются отдел управления растениеводством и ветеринарное бюро департамента сельского хозяйства и животноводства [33]. Первый отвечает за карантин растений в пунктах пропуска, второй – за предупреждение и борьбу с трансграничными эпизоотиями.

Департамент транспорта и коммуникаций [31] включает отдел транспортного обеспечения, который оценивает экономическую эффективность и значение международных пассажирских автомобильных и водных перевозок.

Особого внимания заслуживают подразделения комиссии по делам национальностей [32], в составе которой существуют такие подразделения, как отдел теоретических исследований, отдел содействия национальному единству, отдел совместного развития, отдел сотрудничества восьми провинций и районов в области монгольского языка и письменности. К числу восьми административных единиц, где представлено монгольское этническое меньшинство, Госсовет КНР относит АРВМ, Синьцзян-Уйгурский автономный район, провинции Ганьсу, Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин, Хэбэй, Цинхай. На официальном сайте комиссии по делам национальностей задачи и полномочия её структурных подразделений не указаны, однако учитывая наличие в АРВМ монгольского этнического меньшинства и приграничное положение региона, вероятно, что их деятельность тем или иным образом связана с национально-этническим вектором пограничной политики КНР в отношении Монголии.

Управление радио и телевидения включает отдел управления медиа-организациями [30], который координирует внешние радио- и телевизионные коммуникации, сотрудничает с международными радио- и телекомпаниями с первоочередной направленностью на Россию и Монголию.

Заключение

Проведённый анализ свидетельствует, что структура участвующих в формировании и реализации пограничной политики КНР региональных органов власти формируется в зависимости не только от стоящих перед каждой административно-территориальной единицей задач развития, но и от сопредельного государства и характера взаимоотношений региона с ним. Так, в граничащей с РФ провинции Хэйлунцзян создана система органов явно выраженной "российской" направленности. Показателен пример выделения в составе департамента коммерции специальных отделов по торговле с Россией и по экономическому сотрудничеству с Россией. В институтах власти АРВМ, которая граничит как с РФ, так и с Монголией, прослеживается распределение задач и полномочий примерно поровну на монгольском и российском направлениях. Структура народного правительства про-

Комиссия развития и реформ	отдел стратегического развития и планирования
	общий отдел национальной экономики
	общий отдел структурных реформ
	отдел инвестиций в основной капитал
	отдел использования иностранного капитала и зарубежных инвестиций
	отдел региональной экономики
	отдел регионального возрождения
	отдел развития базовой инфраструктуры
отдел управления строительством железных дорог и объектов гражданской авиации	

Департамент коммерции	канцелярия пунктов пропуска
	отдел внешней торговли
	отдел торговли услугами и коммерческого сектора
	отдел управления иностранными инвестициями
	отдел координации инвестиционного сотрудничества
	отдел содействия инвестиционному сотрудничеству
	отдел иностранных инвестиций и экономического сотрудничества
Департамент промышленности и высоких технологий	бюро экономической деятельности
	отдел инвестиционного планирования
Департамент сельского хозяйства и животноводства	отдел рынка и международного сотрудничества
	отдел управления растениеводством
	ветеринарное бюро
Департамент транспорта и коммуникаций	отдел планирования
	отдел управления строительством
	отдел транспортного обеспечения
Департамент экологии и окружающей среды	отдел водной экологической среды
	отдел реагирования на изменения климата и международного сотрудничества
Департамент культуры и туризма	отдел внешних обменов и сотрудничества
Департамент науки и технологий	отдел научно-технического сотрудничества
Канцелярия иностранных дел	отдел согласования зарубежных поездок
	отдел международного сотрудничества
	отдел России и Монголии
	отдел управления вопросами по зарубежным странам
	отдел управления пограничными вопросами
Комиссия по делам национальностей	отдел теоретических исследований
	отдел содействия национальному единству
	отдел совместного развития
	отдел сотрудничества восьми провинций и районов в области монгольского языка и письменности
Управление радио и телевидения	отдел управления медиа-организациями

Табл. 4. Структура органов пограничной политики автономного района Внутренняя Монголия. Источник: [21; 29; 30; 31; 32; 33; 34].

Table 4. Structure of border policy authorities in of the Inner Mongolia Autonomous Region. Source: [21; 29; 30; 31; 32; 33; 34].

винции Цзилинь свидетельствует о приоритетной ориентированности региона в сторону сотрудничества с КНДР. Российская же тематика в структуре цзилиньских властных институтов фигурирует лишь в контексте пограничной для РФ, КНР и КНДР реки Туманной, развитием которой занимается по меньшей мере три подразделения провинциального правительства. Система институтов власти провинции Ляонин свидетельствует о концентрации внимания регионального руководства на вопросах морской акватории, трансграничной логистики и приграничном взаимодействии с КНДР и РК.

Проведённый анализ позволяет сформулировать некоторые рекомендации по учёту особенностей построения институтов пограничной политики СВК и повышения эффективности приграничного сотрудничества России с КНР.

В настоящее время для дальневосточных регионов РФ основными контрагентами приграничного взаимодействия с китайской стороны являются сотрудники канцелярий иностранных дел [4]. Вместе с тем стоит отметить возрастающую роль департаментов коммерции региональных правительств в процессах российско-китайского взаимодействия [3]. Канцелярии иностранных дел не имеют отношения к практической реализации международных проектов, а лишь доводят полученную в ходе международных контактов информацию до профильных подразделений правительств. Как следствие, при передаче сведений до конечных заинтересованных в составе китайских региональных администраций возможны различные формы смысловых aberrаций, причины которых могут крыться как в искажении фактов, так и в недостаточной компетентности сотрудников канцелярии в узкоспециализированных вопросах промышленности, науки или технологий.

Российским органам государственной власти и местного самоуправления, а также экономическим субъектам целесообразно выстраивать прямые рабочие контакты с профильными структурами китайских приграничных правительств, отвечающими за отдельные отраслевые или страновые направления. В провинции Хэйлунцзян примерами подобных подразделений являются отдел экономического сотрудничества с Россией департамента коммерции, отделы внешнеэкономического сотрудничества департамента промышленности и информационных технологий и департамента сельского хозяйства и сельской местности и др. В Цзилине можно выделить отдел Евразии департамента коммерции; в Ляонине – отдел обеспечения внешней торговли департамента коммерции или отдел морского стратегического планирования и экономики департамента природных ресурсов; в АРВМ – отдел транспортного обеспечения департамента транспорта и коммуникаций, отдел управления медиа-организациями управления радио и телевидения.

В администрациях северо-восточных регионов представлены подразделения, координирующие реализацию программ "Пояса и пути", "внешней открытости" и возрождения старых промышленных баз СВК. Кроме того, каждое региональное правительство имеет структурные единицы, наименование и функциональные обязанности которых подчёркивают основные приоритеты приграничного сотрудничества данной территории. В провинции Хэйлунцзян таковой структурой является канцелярия руководящей группы поддержки и развития открытости острова Хэйсяцзы, в Цзилине – отделы по развитию района "Чан-Цзи-Ту", в Ляонине – канцелярия обеспечения "пяти основных регионов" и отдел координации строительства морских и сухопутных коридоров, в АРВМ – курирующий работу зон приграничного сотрудничества отдел управления иностранными инвестициями.

При подготовке предлагаемых китайской стороне российских инициатив целесообразно учитывать обозначенные в структуре органов приграничной политики КНР приоритеты. К примеру, интерпретация инвестиционных проектов Приморского края через призму потенциальных преимуществ района "Чан-Цзи-Ту" может стать инструментом дополнительного привлечения внимания властей Цзилина к сотрудничеству с российским регионом. Однако для эффективного использования приоритетов китайской пограничной политики необходимо тщательно изучить административно-правовые режимы китайских особых экономических зон, их фактическую отраслевую направленность и наполняемость практическими проектами.

В завершение следует отметить, что структура управления пограничной политикой КНР не может не впечатлять своими размерами и разветвлённостью. Так, только на уровне провинции Хэйлунцзян в выработке и реализации пограничной политики без учёта партийных органов напрямую участвуют 13 различных департаментов. Структура институтов пограничной политики СВК может даже показаться громоздкой и избыточной. В оправдание существующей в СВК инсти-

туциональной системы пограничной политики стоит сказать, что каждый северо-восточный регион Китая обладает территорией и численностью населения сопоставимой с небольшими или даже среднего размера государствами. Так, имеющая наименьшую площадь среди регионов СВК провинция Цзилинь (1,87 тыс. км²), значительно превосходит по размерам территории граничащую с ней КНДР (1,2 тыс. км²). По численности населения (24 млн) провинция Цзилинь лишь немного уступает той же Северной Корее (25 млн). При этом регион поддерживает торгово-экономические отношения со 197 странами и территориями [39], превосходя по данному показателю и Северную Корею, и многие другие государства.

Может ли количество административно-организационных и человеческих (в виде сотен чиновников) ресурсов надежно обеспечивать качество и эффективность пограничной политики? Это не праздный вопрос для России, учитывая, что сопредельные с Китаем регионы Российской Федерации, в силу очевидно меньших финансовых и человеческих ресурсов, не могут конкурировать с провинциями КНР в создании и содержании столь же масштабных административно-бюрократических аппаратов. Сравнительный анализ российских и китайских институциональных структур пограничной политики, в том числе по показателям их эффективности, может стать интересным предметом отдельного исследования.

Литература

1. Глава Приморья: Торговый оборот с Китаем достигнет 10 миллиардов долларов // Правительство Приморского края: сайт. URL: <https://primorsky.ru/news/282159/?ysclid=lqohyqedpz925563675> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 143-153. (дата обращения 15.01.2024).
3. Крапивин В.В. Приморских предпринимателей приглашают на встречу с делегацией из Китая / В.В. Крапивин // Центр "Мой бизнес" Приморского края: сайт. URL: <https://xn--25-9kcqjffxfnf3b.xn--p1ai/news/primorskikh-predprinimateley-priglasheyut-na-vstrechu-s-delegatsiyey-iz-kitaya-%5C/> (дата обращения: 15.12.2023).
4. Шолик Н.М. Авиасообщение между Владивостоком и китайским Далянем планируют возобновить / Н.М. Шолик // Правительство Приморского края: сайт. URL: https://primorsky.ru/news/285016/?sphrase_id=6371717 (дата обращения: 15.12.2023).
5. 副市长: 陈霖. 简历. 工作分工 = Заместитель мэра: Чэнь Линь. Краткая биография. Должностные обязанности // Народное правительство г. Цзиси: сайт. URL: https://www.jixi.gov.cn/jixi/c100012/202308/c06_144907.shtml (дата обращения: 10.12.2023).
6. 副市长: 郭显文. 简历. 工作分工 = Заместитель мэра: Го Сяньвэнь. Краткая биография. Должностные обязанности // Народное правительство г. Цзиси: сайт. URL: https://www.jixi.gov.cn/jixi/c100012/202308/c06_144908.shtml (дата обращения: 10.12.2023).
7. 共建东北海陆大通道! 三省一区共同签署《倡议》 = Давайте вместе построим Северо-восточный сухопутно-морской коридор! Три провинции и один регион подписали совместную инициативу // Народное правительство провинции Цзилинь: сайт. URL: https://www.jl.gov.cn/zw/yw/zwlw/sz/202310/t20231016_2776624.html (дата обращения: 13.12.2023).
8. 国际合作与交流处 = Отдел международного сотрудничества и обмена // Департамент образования провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: http://jyt.hlj.gov.cn/jyt/c110499/202104/c00_30612094.shtml (дата обращения: 11.12.2023).
9. 黑龙江省发展和改革委员会. 内设机构 = Комиссия развития и реформ провинции Хэйлунцзян. Внутренняя организация // Комиссия развития и реформ провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: https://drc.hlj.gov.cn/drc/c111454/common_list.shtml (дата обращения: 11.12.2023).
10. 黑龙江省科学技术厅. 内设机构 = Департамент науки и технологий провинции Хэйлунцзян. Внутренняя организация // Департамент науки и технологий провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: https://kjt.hlj.gov.cn/kjt/c113936/common_list.shtml?tab=zdgknr (дата обращения: 11.12.2023).
11. 黑龙江省农业农村厅. 内设机构 = Департамент сельского хозяйства и сельской местности провинции Хэйлунцзян. Внутренняя организация // Департамент сельского хозяйства и сельской местности провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: https://nynct.hlj.gov.cn/nynct/c115440/public_list.shtml?tab=zdgknr (дата обращения: 11.12.2023).
12. 黑龙江省人力资源和社会保障厅. 内设机构 = Департамент человеческих ресурсов и социального обеспечения провинции Хэйлунцзян. Внутренняя организация // Департамент человеческих ресурсов и социального обеспечения провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: http://hrss.hlj.gov.cn/hrss/c111760/public_tt.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

13. 黑龙江省人民政府外事办公室。内设机构 = Канцелярия иностранных дел Народного правительства провинции Хэйлунцзян. Внутренняя организация // Канцелярия иностранных дел Народного правительства провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: <https://fao.hlj.gov.cn/fao/c111864/ft.shtml> (дата обращения: 11.12.2023).

14. 黑龙江省水利厅。内设机构 = Департамент водных ресурсов провинции Хэйлунцзян. Внутренняя организация // Департамент водных ресурсов провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: <https://slt.hlj.gov.cn/slt/c114068/ft.shtml> (дата обращения: 11.12.2023).

15. 黑龙江省卫生健康委员会。内设机构 = Комиссия по здравоохранению провинции Хэйлунцзян. Внутренняя организация // Комиссия по здравоохранению провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: <http://wsjkw.hlj.gov.cn/wsjkw/c109083/ft.shtml> (дата обращения: 11.12.2023).

16. 吉林: "口岸经济" 助开放 = Цзилинь: "экономика пунктов пропуска" помогает открыться // Государственный совет КНР: сайт. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-06/28/content_5404186.htm (дата обращения: 10.12.2023).

17. 吉林省发展和改革委员会。内设机构 = Комиссия по развитию и реформам провинции Цзилинь. Внутренние подразделения // Комиссия по развитию и реформам провинции Цзилинь: сайт. URL: <http://jldrc.jl.gov.cn/jgcs/> (дата обращения: 12.12.2023).

18. 吉林省外事办公室。内设机构 = Канцелярия иностранных дел провинции Цзилинь. Внутренние подразделения // Канцелярия иностранных дел провинции Цзилинь: сайт. URL: <http://wb.jl.gov.cn/yggk/nsjg/> (дата обращения: 12.12.2023).

19. 吉林省运输管理局 = Управление транспорта провинции Цзилинь // Департамент транспорта провинции Цзилинь: сайт. URL: http://jtyst.jl.gov.cn/jg_133173/jgsz/tzsdw/200810/t20081016_5414116.html (дата обращения: 12.12.2023).

20. 吉林省中医药管理局。办公室 = Управление традиционной медицины провинции Цзилинь. Канцелярия // Управление традиционной медицины провинции Цзилинь: сайт. URL: <http://jltcm.jl.gov.cn/jggk/jgz/bgs/> (дата обращения: 12.12.2023).

21. 经济运行局 = Бюро экономической деятельности // Департамент промышленности и высоких технологий автономного района Внутренняя Монголия: сайт. URL: http://gxt.nmg.gov.cn/chushi/202105/t20210510_1446154.html (дата обращения: 14.12.2023).

22. 经贸处 = Отдел экономики и торговли // Департамент финансов провинции Хэйлунцзян: сайт. URL: https://czt.hlj.gov.cn/czt/c110804/202103/c00_30601670.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

23. 辽宁省发展和改革委员会内设机构 = Внутренние подразделения комиссии развития и реформ провинции Ляонин // Комиссия развития и реформ провинции Ляонин: сайт. URL: <https://fgw.ln.gov.cn/fgw/zfxxgk/fdzdgknr/jgjj/jgsz/A8C5DEA69B184DAEB5DBC99DB4C4D6D6/index.shtml> (дата обращения: 13.12.2023).

24. 辽宁省工业和信息化厅。机关简介 = Департамент промышленности и информационных технологий провинции Ляонин. Общие сведения об организации // Департамент промышленности и информационных технологий провинции Ляонин: сайт. URL: <https://gxt.ln.gov.cn/gxt/zfxxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (дата обращения: 13.12.2023).

25. 辽宁省交通运输厅。机关简介 = Департамент транспорта провинции Ляонин. Общие сведения об организации // Департамент транспорта провинции Ляонин: сайт. URL: <https://jtt.ln.gov.cn/jtt/zfxxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (дата обращения: 13.12.2023).

26. 辽宁省人民政府外事办公室。机关简介 = Канцелярия иностранных дел провинции Ляонин. Общие сведения об организации // Канцелярия иностранных дел провинции Ляонин: сайт. URL: <https://wsb.ln.gov.cn/wsb/zfxxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (дата обращения: 13.12.2023).

27. 辽宁省商务厅。机关简介 = Департамент коммерции провинции Ляонин. Общие сведения об организации // Департамент коммерции провинции Ляонин: сайт. URL: <https://swt.ln.gov.cn/swt/zfxxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (дата обращения: 13.12.2023).

28. 辽宁省自然资源厅。机关简介 = Департамент природных ресурсов провинции Ляонин. Общие сведения об организации // Департамент природных ресурсов провинции Ляонин: сайт. URL: <https://zrzy.ln.gov.cn/zrzy/zfxxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (дата обращения: 13.12.2023).

29. 内蒙古自治区发展和改革委员会。机关简介 = Комиссия развития и реформ автономного района Внутренняя Монголия // Комиссия развития и реформ автономного района Внутренняя Монголия: сайт. URL: <https://fgw.nmg.gov.cn/zfxxgk/fdzdgknr/?gk=3> (дата обращения: 14.12.2023).

30. 内蒙古自治区广播电视台。内设机构 = Управление радио и телевидения автономного района Внутренняя Монголия. Внутренняя организация // Управление радио и телевидения автономного района Внутренняя Монголия: сайт. URL: https://gbdsj.nmg.gov.cn/gdj_zwggk/gdj_zfxxgk/gdj_zfxxgk_fdzdgk/?gk=2&cid=16035 (дата обращения: 14.12.2023).

31. 内蒙古自治区交通运输厅。机构设置。运输服务处 = Департамент транспорта и коммуникаций автономного района Внутренняя Монголия. Организационная структура. Отдел транспортного обеспечения // Департамент транспорта и коммуникаций автономного района Внутренняя Монголия: сайт. URL: <https://jtyst.nmg.gov.cn/zwgk/jgzn/jgsz/ysfwcl/> (дата обращения: 14.12.2023).

32. 内蒙古自治区民族事务委员会。机关简介 = Комиссия по делам национальностей автономного райо-

на Внутренняя Монголия. Общие сведения об организации // Комиссия по делам национальностей автономного района Внутренняя Монголия: сайт. URL: <https://mw.nmg.gov.cn/xxgk/?gk=1> (дата обращения: 14.12.2023).

33. 内蒙古自治区农牧厅。机构 = Департамент сельского хозяйства и животноводства автономного района Внутренняя Монголия. Аппарат // Департамент сельского хозяйства и животноводства автономного района Внутренняя Монголия: сайт. URL: http://gxt.nmg.gov.cn/chushi/202105/t20210510_1446154.html (дата обращения: 14.12.2023).

34. 内蒙古自治区商务厅。机关简介 = Департамент коммерции автономного района Внутренняя Монголия // Департамент коммерции автономного района Внутренняя Монголия: сайт. URL: <https://swt.nmg.gov.cn/zwgk/zcxxxgk/fdzdgnr/?gk=3&cid=14052> (дата обращения: 14.12.2023).

35. 中华人民共和国对外关系法 = Закон о международных отношениях Китайской Народной Республики // Государственный совет КНР: сайт. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 10.12.2023).

36. 中华人民共和国陆地国界法 = Закон о сухопутных границах Китайской Народной Республики // Всекитайское собрание народных представителей: сайт. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202110/5a3d27747cc542f8bccde9030a83218e2.shtml> (дата обращения: 10.12.2023).

37. 中华人民共和国外商投资法 = Закон об иностранных инвестициях Китайской Народной Республики // Министерство коммерции КНР: сайт. URL: <http://mg.mofcom.gov.cn/article/ddfg/201912/20191202924661.shtml> (дата обращения: 10.12.2023).

38. 中华人民共和国宪法 = Конституция Китайской Народной Республики // Государственный совет КНР: сайт. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 10.12.2023).

39. 2023年吉林外贸活力足对俄进出口“井喷式”增长 = В 2023 году внешняя торговля провинции Цзилинь была энергичной, а её импорт и экспорт в Россию вырос "фонтаном". // ИА China News. URL: <https://m.chinanews.com/wap/detail/chs/zw/10149444.shtml> (дата обращения: 20.01.2024).

40. 2023年黑龙江密山经济开发区管理委员会部门预算公开 = Опубликование бюджета Комитета по управлению зоной экономического развития Мишань провинции Хэйлунцзян на 2023 год // Народное правительство г. Мишань: сайт. URL: https://www.hljms.gov.cn/mss/c100672/202303/c06_61832.shtml (дата обращения: 10.12.2023)..

References

1. Head of Primorsky Krai: Trade turnover with China will reach 10 billion dollars // Government of Primorsky Krai: website. URL: <https://primorsky.ru/news/282159/?ysclid=lqohyqedpz925563675> (accessed 10.12.2023). (In Russ.).

2. Ivanov S.A. Activities of subnational governments in cross-border cooperation between Russia and China: systemic constraints and the problem of motivation // Russia and the Asia-Pacific region. 2011. No. 2. P. 143-153. (accessed 15.01.2024). (In Russ.).

3. Krapivin V.V. Primorye entrepreneurs are invited to a meeting with a delegation from China / V.V. Krapivin // "My Business" Center of the Primorsky Territory: website. URL: <https://xn--25-9kcqjffxf3b.xn--p1ai/news/primorskikh-predprinimateley-priglasheyut-na-vstrechu-s-delegatsiyey-iz-kitaya-%5C/> (accessed 15.12.2023). (In Russ.).

4. Sholik N.M. Air traffic between Vladivostok and Chinese Dalian is planned to be resumed / N.M. Sholik // Government of Primorsky Krai: website. URL: https://primorsky.ru/news/285016/?sphrase_id=6371717 (accessed 15.12.2023). (In Russ.).

5. Deputy Mayor: Chen Lin. Short biography. Job responsibilities // People's Government of Jixi: website. URL: https://www.jixi.gov.cn/jixi/c100012/202308/c06_144907.shtml (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

6. Deputy Mayor: Guo Xianwen. Short biography. Job responsibilities // People's Government of Jixi: website. URL: https://www.jixi.gov.cn/jixi/c100012/202308/c06_144908.shtml (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

7. Let's build the Northeast Land-Sea Corridor together! Three provinces and one region signed a joint initiative // People's Government of Jilin Province: website. URL: https://www.jl.gov.cn/zw/yw/zwlw/sz/202310/t20231016_2776624.html (accessed 13.12.2023). (In Chin.).

8. Office of International Cooperation and Exchange // Department of Education of Heilongjiang Province: website. URL: http://jyt.hlj.gov.cn/jyt/c110499/202104/c00_30612094.shtml (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

9. Heilongjiang Provincial Development and Reform Commission. Internal organization // Development and Reform Commission of Heilongjiang Province: website. URL: https://drc.hlj.gov.cn/drc/c111454/common_list.shtml (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

10. Department of Science and Technology of Heilongjiang Province. Internal organization // Department of Science and Technology of Heilongjiang Province: website. URL: https://kjt.hlj.gov.cn/kjt/c113936/common_list.shtml?tab=zdgknr (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

11. Department of Agriculture and Rural Affairs of Heilongjiang Province. Internal organization // Department of Agriculture and Rural Affairs of Heilongjiang Province: website. URL: https://nynct.hlj.gov.cn/nynct/c115440/public_list.shtml?tab=zdgknr (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

12. Department of Human Resources and Social Welfare of Heilongjiang Province. Internal organization //

Department of Human Resources and Social Security of Heilongjiang Province: website. URL: http://hrss.hlj.gov.cn/hrss/c111760/public_tt.shtml (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

13. Foreign Affairs Office of the People's Government of Heilongjiang Province. Internal organization // Foreign Affairs Office of the People's Government of Heilongjiang Province: website. URL: <https://fao.hlj.gov.cn/fao/c111864/tt.shtml> (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

14. Heilongjiang Provincial Water Resources Department. Internal organization // Department of Water Resources of Heilongjiang Province: website. URL: <https://slt.hlj.gov.cn/slt/c114068/tt.shtml> (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

15. Heilongjiang Provincial Health Commission. Internal organization // Heilongjiang Provincial Health Commission: website. URL: <http://wsjkw.hlj.gov.cn/wsjkw/c109083/tt.shtml> (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

16. Jilin: "the economy of checkpoints" helps to open up // State Council of the People's Republic of China: website. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-06/28/content_5404186.htm (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

17. Jilin Provincial Development and Reform Commission. Internal divisions // Development and Reform Commission of Jilin Province: website. URL: <http://jldrc.jl.gov.cn/jgcs/> (accessed 12.12.2023). (In Chin.).

18. Foreign Affairs Office of Jilin Province. Internal divisions // Foreign Affairs Office of Jilin Province: website. URL: <http://wb.jl.gov.cn/yggk/nsjg/> (accessed 12.12.2023). (In Chin.).

19. Jilin Provincial Transport Division // Jilin Provincial Transport Department: website. URL: http://jtyst.jl.gov.cn/jg_133173/jgsz/tzsdw/200810/t20081016_5414116.html (accessed 12.12.2023). (In Chin.).

20. Department of Traditional Medicine of Jilin Province. Office // Department of Traditional Medicine of Jilin Province: website. URL: <http://jltcm.jl.gov.cn/jggk/jgzj/bgs/> (accessed 12.12.2023). (In Chin.).

21. Bureau of Economic Activities // Department of Industry and High Technologies of the Inner Mongolia Autonomous Region: website. URL: http://gxt.nmg.gov.cn/chushi/202105/t20210510_1446154.html (accessed 14.12.2023). (In Chin.).

22. Office of Economics and Trade // Department of Finance of Heilongjiang Province: website. URL: https://czt.hlj.gov.cn/czt/c110804/202103/c00_30601670.shtml (accessed 11.12.2023). (In Chin.).

23. Internal divisions of the Development and Reform Commission of Liaoning Province // Development and Reform Commission of Liaoning Province: website. URL: <https://fgw.ln.gov.cn/fgw/zfxgk/fdzdgknr/jgjj/jgsz/A8C5DEA69B184DAEB5DBC99DB4C4D6D6/index.shtml> (accessed 13.12.2023). (In Chin.).

24. Department of Industry and Information Technology of Liaoning Province. General information about the organization // Department of Industry and Information Technology of Liaoning Province: website. URL: <https://gxt.ln.gov.cn/gxt/zfxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (accessed 13.12.2023). (In Chin.).

25. Department of Transport of Liaoning Province. General information about the organization // Department of Transport of Liaoning Province: website. URL: <https://jtt.ln.gov.cn/jtt/zfxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (accessed 13.12.2023). (In Chin.).

26. Office of Foreign Affairs of Liaoning Province. General information about the organization // Office of Foreign Affairs of Liaoning Province: website. URL: <https://wsb.ln.gov.cn/wsb/zfxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (accessed 13.12.2023). (In Chin.).

27. Department of Commerce of Liaoning Province. General information about the organization // Department of Commerce of Liaoning Province: website. URL: <https://swt.ln.gov.cn/swt/zfxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (accessed 13.12.2023). (In Chin.).

28. Department of Natural Resources of Liaoning Province. General information about the organization // Department of Natural Resources of Liaoning Province: website. URL: <https://zrzy.ln.gov.cn/zrzy/zfxgk/fdzdgknr/jgjj/index.shtml> (accessed 13.12.2023). (In Chin.).

29. Development and Reform Commission of the Inner Mongolia Autonomous Region // Development and Reform Commission of the Inner Mongolia Autonomous Region: website. URL: <https://fgw.nmg.gov.cn/zfxgk/fdzdgknr/?gk=3> (accessed 14.12.2023). (In Chin.).

30. Radio and Television Administration of Inner Mongolia Autonomous Region. Internal organization // Radio and Television Administration of the Inner Mongolia Autonomous Region: website. URL: https://gbdsj.nmg.gov.cn/gdj_zwgk/gdj_zfxgk/gdj_zfxgk_fdzdgk/?gk=2&cid=16035 (accessed 14.12.2023). (In Chin.).

31. Department of Transport and Communications of Inner Mongolia Autonomous Region. Organizational structure. Department of Transport Support // Department of Transport and Communications of the Inner Mongolia Autonomous Region: website. URL: <https://jtyst.nmg.gov.cn/zwgk/jgzj/jgsz/ysfwc/> (accessed 14.12.2023). (In Chin.).

32. Nationalities Affairs Commission of the Inner Mongolia Autonomous Region. General information about the organization // Nationalities Affairs Commission of the Inner Mongolia Autonomous Region: website. URL: <https://mw.nmg.gov.cn/xxgk/?gk=1> (accessed 14.12.2023).

33. Department of Agriculture and Livestock of Inner Mongolia Autonomous Region. Apparatus // Department of Agriculture and Livestock of the Inner Mongolia Autonomous Region: website. URL: http://gxt.nmg.gov.cn/chushi/202105/t20210510_1446154.html (accessed 14.12.2023). (In Chin.).

34. Department of Commerce of the Inner Mongolia Autonomous Region // Department of Commerce of the Inner Mongolia Autonomous Region: website. URL: <https://swt.nmg.gov.cn/zwgk/zcxxgk/fdzdgknr/?gk=3&cid=14052> (accessed 14.12.2023). (In Chin.).

35. Law on International Relations of the People's Republic of China // State Council of the People's Republic of China: website. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

36. Law on the Land Borders of the People's Republic of China // National Assembly of People's Representatives: website. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202110/5a3d27747cc542f8bcde9030a83218e2.shtml> (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

37. Law on Foreign Investments of the People's Republic of China // Ministry of Commerce of the People's Republic of China: website. URL: <http://mg.mofcom.gov.cn/article/ddfg/201912/20191202924661.shtml> (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

38. Constitution of the People's Republic of China // State Council of the People's Republic of China: website. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

39. In 2023, Jilin Province's foreign trade was vigorous, and its imports and exports to Russia grew like a fountain // China News. URL: <https://m.chinanews.com/wap/detail/chs/zw/10149444.shtml> (accessed: 20.01.2024). (In Chin.).

40. Publication of the budget of the Committee for Management of the Mishan Economic Development Zone of Heilongjiang Province for 2023 // People's Government of Mishan City: website. URL: https://www.hljms.gov.cn/mss/c100672/202303/c06_61832.shtml (accessed 10.12.2023). (In Chin.).

Роман Викторович ТАРАНТУЛ, соискатель учёной степени кандидата политических наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: tarantil@rambler.ru

Артём Леонидович ЛУКИН, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: artlukin@mail.ru

Roman V. TARANTUL, Applicant for the Degree of Candidate of Political Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tarantil@rambler.ru

Artyom L. LUKIN, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: artlukin@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 29.12.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 03.05.2024

Принята к публикации

(Accepted) 08.06.2024

Особенности взаимного влияния "мягкой силы" США и Японии

Ксения Геннадьевна САНИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sanina.kg@dvfu.ru

Владимир Иванович АЛЕКСЕЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, alekseev.vi@dvfu.ru

Михаил Евгеньевич НАЧМАНСКИЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, nachmanskii.me@dvfu.ru

Аннотация. После окончания Второй мировой войны "мягкая сила" являлась краеугольным камнем внешней политики Японии и важнейшим инструментом выстраивания внешнеполитических отношений США. Основными результатами исследования можно считать определение и описание главных направлений взаимного применения "мягкой силы" США и Японией, ставших основой прочного межгосударственного альянса после одного из самых сокрушительных применений "жесткой силы" в мировой истории. В исследовании применялись теоретические методы исследования – анализ специализированной литературы, связанной с темой статьи и посвященной смежным проблемам международных отношений, истории и внешней политики.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, США, Япония, "мягкая сила"

Для цитирования: Санина К.Г., Алексеев В.И., Начманский М.Е. Особенности взаимного влияния "мягкой силы" США и Японии // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 141–150. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/141-150>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/141-150>

Peculiarities of USA and Japan mutual "soft power" influence

Ksenia G. SANINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sanina.kg@dvfu.ru

Vladimir I. ALEKSEEV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, alekseev.vi@dvfu.ru

Mikhail E. NACHMANSKII

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, nachmanskii.me@dvfu.ru

Abstract. "Soft power" became a key element of Japan's foreign policy and one of the most important instruments in the United States' diplomacy after World War II. The main results of the study are the identification and description of the major areas of mutual use of "soft power" by the United States and Japan, which became the basis of a strong interstate alliance after one of the most devastating uses of "hard power" in world history. Theoretical research methods, such as analysis of specialized literature related to the topic of the article and devoted to related problems of international relations, history and foreign policy, were used as a main methodology.

Keywords: international relations, foreign policy, the United States, Japan, "soft power"

For citation: Sanina K.G., Alekseev V.I., Nachmanskii M.E. Peculiarities of USA and Japan mutual "soft power" influence // Oriental Institute Journal. 2024. No. 2. P. 141–150. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/141-150>

Введение

Проблема влияния "мягкой силы" на политику мировых держав является одной из актуальнейших для международной политики. Ввиду обострения противоречий высокой становится опасность столкновения между ведущими ядерными державами, которое "мягкая сила" была призвана отсрочить, а в идеале – нивелировать. На фоне роста применения "жесткой силы" становится ярче пример взаимодействия "мягкой силы" США и Японии, в результате которого два государства-соперника во Второй мировой войне (1939–1945) смогли стать союзниками.

Исследованию феномена "мягкой силы" посвящено множество научных трудов. Особо выделяются работы Дж. Найя – он впервые предложил и термин "мягкая сила" (soft power), и саму теорию, посвященную данному явлению [29; 31]. Ис-

следования таких отечественных ученых, как Л.Р. Рустамова [12], Д.М. Ковалева [6], освещают теоретические особенности концепции "мягкой силы"; М.В. Братерский, А.С. Скриба [2], А.А. Полякова [10] изучали особенности применения "мягкой силы" во внешней политике США; О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба [11], В.А. Королев, С.С. Кудрявцева [7] рассматривают особенности использования "мягкой силы" в странах АТР. Однако взаимное влияние "мягкой силы" США и Японии не было достаточно изучено ни отечественными, ни зарубежными учеными. Целью данной работы является рассмотрение инструментария обеих стран, которым они пользовались при реализации политики "мягкой силы" в отношении друг друга.

По мнению Дж. Най, "сила – это способность влиять на других с целью получения желаемого результата при помощи принуждения, денег, привлекательности или убеждения. Мягкая сила – это способность получать желаемое скорее за счет привлекательности, чем за счет принуждения или денег" [32]. А.Ю. Касюк полагает, что "мягкая сила" выгодно отличается от "жесткой силы" тем, что при успехе она приводит к более долговременным и надежным результатам" [5, с. 52].

Воздействие на граждан других стран через идеи и привлекательный имидж страны задает нужную США повестку и подспудно внушает доминантную ценность тех приоритетов, за которые ратует США. Най признает, что использование "мягкой силы" не делает США привлекательными для всех. Однако там, где "мягкая сила" сработала, она дала США огромное преимущество [32]. Более того, Най увязывает усиление антиамериканских настроений в мире с креном в сторону использования "жесткой силы", который начался во внешней политике США со времен войны в Ираке [30, р. 255].

"Мягкую силу" любого государства можно разделить на активную, "деятельную" и пассивную [5, с. 50]. К активной относится политика государства, направленная на создание положительного имиджа и поддержку своих позиций на международной арене. К пассивной – уже сформированный имидж и определенные свойства государства, которые являются привлекательными сами по себе и не требуют дополнительного вмешательства и пропаганды со стороны государства [18, р. 454]. Работу частных компаний и фондов, которые в рамках своей деятельности опосредованно поддерживают устоявшийся имидж государства, своей деятельностью или продукцией продвигают западные ценности и улучшают имидж США в рамках "культурной дипломатии", также следует отнести к пассивной "мягкой силе" [10, с. 92].

Особенности применения стратегии "мягкой силы" США в отношении Японии

После окончания Второй мировой войны для США основными стали задачи по примирению и взаимодействию с побежденной Японией и её демократизации. Интеракция США и Японии в этом контексте приобрела особую актуальность после победы сил КПК в гражданской войне в Китае (1946–1949) и началом Корейской войны в 1950 г., так как Япония стала выполнять роли союзника, военной базы и витрины капиталистической системы в АТР.

О влиянии исключительно "мягкой силы" США на Японию можно говорить начиная с момента ухода Союзных оккупационных сил из Японии в 1952 г. К середине 1950–х гг. Япония все еще не считала себя союзником США. Взаимодействие двух стран строилось на вынужденном сотрудничестве, прослеживались тенденции к выходу Японии из американской сферы влияния. Доказательством этого является деятельность премьер-министров Японии Хатояма Итиро (занимал пост в 1954–1956 гг.) и Исибаси Тандзан (занимал пост в 1956–1957 гг.), направленная на нормализацию отношений и установление прочных экономических связей между Японией, СССР и КНР. Всё изменилось с приходом к власти Киси Нобусукэ в 1957 г. Будучи ярким антикоммунистом и синафобом, Киси выступал за продолжение сотрудничества с США. Это делало его очень удобным кандидатом для продвижения интересов США в регионе. ЦРУ активно влияло на членов Либерально-демократической партии Японии (в создании которой принимало непосредственное участие) для продвижения его кандидатуры на должность премьер-министра [28,

р. 95–98]. Эта резкая смена настроений в высшем эшелоне японской власти открыла новую главу в отношениях Японии и США.

Дж. Най считает основой стратегии "мягкой силы" государства три аспекта: институты государственной власти, идеологию и культуру [29, р.167]. К "мягкой силе" институтов государственной власти относятся меры экономического воздействия [29, р. 168], которые США применяли в отношении Японии. Среди подобных мер – удвоение критически необходимых для интенсификации экономического роста иностранных займов для Японии в 1958 г. Основными кредиторами выступили США и Всемирный банк, в котором США имели большой вес и буквально продавили эту инициативу [17, р. 89–90]. К таким мерам относится учреждение "Объединенного комитета по американо-японской торговле" (Joint Committee on US-Japan Trade) в 1958 г., в рамках которого японские товары могли попасть на американский рынок по сниженным тарифам [16]. Так США поглотят почти 30% от всего японского импорта за 1960–е гг. К мерам экономического воздействия относится ограничение военного бюджета. Если бы Япония взяла на себя бремя собственной обороны, ее темпы экономического роста были бы ниже на 30% [34]. Все эти меры явились важными факторами возникновения "японского экономического чуда" [16].

Одним их наиболее эффективных инструментов "мягкой силы" является кинематограф [33; 36]. В 1945 г. оккупационная администрация США возобновила показ американских фильмов в японских кинотеатрах, а с 1953 г. по японскому телевидению стали демонстрировать американские телевизионные шоу. Интерес японского зрителя к американскому кино сохраняется и сегодня. Из десяти самых кассовых лент за 2022 г. четыре были произведены в Голливуде [44]. Если говорить о самых кассовых кинофильмах в японском прокате за все время статистических подсчетов, то на ноябрь 2023 г. семь кинофильмов производства США входят в число двадцати самых прибыльных на кинорынке Японии [47].

Еще в 1990 г. Дж. Най указывал на значение информационных ресурсов и распространения информации как аспектов "мягкой силы" [29, р. 164], и сегодня в Японии активно развивается рынок интернет-ресурсов, многие из которых являются продуктом компаний из США. На ноябрь 2023 г. число японских пользователей Facebook – 48,27 млн., а количество пользователей X (Twitter) – 68,85 млн. [26]. Почти все японские государственные деятели, службы и организации и многие компании имеют официальный аккаунт в X. Со времени пандемии коронавируса растет количество пользователей американских стриминговых сервисов Netflix и Amazon Prime [42], и эти компании доминируют на японском рынке [43].

Несмотря на недоверие японской общественности к НКО и различным фондам, на территории Японии активно действуют множество американских организаций. Стоит выделить такие организации, как Американо-японский фонд, основанный в 1980 г. и занимающийся продвижением американской культуры, поддержкой выдающихся молодых специалистов и предоставление грантов на обучение в США [39], и Американо-японский совет, основанный в 2009 г. и занимающийся поддержкой и развитием лидерских навыков выдающихся молодых специалистов, особенно американцев японского происхождения [40].

Увлечение обеих наций бейсболом также связано с политикой "мягкой силы" – С. Визенсейл в качестве примера значимой роли бейсбола в укреплении американо-японских отношений приводит турнир юниоров, который регулярно проводится поочередно на о. Сикоку и Гавайях в память о японских учащих и преподавателях рыболовецкого училища, погибших в 2001 г. в результате столкновения траулера "Эхиме Мару" и американской подводной лодки "Гринвилл". С. Визенсейл утверждает, что "будь затонувшее судно северокорейским, возможно, началась бы война между США и Северной Кореей. Но в данном случае японские и американские официальные лица смогли обратиться к знакомой форме дипломатии – бейсболу" [41]. Национальные команды регулярно встречаются в финалах "Мировой классики бейсбола" начиная с 2008 г., а драфт и переход американских игроков в японские команды и наоборот уже стал обыденностью [45].

Особенности "обратного" влияния стратегии "мягкой силы" Японии в отношении США

По утверждению С.В. Волкова, "взаимодействие США и Японии – процесс двусторонней институционализации отношений Вашингтона и Токио в политической, военной и экономической сферах межгосударственных отношений. Определение взаимодействия как двусторонней институционализации следует из того, что она является традиционным ядром любых межгосударственных отношений, в том числе японо-американских" [3, с. 64]. В связи с этим нельзя игнорировать роль Японии в процессе "обратного" влияния на США в контексте концепции "мягкой силы". США остаются главным союзником Японии, но из-за очевидного дисбаланса сил в этом альянсе в пользу США в связи с изначальными позициями "победителя" (США) и "побежденного" (Япония), отсутствия у Японии полноценных вооруженных сил в соответствии с 9-ым пунктом Конституции Японии, принятой в 1947 г., и полной зависимостью от США в сфере безопасности, масштабами государств в контексте экономического и военно-политического веса на международной арене и пр., Японии пришлось выработать рычаги влияния на США, которые относятся именно к "мягкой силе" [4, с. 76].

В 1950–60 гг. применение "мягкой силы" имело одну цель – искоренение образа милитаристской державы. Проведение Олимпиады в Токио в 1964 г. с бюджетом в 3,7% валового национального продукта [9, с. 389] имело под собой важную цель – восстановление имиджа Японии в глазах мировой общественности. Однако нефтяной кризис 1970–х гг., снижение рождаемости и экономическая стагнация значительно замедлили рост ВВП Японии, что заставило бизнес и правительство направить средства на усиление присутствия японских компаний на рынке креативных отраслей для укрепления позитивного имиджа Японии [20].

Япония подошла к концепту "мягкой силы" с институциональной стороны. В 2004 г. для разработки концептуальной основы "мягкой силы" был создан Консультативный совет во главе с профессором университета Хосэй А. Тамоцу. Подход к этой задаче был основан на экспорте культурных ценностей с целью показать историческую значимость Японии всему миру. Разработанный Консультативным советом концепция видит самобытную массовую культуру как первый этап в погружении и усвоения остальных пластов японской культуры [8, с. 137–138].

Впервые этот курс японского правительства озвучил министр иностранных дел Т. Асо в 2006 г. Основные положения курса были обобщены в его программной речи от 2008 г. "Новый взгляд на культурную дипломатию", прочитанной в Университете цифрового Голливуда в г. Токио [15]. Особо отмечалось дальнейшее продвижение "мягкой силы" за рубежом как одного из наиболее перспективных направлений развития страны, а также пропаганда японской поп-культуры.

В Японии существует много организаций, деятельность которых направлена на укрепление культурных и интеллектуальных связей с зарубежными странами и на распространение японских культурных ценностей. Практическая реализация "мягкой силы" Японии является прерогативой Министерства иностранных дел (*Гаймусэ*), которое содействует продвижению традиционной японской культуры и поп-культуры, а также изучению японского языка за рубежом при поддержке аффилированного с МИД Японского Фонда. Японский фонд (Japan Foundation) – культурное агентство, которое было основано в 1972 г. [24]. Сейчас Японский фонд используется в качестве основного государственного инструмента мягкой силы в культурных и интеллектуальных обменах [14, с. 61].

К числу главных задач Фонда относится распространение в мире японского языка. Японский фонд имеет два офиса в США: первый в Лос-Анджелесе, второй в Нью-Йорке. Нью-Йоркское отделение периодически организует спортивные и культурные фестивали. На регулярной основе в рамках ежегодного аниме собрания в Нью-Йорке идут лекции, посвященные разным аспектам японской культуры. Отделение Japan Foundation в Лос-Анджелесе еще более активно в рамках подобной деятельности – в 2023 г. в там было организовано более 20 культурных мероприятий в разных форматах [25].

Каждые три года Японский фонд публикует доклад "Исследования преподавания японского языка за рубежом". Согласно его результатам, число изучающих японский язык американцев возросло с 1979 г. до 2018 г. примерно на 120 тысяч человек [37, р. 7]. Японский фонд активно выделяет существенную часть ассигнований на культурный и научный обмен с США, гораздо больше, чем на те же цели в отношении, например, России [46, с. 14].

Активную роль на американском направлении играет инициатива "Cool Japan", делающая упор на креативные отрасли, т. е. поп-музыку, рекламу, искусство, дизайн, *аниме*, гастрономические изыски и пр. [19]. Экспорт креативного продукта Японии должен способствовать притоку туристов. Согласно данным от Японской национальной туристической организации, количество туристов, прибывших из США в Японию, выросло более чем в два раза в период с 2004 г. по 2019 г. Даже несмотря на примерно 30% снижение американского туризма из-за имиджевого ущерба в контексте привлекательности Японии как туристического направления после аварии на АЭС Фукусима, японская "мягкая сила" сумела его восполнить. Жесткая реакция и строгие ограничения японского правительства в связи с пандемией COVID-19 повлияли на сильное сокращение потока туристов, однако со снятием последних антиковидных ограничений японским правительством поток туристов из США восстанавливается [22].

Нужно отметить, что основоположник концепции "мягкой силы" Дж. Най в своей "программной" статье 1990 г. писал, что японские потребительские товары и кухня стали модными за рубежом, но они не вызывают у иностранцев ассоциаций с более широким пластом ценностей, как это происходит с товарами, произведенными в США. Най полагал, что, несмотря на то что успех промышленного сектора Японии дает стране важный источник "мягкой силы", Япония будто не может преодолеть ориентацию своей культуры "вовнутрь", но многих японцев беспокоит недостаток "интернационализации" и сложности с трансляцией более широких ценностных смыслов [29, р. 169–170].

В начале XXI в. Япония, словно учитывая замечания Дж. Найа, прилагала максимум усилий для обеспечения "интернационализации" своей продукции. Так в 2013 г. японская кухня – *ваасёку*, была внесена ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества. Затем в рамках ДЖЕТРО (JETRO, организация содействия внешней торговле и инвестициям) в 2017 г. был основан Японский центр продвижения японских продуктов за рубежом (JFOODO), занимающийся созданием рекламной платформы для продвижения брендов на международной арене [13, с. 13]. Для США существуют специальные сайты по продвижению японской мраморной говядины-*вагю*, морских продуктов (японской лакедры – *бури*), зеленого чая, рисовой муки, алкогольной продукции (*саке* и *сёто*), ферментированной соевой пасты – *мисо*. Экспорт продуктов первичного сектора экономики из Японии в США вырос с 2017 г. до 2021 г. на 52%. Для сравнения: с 2012 г. по 2014 г. этот показатель увеличился лишь на 11% [21]. Другим показателем успеха японской гастродипломатии в США служит рост количества местных японских ресторанов [27].

МИД принимает столь же активное участие в продвижении гастрономической культуры Японии в рамках программы "Бренд Японии". Эта инициатива направлена на популяризацию японских традиционных отраслей через организацию семинаров, тренингов с ведущими представителями японской культуры и промышленности. Все мероприятия имеют под собой экономическую подоплеку и об этом прямо говорится на официальном сайте МИД Японии [23]. В рамках программы "Бренд Японии" в разных городах США с 2015 г. по 2021 г. проводились семинары, посвященные японскому *саке*, *сёто* и *авамори*, японскому виски, *манга*, искусству *бонсай*. По перечисленным мероприятиям очевидно, что их значительная доля направлена на популяризацию японского алкоголя. И действительно, с 2014 г. (начала действия программы "Бренд Японии") экспорт японской алкогольной продукции в США вырос примерно на 10 млрд. йен к 2022 г., показывая положительную динамику каждый год [38].

Япония использовала в качестве "мягкой силы" в отношении США и прочие аспекты экономики и культуры: автомобильную промышленность, *манга*, *аниме* и т. д. [1]. Тем не менее деятельность таких организаций, как Японский фонд, Японский центр продвижения японских продуктов за рубежом, мероприятия в рамках программ Cool Japan, "Бренд Японии" наиболее показательно характеризуют действие "мягкой силы" Японии, взаимосвязь продвижения различных японских продуктов на рынок США с ростом социокультурных и экономических показателей Японии.

Интересными также представляются результаты социологического исследования 2015 г., посвященного тому, как американцы представляют себе японцев и наоборот. Американцы имеют более позитивные представления о японцах, чем японцы об американцах: например, американцы очень высоко оценивают работоспособность японцев, их честность, но в то же время считают их агрессивными, что японцы полагают, что американцы не особо трудоспособны, честны и довольно агрессивны [35]. Сложно утверждать степень воздействия стратегии "мягкой силы" на формирование подобных мнений, но очевидно, что отношение американцев к японцам изменилось в позитивную сторону, в чем наверняка есть заслуга эффективной внешней политики Японии и такого важного её инструмента, как "мягкая сила".

Заключение

Таким образом, очевидно, что в процессе установления и развития союзнических отношений между США и Японией обе страны использовали в отношении друг друга широкий инструментарий "мягкой силы". В связи с изначально более выигрышными позициями США в этом альянсе количество и эффективность рычагов "мягкой силы" однозначно более масштабны, однако Японии, несмотря на это, удалось воплотить в жизнь достаточно продуктивную линию использования "мягкой силы" в отношении США, о чем свидетельствуют рост социо-культурных (количество американцев, изучающих японский язык) и экономических (экспорт различных товаров японского производства, в частности алкоголя) показателей.

Литература

1. Балакаева Л.Т. Мягкая сила Японии: аниме и манга / Л.Т. Балакаева, А. Турсунбаева // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. 2018. № 3. С. 16–21.
2. Братерский М.В. Концепция "мягкой силы" во внешнеполитической стратегии США / М.В. Братерский, А.С. Скриба // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 130–144. Волков С.В. США и Япония в мировой политике (1951–2010 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5. С. 62–68. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-5-32-62-68>
3. Волков С.В. США и Япония в мировой политике (1951–2010 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5. С. 62–68. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-5-32-62-68>
4. Казаков О.И. К вопросу о появлении альтернативы "мягкой силе" Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 76–91. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2023-2-76-91>
5. Касюк А.Я. "Мягкая сила" и санкционная политика Запада // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 2 (800). С. 50–66.
6. Ковалева Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 118–132.
7. Королев В.А. "Мягкая сила" современной Японии: опыт и направления развития / В.А. Королев, С.С. Кудрявцева // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9. С. 190–208.
8. Кочнева Е.Д. Япония как мировой лидер продвижения soft power // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3. С. 134–140.
9. Мещеряков А.Н. Япония. В погоне за ветром столетий. М.: Лингвистика, 2022. 512 с.
10. Полякова А.А. "Мягкая сила" в контексте внешней политики США: концептуально-теоретические аспекты // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 2. С. 91–102.
11. Русакова О.Ф. Стратегические модели "мягкой силы" стран восточноазиатского региона / О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. № 2. Т. 12. С. 14–29.
12. Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкуме-

- на. 2018. № 1. С. 145–154. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/145-154>
13. Тимонина И.Л. Гастродипломатия Японии: экономические эффекты // Японские исследования. 2021. № 2. С. 6–25. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-2-6-25>
14. Чургов С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53–67. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>
15. A new look at cultural diplomacy: a call to Japan's cultural practitioners. Speech by Minister for Foreign Affairs Taro Aso at Digital Hollywood University // Ministry of Foreign Affairs of Japan: website. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0604-2.html> (дата обращения: 26.11.2023).
16. Beckley M. America's role in the making of Japan's economic miracle / M. Beckley, Yu. Horiuchi, J.M. Miller // Journal of East Asian Studies. 2018. Vol. 18. Issue 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1017/jea.2017.24>
17. Calder, K.E. Crisis and compensation: public policy and political stability in Japan, 1949–1986. Princeton: Princeton University Press, 1988. 560 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1fkqkcx>
18. Chitty N. Conclusion // The Routledge handbook of soft power. Abingdon: Routledge, 2016. P. 453–463. <https://doi.org/10.4324/9781315671185.ch102>
19. Cool Japan initiative // Cabinet Office. URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/cooljapan_initiative.pdf (дата обращения: 26.11.2023).
20. Halton C. Lost decade in Japan: history and causes // Investopedia: website. URL: <https://www.investopedia.com/terms/l/lost-decade.asp#:~:text=1%20During%20the%201990s%2C%20Japan's,in%20deflation%20for%20the%20economy.> (дата обращения: 26.11.2023).
21. Japan // The Observatory of Economic Complexity: website. URL: <https://oec.world/en/profile/country/jpn> (дата обращения 26.11.2023).
22. Japan-bound statistics // JTB Tourism Research & Consulting Co.: website. URL: <https://www.tourism.jp/en/tourism-database/stats/inbound/> (дата обращения: 26.11.2023).
23. Japan brand program // Ministry of Foreign Affairs of Japan: website. URL: https://www.mofa.go.jp/p_pd/pds/page22e_000759.html (дата обращения: 26.11.2023).
24. Japan Foundation: website. Tokyo, 1998–2023. URL: <https://www.jpf.go.jp/e/about/outline/index.html> (дата обращения: 26.11.2023).
25. Japan Foundation Los Angeles: website. Los Angeles, 2018–2023. URL: <https://www.jfalac.org/events-listing.php?year=2023> (дата обращения: 26.11.2023).
26. Japan social media statistics 2023. Most popular social media platforms // The Global Statistics. The Data Expert: сайт. URL: <https://www.theglobalstatistics.com/japan-social-media-statistics/> (дата обращения: 26.11.2023).
27. Japanese restaurants in the US – number of businesses // IBIS World: website. URL: <https://www.ibisworld.com/industry-statistics/number-of-businesses/japanese-restaurants-united-states/#:~:text=There%20are%2030%2C165%20Japanese%20Restaurants,over%20the%20past%205%20years%3F> (дата обращения: 26.11.2023).
28. Johnson C. The CIA and Japanese Politics / C. Johnson, N.A. Schlei., M. Schaller // Asian Perspective. 2000. No. 4. Vol. 24. P. 79–103.
29. Nye J.S. Soft power // Foreign Policy. 1990. No. 80. P. 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>
30. Nye J.S. Soft power and American foreign policy // Political Science Quarterly. 2004. No. 2. Vol. 119. P. 255–270. <https://doi.org/10.2307/20202345>
31. Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power. 2021. Vol. 14. Issue 1. P. 196–208. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2021.1879572>
32. Nye J.S. Soft power: the origins and political progress of a concept // Palgrave Communications. 2017. No. 3. <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.8> URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms20178> (дата обращения: 26.11.2023).
33. Keune O. Cinema as an element of a state's soft power system / O. Keune, V. Frants // Дискурс-Пи. 2017. № 2. С. 154–162. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.154162>
34. Patrick H. Asia's New Giant: How the Japanese Economy Works / H. Patrick, H. Rosovsky. Washington, DC: Brookings Institution, 1976. 943 p.
35. Stokes B. How Americans and Japanese see each other // Pew Research Center: website. URL: [https://www.pewresearch.org/short-reads/2015/04/09/how-americans-and-japanese-see-each-other/#:~:text=They%20see%20Americans%20as%20%E2%80%9Cinventive,%25\)%2C%20ages%2065%20and%20older.](https://www.pewresearch.org/short-reads/2015/04/09/how-americans-and-japanese-see-each-other/#:~:text=They%20see%20Americans%20as%20%E2%80%9Cinventive,%25)%2C%20ages%2065%20and%20older.) (дата обращения: 17.03.2024).
36. Suwankaemanee L. American soft power through Hollywood superhero movies: the case of the trilogy of Captain America // English Language and Literature Studies. 2021. No. 3. Vol. 11. P. 1–8. <https://doi.org/10.5539/ells.v11n3p1>
37. The Japan Foundation survey on Japanese language education 2018 // Japan Foundation Los Angeles. URL: https://www.jfalac.org/ckfinder/userfiles/files/JF_Survey_Report_2018.pdf (дата обращения: 26.11.2023).
38. Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance: website. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm (дата обращения: 26.11.2023).
39. United States-Japan Foundation: website. Tokyo, 1997–2023. URL: <https://us-jf.org/about-the-foundation/>

mission-and-vision/ (дата обращения: 26.11.2023).

40. U.S.–Japan Council: website. Tokyo, 2000–2023. URL: <https://www.usjapanCouncil.org/mission-and-purpose/> (дата обращения: 26.11.2023).

41. Wisensale S. How baseball has strengthened the relationship between the United States and Japan // Smithsonian Magazine: website. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/how-baseball-strengthened-relationship-between-united-states-japan-180968597/> (дата обращения: 26.11.2023).

42. 動画配信サービスのユーザー数はコロナ影響で伸びたのか？市場全体と各サービスの動向を調査 // マナミナ: サイト. = Выросло ли количество пользователей стриминговых сервисов из-за влияния коронавируса? Исследование динамики всего рынка и каждого сервиса // Манамина: сайт. URL: <https://manamina.valuesccg.com/articles/1667> (дата обращения: 26.11.2023).

43. 今井扶美. 動画配信サービスの満足度、「Netflix」が3年ぶりの1位に帰り先. Z世代では「Disney+」がトップ // Impress Business Media: Сайт. = Имаи Фуми. По степени удовлетворенности зрителей стриминговыми сервисами Netflix впервые за три года вернул себе первое место. Среди поколения Z самый популярный сервис Disney + // Impress Business Media: сайт. URL: <https://webtan.impress.co.jp/n/2023/11/08/45929> (дата обращения: 26.11.2023).

44. 村松健太郎. 【2022年】今年最もヒットした映画は？ 興行収入ランキング // M & A Online: Сайт. = Китамура Кентаро. Какие фильмы стали хитами в 2022 году? Рейтинг самых кассовых фильмов // M & A Online: сайт. URL: <https://maonline.jp/articles/movie-column2022-the-best> (дата обращения: 26.11.2023).

45. WBC 制覇は日本の「ソフトパワー」を世界に見せつけた // 四季報Online: Сайт. = "Мировая классика бейсбола" показала миру "мягкую силу" Японии // Агентство новостей "Сикихо" онлайн: сайт. URL: <https://shikiho.toyokeizai.net/news/0/661630> (дата обращения: 26.11.2023).

46. 平成24年度 項目別業務実績報告書 = Отчёт о деятельности Японского фонда за 2012 г. // Japan Foundation. URL: <https://www.jpf.go.jp/j/about/result/br/2012/report.pdf> (дата обращения: 26.11.2023).

47. 歴代ランキング. 歴代興収ベスト100 // 映画大好き! Cinemaランキング通信. 興行通信社Presents: Сайт. = Рейтинг за всю историю. 100 самых кассовых фильмов всех времен // Обожаем кино! Новостное агентство кино-рейтингов. Представляет кино-пиарагентство: сайт. URL: <https://www.kogyotsushin.com/archives/alltime/> (дата обращения: 26.11.2023).

References

1. Balakaeva L.T. Soft power of Japan: anime and manga / L.T. Balakaeva, A. Tursunbaeva // Al-Farabi Kazakh National University Journal of Oriental Studies. 2018. No. 3. P. 16–21. (In Russ.).
2. Bratersky M.V. Soft power concept in U.S. foreign strategy / M. V. Bratersky, A. S. Skriba // International Organizations Research Journal. 2014. No. 2. Vol. 9. P. 130–144. (In Russ.).
3. Volkov S.V. The USA and Japan in World Politics // MGIMO Review of International Relations. 2013. No. 5. P. 62–68. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-5-32-62-68> (In Russ.).
4. Kazakov O.I. On the question of the emergence of an alternative to Japan's "soft power" // East Asia: Facts and Analytics. 2023. No. 2. P. 76–91. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2023-2-76-91> (In Russ.).
5. Kasyuk A.Y. Soft power and West's sanctions policy // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2018. Issue 2 (800). P. 50–66. (In Russ.).
6. Kovaleva D.M. Concept of soft power as subject of modern political science and theoretical basis for foreign policy strategy // Research yearbook. The Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of RAS. 2013. Vol. 13. Issue 1. P. 118–132. (In Russ.).
7. Korolev V.A. Soft power of modern Japan: practice and developments / V. A. Korolev, S. S. Kudryavtseva // International Organizations Research Journal. 2014. No. 2. Vol. 9. P. 190–208. (In Russ.).
8. Kochneva E.D. Japan as a world leader promoting soft power // Discourse-P. 2014. No. 2–3. P. 134–140. (In Russ.).
9. Mesheryakov A.N. Japan. Chasing the wind of centuries. M.: Lingvistika, 2022. 512 p. (In Russ.).
10. Polyakova A.A. "Soft power" in the US foreign policy context: the theoretical aspects // RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations". 2015. No. 2. P. 91–102. (In Russ.).
11. Rusakova O.F. Strategic soft power models of the East Asian countries / O. F. Rusakova, D. M. Kovba // Political expertise: POLITEX. 2016. No. 2. Vol. 12. P. 14–29. (In Russ.).
12. Rustamova L.R. The mechanism of "soft power" implementation and the limits of its use // Ojkumena. Regional researches. 2018. No. 1. P. 145–154. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/145-154> (In Russ.).
13. Timonina I.L. Japan's gastrodiploacy: economic effects // Japanese Studies in Russia. 2021. No. 2. P. 6–25. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-2-6-25> (In Russ.).
14. Chugrov S.V. Soft attraction of Japan // Polis. Political Studies. 2015. No. 6. P. 53–67. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08> (In Russ.).
15. A new look at cultural diplomacy: a call to Japan's cultural practitioners. Speech by Minister for Foreign Affairs Taro Aso at Digital Hollywood University // Ministry of Foreign Affairs of Japan: website. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0604-2.html> (accessed 26.11.2023).
16. Beckley M. America's role in the making of Japan's economic miracle / M. Beckley, Yu. Horiuchi, J.M. Miller // Journal of East Asian Studies. 2018. Vol. 18. Issue 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1017/jea.2017.24>

17. Calder, K.E. *Crisis and compensation: public policy and political stability in Japan, 1949–1986*. Princeton: Princeton University Press, 1988. 560 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1fkgckx>
18. Chitty N. Conclusion // *The Routledge handbook of soft power*. Abingdon: Routledge, 2016. P. 453–463. <https://doi.org/10.4324/9781315671185.ch102>
19. Cool Japan initiative // Cabinet Office. URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/cooljapan_initiative.pdf (accessed 26.11.2023).
20. Halton C. Lost decade in Japan: history and causes // Investopedia: website. URL: <https://www.investopedia.com/terms/l/lost-decade.asp#:~:text=1%20During%20the%201990s%2C%20Japan's,in%20deflation%20for%20the%20economy.> (accessed 26.11.2023).
21. Japan // The Observatory of Economic Complexity: website. URL: <https://oec.world/en/profile/country/jpn> (accessed 26.11.2023).
22. Japan-bound statistics // JTB Tourism Research & Consulting Co.: website. URL: <https://www.tourism.jp/en/tourism-database/stats/inbound/> (accessed 26.11.2023).
23. Japan brand program // Ministry of Foreign Affairs of Japan: website. URL: https://www.mofa.go.jp/p_pd/pds/page22e_000759.html (accessed 26.11.2023).
24. Japan Foundation: website. Tokyo, 1998–2023. URL: <https://www.jpf.go.jp/e/about/outline/index.html> (accessed 26.11.2023).
25. Japan Foundation Los Angeles: website. Los Angeles, 2018–2023. URL: <https://www.jfalcal.org/events-listing.php?year=2023> (accessed 26.11.2023).
26. Japan social media statistics 2023. Most popular social media platforms // The Global Statistics. The Data Expert: сайт. URL: <https://www.theglobalstatistics.com/japan-social-media-statistics/> (accessed 26.11.2023).
27. Japanese restaurants in the US - number of businesses // IBIS World: website. URL: <https://www.ibisworld.com/industry-statistics/number-of-businesses/japanese-restaurants-united-states/#:~:text=There%20are%2030%2C165%20Japanese%20Restaurants,over%20the%20past%205%20years%3F> (accessed 26.11.2023).
28. Johnson C. The CIA and Japanese Politics / C. Johnson, N. A. Schlei., M. Schaller // *Asian Perspective*. 2000. No. 4. Vol. 24. P. 79–103.
29. Nye J. S. Soft power // *Foreign Policy*. 1990. No. 80. P. 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>
30. Nye J. S. Soft power and American foreign policy // *Political Science Quarterly*. 2004. No. 2. Vol. 119. P. 255–270. <https://doi.org/10.2307/20202345>
31. Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept // *Journal of Political Power*. 2021. Vol. 14. Issue 1. P. 196–208. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2021.1879572>
32. Nye J. S. Soft power: the origins and political progress of a concept // Palgrave Communications. 2017. No. 3. <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.8> URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms20178> (accessed 26.11.2023).
33. Keune O. Cinema as an element of a state's soft power system / O. Keune, V. Frants // *Дискурс-Пи*. 2017. № 2. С. 154–162. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.154162>
34. Patrick H. *Asia's New Giant: How the Japanese Economy Works* / H. Patrick, H. Rosovsky. Washington, DC: Brookings Institution, 1976. 943 p.
35. Stokes B. How Americans and Japanese see each other // Pew Research Center: website. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2015/04/09/how-americans-and-japanese-see-each-other/#:~:text=They%20see%20Americans%20as%20%E2%80%9Cinventive,%25%2C%20ages%2065%20and%20older.> (accessed 17.03.2024).
36. Suwankaewmanee L. American soft power through Hollywood superhero movies: the case of the trilogy of Captain America // *English Language and Literature Studies*. 2021. No. 3. Vol. 11. P. 1–8. <https://doi.org/10.5539/ells.v11n3p1>
37. The Japan Foundation survey on Japanese language education 2018 // Japan Foundation Los Angeles. URL: https://www.jfalcal.org/ckfinder/userfiles/files/JF_Survey_Report_2018.pdf (accessed 26.11.2023).
38. Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance: website. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm (accessed 26.11.2023).
39. United States-Japan Foundation: website. Tokyo, 1997–2023. URL: <https://us-jf.org/about-the-foundation/mission-and-vision/> (accessed 26.11.2023).
40. U.S.–Japan Council: website. Tokyo, 2000–2023. URL: <https://www.usjapancouncil.org/mission-and-purpose/> (accessed 26.11.2023).
41. Wisensale S. How baseball has strengthened the relationship between the United States and Japan // *Smithsonian Magazine*: website. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/how-baseball-strengthened-relationship-between-united-states-japan-180968597/> (accessed 26.11.2023).
42. Has the number of users of streaming services increased due to the impact of coronavirus? Study of the dynamics of the entire market and each service // Manamina: website. URL: <https://manamina.valuesccg.com/articles/1667> (accessed 26.11.2023).
43. Imai Fumi. In terms of viewer satisfaction with streaming services, Netflix regained first place for the first time in three years. Disney+ is the most popular service among Generation Z // *Impress Business Media*: website. URL: <https://webtan.impress.co.jp/n/2023/11/08/45929> (accessed 26.11.2023).

44. Kitamura Kentarou. Which films were hits in 2022? Ranking of the highest grossing films // M & A Online: website. URL: <https://maonline.jp/articles/movie-column2022-the-best> (accessed 26.11.2023).
45. "World Baseball Classic" showed the world the "soft power" of Japan // News Agency Sikiyou Online: website. URL: <https://shikiho.toyokezai.net/news/0/661630> (accessed 26.11.2023).
46. Report on the activities of the Japan Foundation for 2012 // Japan Foundation. URL: <https://www.jpf.go.jp/j/about/result/br/2012/report.pdf> (accessed 26.11.2023).
47. All-time ranking. 100 highest-grossing movies of all time // We love cinema! Movie ratings news agency. A movie PR agency presents: website. URL: <https://www.kogyotsushin.com/archives/alltime/> (accessed 26.11.2023).

Ксения Геннадьевна САНИНА, канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sanina.kg@dvfu.ru

Владимир Иванович АЛЕКСЕЕВ, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: alekseev.vi@dvfu.ru

Михаил Евгеньевич НАЧМАНСКИЙ, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: nachmanskii.me@dvfu.ru

Ksenia G. SANINA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sanina.kg@dvfu.ru

Vladimir I. ALEKSEEV, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: alekseev.vi@dvfu.ru

Mikhail E. NACHMANSKII, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: nachmanskii.me@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 12.12.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 29.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024

Рецензия
УДК 821.521
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/151-154>

**"Что тянется, как длинный хвост фазана":
о рецепциях в переводах японской поэзии**

Елена Александровна ИКОННИКОВА

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия, e.ikonnikova@hotmail.com

Анна Александровна ДОБРЫЧЕВА

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия, 21ncdf@mail.ru

Аннотация. Статья написана в форме рецензии на новую книгу дальневосточных ученых. Коллективная монография "Переводческая рецепция стихов и прозы японских поэтов" (2024) оценивается положительно, как перспективный опыт нового поколения переводчиков, опирающихся на классические традиции в донесении смысла оригинального произведения посредством русского и английского языков. Одновременно с этим акцентируется внимание на наиболее ярких примерах переводов в монографии.

Ключевые слова: монография, перевод, рецепция, японская поэзия, орнитологический образ, подтекст

Для цитирования: Иконникова Е.А., Добрычева А.А. "Что тянется, как длинный хвост фазана": о рецепциях в переводах японской поэзии // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 151–154. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/151-154>

Review
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/151-154>

**"What stretches like the long tail of a pheasant":
about receptions in translations of Japanese poetry**

Elena A. IKONNIKOVA

Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, e.ikonnikova@hotmail.com

Anna A. DOBRYCHEVA

Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 21ncdf@mail.ru

Abstract. The article is written in the form of a review of a new book by Far Eastern scientists. The monograph "Translation reception of poems and prose by Japanese poets" (2024) is positively assessed as a promising experience of the new generation of translators, relying on classical traditions in conveying the meaning of the original work through Russian and English. At the same time, attention is focused on the most striking examples of translations in the monograph.

Keywords: monograph, translation, reception, Japanese poetry, ornithological image, subtext

For citation: Ikonnikova E.A., Dobrycheva A.A. "What stretches like the long tail of a pheasant": about receptions in translations of Japanese poetry // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 151–154. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/151-154>

В 2024 г. была издана новая книга дальневосточных ученых в серии "Лучшее научное издание ДВФУ". По жанру рецензируемая книга – коллективная монография, написанная пятью авторами [1]. В центре исследования – произведения японских поэтов Фудзивара Тэйка (1162–1241) Мацуо Басё (1644–1694) и Такамура Котаро (1883–1956). Отделенные друг от друга значительным временем, стихи этих художников слова прошлого интересны для читателей первых десятилетий XXI века прежде всего своими художественно-образительными средствами, которые необходимо передать возможностями русского и английского языков. Но без знания подтекста языка оригинала, без умения осмыслить прочитанное его передача в пространство других культур будет невозможна.

Слово "рецепция" (от латинского – принятие), используемое в заглавии книги, сегодня активно в научном обиходе. Под рецепцией подразумевается вариант прочтения и передачи содержания средствами другого языка. Рецепция порождает

новые смыслы, незнание которых может привести к смысловым ошибкам. Обращение к культурному наследию японского народа и попытки сделать его доступным и понятным для русскоязычных и англоязычных читателей – такова цель коллективной монографии.

В анализируемых произведениях японских поэтов встречается множество традиционных метафор (например, луна выступает в образе друга, увлажненный слезами рукав символизирует разлуку, а лягушка указывает на приход весны), и задача переводчиков, по мнению авторов монографии, состоит как раз в том, чтобы передать имплицитные значения этих типичных японских образов, сохранив при этом традиционную форму трехстишия.

Еще необходимо помнить, что глоссарий современных читателей иной, чем у поклонников литературы двадцать или тридцать лет назад. И потому авторами новой книги используются разные методы прочтения текстов: от биографического к культурно-историческому и этнофилологическому. А вместе с этим важным становится различие внешней и внутренней речи (в монографии она называется солилоквием) героя.

В монографии показано, как меняются стратегии перевода в XXI веке в сравнении с XX столетием. Конечно, в большинстве случаев переводы именитых мастеров В. Н. Марковой, И. А. Борониной или А. А. Долиным обозначаются как образцовые, но при этом предоставляется возможность услышать и голоса младояпонистов, например, И. А. Красюченко.

Начинается монография с небольшого разбора стихотворений практика и теоретика средневековой японской поэзии Фудзивара Тэйка, а продолжается исследование детальным анализом источников и переводов древних антологий, а также ряда произведений Мацуо Басё. Указывается и роль Басё в развитии японской литературы: при нем хайку стало ведущим жанром поэзии, вытеснив танка.

Большой раздел посвящен творчеству поэта-символиста Такамура Котаро, популярному в Японии и малоизвестному в России. Примечательно, что в его поэзии используется не только традиционная японская, но и европейская символика (например, в поэтическом наследии обнаруживаются библейские образы). При описании эссе Такамуры Котаро "Снег в горах" авторы монографии упоминают и других мастеров слова (например, Кобаяси Исса, Фудзивара Тэйка, Мацуо Басё, Ёса Бусон), указывая на преемственность традиции в японской поэзии. В конце книги приведена антология перевода произведений Такамуры Котаро на русский и английский языки.

Безусловно, у каждой книги всегда найдутся свои читатели. Однако рецензируемая коллективная монография полезна для чтения не только японистам, но и тем, кто еще в начале пути изучения японского языка и культуры. Отчасти исследование дальневосточных авторов выполняет функции и небольшого справочника, в котором есть то, что не на слуху, а хранится в тайниках и кладовых японского языка. Например, такие слова, как "дзикатаби", "гандзики" или "цумаго". Это, кстати, разновидности национальной обуви, используемой в разные сезоны и по разным случаям. Различали японские поэты и их читатели в прошлом очаг ирори и печку данро. Кроме того, в оригинальном произведении может возникать игра слов, омонимия или синонимия, которая при переводе на другой язык исчезает. Так, слово "циновка" (по-японски оно звучит как "самусиро") соотносится со словами "холодный" ("самуй") и "одинокий" ("самусий"), а в русском языке таких ассоциаций не предполагается. Авторы монографии отмечают, как важно учитывать подобные языковые нюансы при переводе, чтобы не потерять дополнительные смыслы, заложенные в стихотворные строки поэтом.

Также привлекают внимание слова "кидзи" и "ямадори" – ими описываются виды фазанов, или слова "аогэра" или "акагэра", обозначающие виды дятлов. Едва ли среднестатистические читатели, не увлеченные орнитологией, могут различать птиц, как это умели японские поэты. Им это знание было необходимо для игры смыслами, для кодировки написанного. Владение словами из орнитологии и расширение их до метафор помогает читателям не блуждать по лабиринтам смыс-

лов, а двигаться прямо, к своей цели, держа в памяти прямые и переносные значения слов, которые выводят, подобно нити Ариадны, к поэтическим открытиям.

При этом следует заметить, что варианты переводов тех или иных японских стихотворений продолжают расти: современное поколение переводчиков обнаруживает новые смыслы и способы их адаптации (стратегии доместикации) в других языках. В переведенном на русский язык стихотворении неизвестного поэта из "Манъёсю" возникает образ долгой ночи, что "тянется, как длинный хвост фазана". Таковым метафорически видится и опыт переводчиков, состязающихся и между собой и наедине с литературным языком оригинального текста. И в этом случае именно орнитологические образы кажутся самыми неожиданными и наполненными многими смыслами.

Главными качествами хорошего перевода, по мнению авторов монографии, являются адекватность и эквивалентность. Анализируя разные переводы стихотворений японских авторов, они указывают на необходимость передать эстетическую концепцию оригинального произведения. Этого не всегда можно добиться точным лексическим переводом, поэтому допускается некоторое отступление от дословного перевода в пользу более точной передачи образности исходного текста. Сравнивая переводы стихотворений Такамуры Котаро на русский и английский языки, авторы исследования отмечают, что русские переводы более свободные, а в английских – наблюдается "следование" за оригинальным текстом как в лексическом, так и в синтаксическом планах.

А еще современные издания, и монография "Переводческая рецепция стихов и прозы японских поэтов" не исключение, интересны своими дополнительными культурологическими составляющими. Так, в книге дальневосточных ученых используются разные иллюстрации: от современных авторов (Марины Мельник) до фотографий с изображениями Токийского залива или горы Фудзи. Среди иллюстраций можно увидеть, например, цветы у застрехи (то есть нижнего края крыши). Кстати, трудно вспомнить, кто из русских поэтов или писателей воспевал застреху (по-японски она называется ноки). Разве что только у А.Н. Островского в "Снегурочке" (1873) или у Г. Р. Державина еще в 1794 г. можно встретить отсылки к застрехе:

Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, – с ней утехи.

А у японских поэтов образ застрехи частотен: через желоб под скатом крыши просачивается лунный свет. И тем самым застреха оказывается глубоко вплетенной в образные ряды японской поэзии. Одновременно с этим у потенциальных читателей появляется возможность сопоставить японские образы с аналогичными в русской или европейской культуре (а это намечено и авторами монографии, в которой есть отсылки к размышлениям Андрея Болконского или думам Гамлета).

Благодаря монографии "Переводческая рецепция стихов и прозы японских поэтов" лингвисты могут обратиться к богатому лексическому материалу, в котором даны примеры поэтического использования, например, финонимов (название растений) или оронимов (названия гор, долин и других рельефов). Вместе с этим и многим другим рецензируемое исследование – это одно из громких высказываний о том, что на Дальнем Востоке формируется своя переводческая школа, имеющая свои традиции и, самое главное, учеников (их уже не первое десятилетие обучает в ДВФУ профессор Т.И. Бреславец).

И, наконец, еще один повод прочитать книгу дальневосточных ученых о творчестве японских поэтов. Если кому-то до сих пор все еще трудно и непонятно хайку о "прыгнувшей в воду лягушке" Мацуо Басё (а его стихотворения входят в программу по литературе 7-го класса российских школьников), то об этом тоже очень доходчиво и увлекательно написано в книге "Переводческая рецепция стихов и прозы японских поэтов" (начиная со страницы 53 и далее).

Литература

1. Переводческая рецепция стихов и прозы японских поэтов: монография / Т. И. Бреславец, Н. А. Воробьева, И. А. Красюченко, Ю. Л. Кужель, М. В. Пантелеева; науч. ред.: Т. И. Бреславец, Ю. Л. Кужель; отв. ред. Н. А. Воробьева. Владивосток: Изд-во Дальневост. Федерал. Ун-та, 2024. 174 с.

References

1. Translation reception of poetry and prose of Japanese poets: monograph / T.I. Breslavets, N.A. Vorobeva, I.A. Krasiuchenko, Yu.L. Kuzhel, M.V. Panteleeva; scientific eds.: T.I. Breslavets, Yu.L. Kuzhel; resp. ed. N.A. Vorobeva. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2024. 174 p.

Елена Александровна ИКОННИКОВА, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск, Россия, e-mail: e.ikonnikova@hotmail.com

Анна Александровна ДОБРЫЧЕВА, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск, Россия, e-mail: 21ncdf@mail.ru

Elena A. IKONNIKOVA, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, e-mail: e.ikonnikova@hotmail.com

Anna A. DOBRYCHEVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, e-mail: 21ncdf@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 12.05.2024

Принята к публикации

(Accepted) 08.06.2024

Сообщение
УДК 378
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/155-158>

Сиро Хасэгава и фильм "Дерсу Узала"

Осаму МИЯГАВА

Филиал Японского центра во Владивостоке, Токио, Япония, miyagawa.54mu@gmail.com

Аннотация. Автор данного сообщения выясняет настоящее отношение между кинорежиссером Акира Куросава и фильмом "Дерсу Узала". Ключевой фигурой, связавшей их, был японский переводчик и писатель Сиро Хасэгава, обожавший Россию. В сообщении представлена его краткая биография.

Ключевые слова: русско-японская история, история Дальнего Востока России, кинематография

Для цитирования: Миягава Осаму. Сиро Хасэгава и фильм "Дерсу Узала" // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 155–158. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/155-158>

Message
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/155-158>

Shiro Hasegawa and movie of "Dersu Uzala"

Osamu MIYAGAWA

Vladivostok branch of the Japanese Center, Tokyo, Japan, miyagawa.54mu@gmail.com

Abstract. The author of this article makes clarification of real relation between film director Akira Kurosawa and movie of "Dersu Uzala". A Japanese translator and writer, who liked Russia, was key person in this relation and the author attempts to write his biography.

Keywords: Russian-Japanese history, history of the Russian Far East, cinematology

For citation: Miyagawa Osamu. Shiro Hasegawa and movie of "Dersu Uzala" // Oriental Institute Journal. 2024. No. 2. P. 155–158. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/155-158>

Фильм "Дерсу Узала", снятый Акирой Куросавой (1910–1998) – японским режиссёром, – достаточно известен не только в России, но и в мире. Акира Куросава снял данный фильм в 1975 г. по приглашению "Мосфильма", но выбор "Дерсу Узала" не был сделан режиссером просто с учётом рекомендации со стороны "Мосфильма". Куросава к тому времени уже прочел японский перевод книги Владимира Клавдиевича Арсеньева. Именно поэтому режиссер принял решение о выборе "Дерсу Узала". Кто сделал первый японский перевод книги? Этим человеком был Сиро Хасэгава (1909–1987), японский писатель, переводчик и профессор немецкого языка и литературы.

Сиро Хасэгава был разносторонне одаренным человеком. Как писатель он создал "Сибирские рассказы" (1952), "Журавль" (1953) и другие произведения. "Журавль" был номинирован на "Премиию Акутагава" – одну из самых аутентичных премий в области японской литературы. Как переводчик он переводил с русского на японский "Дерсу Узала" (1941), с французского – "Три мушкетера" Дюма (1963), с немецкого – "Рассказы господина Койнера" Брехта и другие книги, а в качестве профессора преподавал немецкий язык в университете Хосэй в Токио.

Сиро родился в совершенно уникальной семье. Его отец Киёси Хасэгава (1871–1941) был родом с острова Садо в Японском море. Он окончил Токийский университет и стал преподавателем на родном острове, но для широкой просветительской деятельности решил переехать в Хакодате, самый южный город на северном острове Хоккайдо, где основал газету "Хакодате". Его первый сын Кайтаро (1900–1935) стал автором популярного самурайского романа "Тангэсадзэн" под псевдонимом Фубо Хаяси. Его второй сын Риндзи (1904–1988) стал художником. Его

Фото 1. Сиро Хасэгава (1964 г.)

Foto 1. Shiro Hasegawa (1964)

вспоминает: "Я научился читать на русском алфавите до 2-го или 3-го класса средней школы, потому что вокруг меня было так много русских" [2]. 2 класс – это 13 лет. Хакодате имел очень тесные контакты с Россией, и жизнь Сиро была окружена большим количеством русских.

Затем Сиро Хасэгава окончил отделение немецкой литературы филологического факультета университета Хосэй в Токио и в 1936 г. начал работать в Дальяне (по-русски Дальний) в качестве сотрудника библиотеки Южно-Маньчжурской железной дороги. Там он познакомился с книгой "Дерсу Узала" (1922), написанной В.К. Арсеньевым (1872–1930). Работая в библиотеке, переводил на японский язык и опубликовал свой труд в 1942 г. [1]. Таким образом, Сиро стал первым переводчиком "Дерсу Узала" на японский язык.

Связь его судьбы с Россией не завершилась переводческой работой над этой книгой. В 1944 г. его призвали в японскую армию, где планировали присоединить к отряду, направлявшемуся на юг. Однако Сиро знал русский язык, и в порядке исключения ему было приказано оставаться в Маньчжурии. Позднее полный состав отряда погиб в результате затопления военного корабля после американской бомбардировки в Восточно-Китайском море. Таким образом, он выжил, но 9 августа 1945 г. советские военные захватили его на границе с СССР в районе города Маньчжурия (по-английски Manzhouli). Его депортировали в тюрьму города Цицикар, но из тюрьмы он смог сбежать.

Сиро вернулся в свой дом в городе Маньчжурия и встретился со своей семьей. Он признался своей жене: "Я отказался бежать из этого лагеря в тюрьме и сказал, что поеду в Советский Союз. Я хочу увидеть часть России и узнать, что такое социалистический строй" [2]. Он считал, что Япония может проиграть эту войну, и хотел увидеть Россию своими глазами, поскольку в детстве Россия была для него близкой страной. Он вернулся в лагерь в городе Цицикар пешком и был депортирован советской армией в Читинскую область (ныне Забайкальский край). В основном его заставляли работать на угольной шахте "Калада", где в настоящее время расположен читинский аэропорт.

третий сын Сюн (1906–1973), стал переводчиком и промоутером русских артистов в Японии. Сюн перевел "Великий Ван" (рассказ о жизни тигра, написанный Николаем Аполлоновичем Байковым, русским натуралистом). Сиро в японском языке означает "Четвертый мужчина", и именно он был четвертым сыном в семье Хасэгавы.

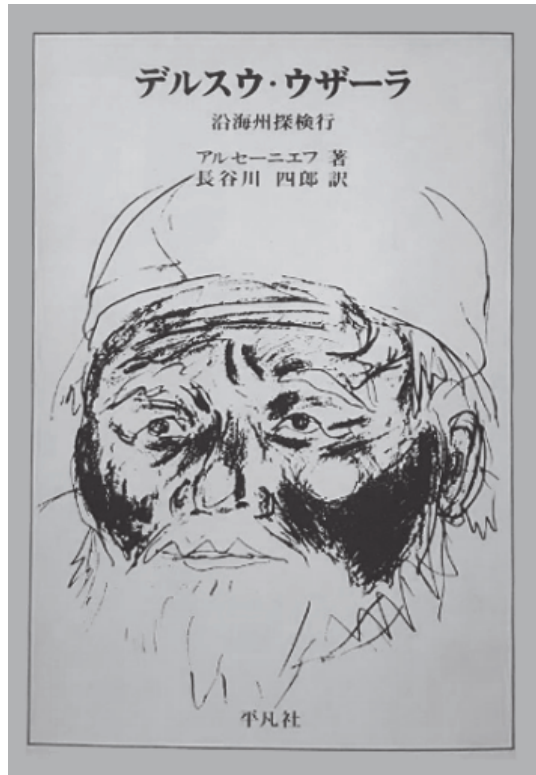
Хакодате – один из городов-побратимов Владивостока. В этом городе Российская империя построила первое консульство в Японии в 1858 г. после установления двусторонних дипломатических отношений. Сейчас здесь находится филиал Дальневосточного федерального университета, а русская православная церковь является одной из известных достопримечательностей Хакодате для японских туристов. В детстве Сиро Россия была рядом с его жизнью. Он жил через дорогу от этой церкви. В его район часто приезжали русские моряки, и Сюн иногда приглашал их к себе домой. Сиро

Хотя Сиро пережил тяжёлый принудительный труд, он также смог общаться с обычными россиянами. Поэтому этот опыт стал для него самым важным воспоминанием в жизни. В 1950 г. он вернулся в Японию и описал эти уникальные переживания в произведении под названием "Сибирские рассказы", опубликованном в 1952 г. [3]. Его позиция заключалась в том, чтобы (1) точнее изобразить жизнь, отношения, разговоры окружающих его советских людей, основываясь на своем реальном опыте в Советском Союзе; (2) избегать субъективных суждений относительно принудительного труда иностранцев: "тяжелый", "усталый" и т. д.; (3) избегать любых политических заявлений о том, что принудительный труд рассматривается как нарушение международных конвенций.

В "Сибирских рассказах" нашли свое отражение: (1) многонациональность страны (в произведении повествуется о татарах, казахах, монголах и др.), (2) реальность, в которой религия отрицается, (3) бедная жизнь в Советском Союзе (пишется о нехватке еды и множестве вшей на волосах женщины и т.д.), (4) еще не завершённое строительство социализма и (5) богатство русского языка (множество выражений). Этим произведением Сиро выражает свое сочувствие и симпатию к русскому народу, а не критику Советского Союза.

Об этой работе написал один из японских аутентичных журналов литературы: "В мире "Сибирских рассказов" мы видим спокойствие автора, в котором уравнивается дистанцирование от реальности и реальный риск" [4]. Сиро смог реализовать свое стремление к изучению русского народа и хотел выразить в художественной форме реальную жизнь населения Забайкалья. Сиро Хасэгава сохранил на всю жизнь восхищение русским народом и хорошие воспоминания о русских из своего детства. В последние восемь лет жизни его нога была парализована, и он не мог ходить. Ему было трудно дышать, а его легкие были полностью черными от работы в угольной шахте.

Акира Куросава упоминал, что прочитал перевод Сиро, и именно поэтому он согласился на создание фильма "Дерсу Узала" по рекомендации "Мосфильма". Это было не так просто. Он прочитал перевод Сиро за несколько лет до предложения "Мосфильма" и обсуждал со своими продюсерами съемку фильма "Дерсу Узала" на Хоккайдо, но отказался от этого плана, поскольку тайга Приморья совершенно отличается от японской природы. "Дерсу Узала" он хотел снимать давно. И это настоящая причина, по которой он решил снимать "Дерсу Узала" на "Мосфильме". Так или иначе выбор Куросавы был обусловлен судьбой японского переводчика, восхищавшегося русскими.

Обложка книги "Дерсу Узала", переведенной Сиро Хасэгава

Cover of the book "Dersu Uzala" translated by Shiro Hasegawa.

Литература

1. Arsen'ev V.K. Derusu Uzara = Дерсу Узала / перевод Сиро Хасэгава. Синжинг: Мансю Дзиджо Ан-найсё, 1942.
2. Hasegawa Shiro. Bokuno Ojisan = Мой дядя. Токио: Seidosha, 1971.
3. Hasegawa Shiro. Shiberia Monogatari = Сибирские рассказы. Токио: Chikuma Shobo, 1952.
4. "Shiberia Monogatari" ni tsuite = О "Сибирских рассказах" // Gunzō. Токио: Kodansha, 1958.

References

1. Arsen'ev V.K. Dersu Uzala / translation by Shiro Hasegawa. Xingjing: Manshu Jijo Annaisho, 1942. (In Jap.)
2. Hasegawa Shiro. My Uncle. Tokyo: Seidosha, 1971. (In Jap.)
3. Hasegawa Shiro. Siberian Stories. Tokyo: Chikuma Shobo, 1952. (In Jap.)
4. About "Siberian Stories" // Gunzō. Tokyo: Kodansha, 1958. (In Jap.)

Осаму МИЯГАВА, бакалавр лингвистики, директор филиала Японского центра во Владивостоке, г. Токио, Япония, e-mail: miyagawa.54mu@gmail.com

Osamu MIYAGAWA, Bachelor of Linguistics, Director of the Vladivostok branch of the Japanese Center, Tokyo, Japan, e-mail: miyagawa.54mu@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 10.03.2024

Принята к публикации

(Accepted) 08.06.2024

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, пропоставка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - ☒ статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - ☒ материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - ☒ комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - ☒ материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) – отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
25. При включении в список литературы газет, также необходимо исходить из принципа: одна газета – один пункт в списке литературы (это касается всех изданий, в том числе и многотомных). Обязательно указывается год выхода газеты, месяц и число. При наличии – номер газеты и номер страницы.
26. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
27. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.

28. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).
29. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
30. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
31. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 2 (62) • 2024

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 28.06.2024
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 12,90. Уч.-изд. л. 15,96.
Тираж 100 экз.
Заказ 153

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006